

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

4 2026
ЧАСТЬ V

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 4 (607) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Амвросий Амбруазович Выбегалло*, профессор, вымышленный персонаж повестей братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» и «Сказка о Тройке».

Выбегалло представляет собой сатирическое изображение распространенного типа политического демагога и псевдоученого, функционирующего в официальной научной сфере: предельно невежественного приспособленца от науки, который, несмотря на весьма низкий научный потенциал, уверенно владеет «идеологически правильной» терминологией, умеет создать себе имя в прессе и пользуется популярностью среди обывателей и авторов поверхностных газетных статей.

Главным прототипом профессора Выбегалло был, по утверждению авторов, идеолог «мичуринской агробиологии» Трофим Лысенко, а второстепенным — писатель-фантаст Александр Казанцев.

Внешность и поведение профессора Выбегалло утрированно «народны»: у него «седоватая нечистая борода», волосы он стрижет под горшок, ходит «в валенках, подшитых кожей, в пахучем извозчицком тулупе». Говорит он «на французско-нижегородском диалекте» (все французские фразы которого позаимствованы из речи героини романа Льва Толстого «Война и мир» Анны Павловны Шерер), причем наряду с оборотами вроде «компрене ву» (от фр. «Comprenez-vous?» — «Вы понимаете?») его лексикон включает просторечные слова «эта» и «значить». Деятельность Выбегалло вызывает сомнения у руководителей института, однако членам ревизионной комиссии профессор предъявляет две справки: о том, что «трое лаборантов его лаборатории ежегодно выезжают работать в подшефный совхоз» и что он сам «некогда был узником царизма».

Сама фамилия Выбегалло, составленная из экзотического для России окончания «-лло», которое встречается в итальянских (Донателло, Уччелло), литовских и малороссийских фамилиях (Гастелло, Гегелло, Довгялло, Забелло, Тропилло и пр.), и корня русского глагола «выбегать», для русского читателя звучит комически и ассоциируется с понятием «выскачка». Этот эффект усиливается тем, что авторы (устаами персонажа «Понедельника...» Романа Ойры-Ойры) рифмуют ее с глаголом «забегалло» («Выбегалло забегалло?»), как бы придавая профессору средний род.

Темы исследований Выбегалло, являясь, по существу, псевдонаучными, вызывают интерес у поверхностного и не слишком образованного наблюдателя. Так, он создает и изучает тройкую модель человека — кадавра: «человека, полностью неудовлетворенного», «человека, неудовлетворенного желудочно», «человека, полностью удовлетворенного», обосновывая общественную полезность своих исследований с помощью псевдомарксистской, демагогической риторики.

Конкретное содержание данного исследования Выбегалло несет на себе печать времени: сформулированный в начале 1960-х годов так называемый «Моральный кодекс строителя коммунизма» как раз и предполагал рождение в стране победившего социализма «нового человека», в котором материальные и духовные потребности будут «гармонически сочетаться». Определенные аллюзии в данном исследовании есть и к пирамиде Маслоу, и к лозунгу Лысенко «Всё живое хочет кушать».

Среди других проектов Выбегалло — самонадевающиеся ботинки (которые стоили дороже мотоцикла и боялись пыли и сырости), самовыдерживающе-самовыкладывающаяся в грузовики морковь, выведение путем перевоспитания самонадевающегося на рыболовный крючок дождевого червя и так далее.

Антагонистами профессора Выбегалло в повестях дилогии о НИИЧАВО выступают молодые ученые-энтузиасты института: Александр Привалов, Виктор Корнеев, Роман Ойра-Ойра и другие.

Следует также заметить, что ироническая критика Выбегалло устами авторов достаточно хорошо согласуется с официальными советскими идеологическими установками того времени: развенчание «потребительства», «мещанства» и так далее.

В современной публицистике имя Выбегалло стало нарицательным и часто используется для обозначения невежественного псевдоученого-демагога.

В 2016 году Выбегалло стал одним из трех первых почетных академиков ВРАЛ (вымышленной «ВРунической Академии Лженаук»), будучи удостоен (виртуально) антипремии «за выдающийся вклад в развитие и распространение лженауки и псевдонауки» — вкупе со своим прототипом Лысенко и с Джуней, награжденными посмертно.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Кинжигаринова Б. Т.

О некоторых организационных проблемах и современном состоянии института адвокатуры в Российской Федерации..... 283

Козлов Д. Р.

Современное состояние и перспективы развития законодательства об оказании услуг в Российской Федерации 285

Коцаева А. Е.

Правовое регулирование охраны атмосферного воздуха в условиях изменения климата 287

Кремлёвский Г. Г.

Основополагающий принцип разделения властей: его понимание в историко-правовом и современном контексте..... 289

Кремлёвский Г. Г.

Ключевые основания классификации сделок и их практическое значение 292

Кудашова И. Ю.

Электронная форма независимой гарантии: правовое регулирование и практика применения в России 294

Куркова В. К.

Антикоррупционная политика российского государства, особенности её реализации в условиях современной России..... 297

Лазарева Е. А.

Роль судейского усмотрения в процессе назначения наказания: зарубежный опыт 300

Лазарева Е. А.

Индивидуализация наказания как средство повышения справедливости судебных решений 302

Ламакин М. А.

Угрозы экономической безопасности Российской Федерации в современном мире..... 303

Ламакин М. А.

Проблемы выявления и расследования налоговых преступлений..... 307

Лекомцев А. А.

Актуальные проблемы квалификации преступлений против военной службы..... 310

Лянгузов М. Н.

Основные меры предупреждения преступлений, связанных с побуждением подростков к суициду, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» 312

Масловский В. О.

Пробация и воспитательные меры как альтернатива лишению свободы несовершеннолетних..... 314

Матюшкин М. С., Пушкина А. А.

Проблемы возмещения вреда компонентам окружающей среды 315

Морева Е. И.

Проблемы применения и перспективы развития института семейной медиации в Российской Федерации..... 317

Морозов А. Е.

Понятие и особенности правового статуса судьи..... 318

Морозов А. Е.

Понятие и признаки дисциплинарной ответственности..... 321

Морозова И. О.

Проблема защиты интересов ребенка в контексте безусловного запрета на усыновление лицами с судимостью за тяжкие и особо тяжкие преступления против жизни и здоровья 324

Морозова И. О.

Понятие и система семейных прав ребенка в законодательстве Российской Федерации ... 326

Мыльникова Е. О.

Понятие земельного участка как объекта гражданских прав 328

Негрий А. Ю.

Совершенствование административно-правового статуса государственных служащих 330

Негрий А. Ю. Гарантии для государственных служащих.....	332
Неспанов К. О. Сущность и проблемы взаимодействия государства и гражданского общества	333
Панин Л. К. Субъекты реализации национального проекта «Демография»	336
Петрухина Т. О. Правовое регулирование договора об оказании услуг	341
Почекунин К. Н. Язык уголовного судопроизводства: перформативный подход (практическая часть)	343

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

О некоторых организационных проблемах и современном состоянии института адвокатуры в Российской Федерации

Кинжигаринова Бахыткуль Тлектесовна, студент
Челябинский государственный университет

В статье рассматривается современное состояние адвокатуры в России, анализируется правовая основа её функционирования, исследуются проблемы регионального неравенства и доступности юридической помощи. Особое внимание уделяется вопросам распределения адвокатского корпуса по территории Российской Федерации.

Ключевые слова: адвокатура, адвокатская деятельность, правовая помощь, независимость адвокатуры, региональное неравенство, юридическая защита.

Современный этап развития адвокатуры в России характеризуется качественно новым уровнем правового регулирования. Отправной точкой современного периода стало принятие Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», который заложил новую модель организации адвокатского сообщества. Данный законодательный акт стал фундаментальной правовой основой формирования адвокатуры как профессионального сообщества, независимого от органов государственной власти и местного самоуправления. Закон определил адвокатуру как профессиональное сообщество адвокатов, призванное оказывать квалифицированную юридическую помощь физическим и юридическим лицам для защиты их прав, свобод и интересов.

Основные направления деятельности современной адвокатуры включают оказание квалифицированной юридической помощи, участие в уголовном судопроизводстве, обеспечение доступа к правосудию, правовое просвещение населения и представительство в органах власти. Адвокаты осуществляют консультирование, составляют юридические документы, представляют интересы клиентов в судах всех инстанций и участвуют в формировании правосознания общества.

Законодательное закрепление независимости адвокатуры представляет собой фундаментальный принцип организации данного института. Как подчёркивает С. Л. Ария, «независимость адвокатуры является системообразующим принципом, без которого невозможно выполнение адвокатурой своей конституционной функции». Этот принцип находит своё воплощение в системе гарантий, обеспечивающих реальную независимость адвокатов при осуществлении профессиональной деятельности.

Система гарантий независимости включает: абсолютный запрет на вмешательство в профессиональную деятельность адвокатов; неприкосновенность помещений и документации; защиту адвокатской тайны, включая право отказа от дачи показаний; самоуправление через органы адвокатского сообщества. Особое значение имеет развитие гарантий защиты прав адвокатов при проведении следственных действий. Как отмечают З. М. Береза и А. Р. Сиукаева, «требуется совершенствование процессуальных гарантий при проведении обысков в помещениях адвокатов с учётом правовых позиций Европейского суда по правам человека».

Важным аспектом функционирования адвокатуры является система профессионального контроля и дисциплинарной ответственности. Адвокатское сообщество самостоятельно решает вопросы приобретения и прекращения статуса адвоката, применения мер дисциплинарного воздействия и разработки стандартов профессиональной деятельности.

На сегодняшний день в России функционирует 83 адвокатские палаты, объединяющие более 80 000 адвокатов. Динамика развития адвокатского сообщества демонстрирует устойчивый рост: с 2002 по 2024 год численность адвокатского корпуса увеличилась на 30 000 человек.

Для большей наглядности представим в таблице 1 динамику численности адвокатов в Российской Федерации с 2002 по 2024 год.

Таблица 1. Динамика численности адвокатов в Российской Федерации

Год	Численность адвокатов	Прирост за период
2002	50 000	-
2010	65 000	+15 000
2020	78 000	+13 000
2024	80 000	+2 000

Законодательство предусматривает четыре формы осуществления адвокатской деятельности: адвокатский кабинет, коллегия адвокатов, адвокатское бюро и юридическая консультация. Каждая форма имеет свои особенности: адвокатский кабинет представляет собой индивидуальную практику с персональной ответственностью, коллегия адвокатов функционирует как некоммерческая организация с управлением через общее собрание, адвокатское бюро работает на основе партнёрского договора, а юридическая консультация создаётся в случаях недостаточного количества адвокатов в судебном районе.

Таблица 2. Сравнительная характеристика форм адвокатских образований

Форма образования	Минимальное количество адвокатов	Требования к стажу	Организационно-правовая форма
Адвокатский кабинет	1	3 года	Индивидуальная деятельность
Коллегия адвокатов	2	3 года	Некоммерческая организация
Адвокатское бюро	2	3 года	Некоммерческая организация
Юридическая консультация	Определяется потребностями территории	Без требований	Учреждается адвокатской палатой

Как мы уже выше говорили, по данным официальной статистики ФПА РФ, общая численность адвокатского сообщества в России на 2024 год превышает 80 000 человек. При этом анализ статистических данных показывает значительную неравномерность распределения адвокатского корпуса по регионам России. Крупнейшей региональной палатой является Адвокатская палата города Москвы, в которой состоит более 20 000 адвокатов. На долю 15 наиболее развитых в экономическом отношении субъектов Федерации приходится около 60 % всего адвокатского корпуса страны.

Для большей наглядности приведём данные по распределению адвокатов по федеральным округам за 2024 год в таблице 3.

Таблица 3. Распределение адвокатов по федеральным округам (2024 г.)

Федеральный округ	Количество адвокатов	Доля от общей численности
Центральный	35 000	43,75 %
Северо-Западный	8 500	10,63 %
Южный	7 200	9,00 %
Приволжский	12 300	15,38 %
Уральский	6 800	8,50 %
Сибирский	7 900	9,88 %
Дальневосточный	2 300	2,88 %

Анализ территориального распределения адвокатского корпуса показывает существенную неравномерность. На Центральный федеральный округ приходится 43,75 % всех адвокатов страны, в то время как на Дальневосточный — менее 3 %. Такая диспропорция создаёт проблемы с доступностью юридической помощи в отдельных регионах.

Существующая система юридических консультаций в районах с низкой адвокатской плотностью оказывается малоэффективной из-за ограниченности ресурсов адвокатских палат. Адвокаты, работающие в отдалённых регионах, сталкиваются с рядом демотивирующих факторов: низкой платёжеспособностью местного населения, профессиональной изоляцией, отсутствием современной инфраструктуры и ограниченными карьерными перспективами.

Для решения выявленных проблем необходимо разработать комплекс мер, направленных на обеспечение равного доступа к квалифицированной юридической помощи, создание привлекательных условий работы для адвокатов в отдалённых регионах, развитие системы поддержки молодых специалистов и внедрение современных технологий в адвокатскую деятельность.

Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность функционирования адвокатуры как важнейшего института защиты прав и свобод граждан в современной России, обеспечить конституционное право каждого на квалифицированную юридическую помощь и укрепить доверие общества к институту адвокатуры.

Литература:

1. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.
2. Барковский Д. В. Институт адвокатуры на современном этапе развития Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 5–2 (44). С. 208.
3. Бирюлина Е. А. Принципы организации и деятельности адвокатуры в Российской Федерации // Научные горизонты. 2019. № 5–1 (21). С. 82.
4. Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <http://fparf.ru> (дата обращения: 15.11.2025).
5. Береза З. М., Сиукаева А. Р. Гарантии защиты прав адвокатов при проведении обыска в жилых и служебных помещениях: проблемы законодательного регулирования и практического применения // Адвокатская практика. 2021. № 3. С. 54–60.
6. Пилипенко Ю. С. Адвокатская тайна: законодательный, этический, правоприменительный аспекты / Ю. С. Пилипенко. — М.: Информ-Право, 2009. — 536 с.
7. Басилая В. Число действующих адвокатов снизилось впервые в истории России // Взгляд. Деловая газета [Электронный ресурс]. — URL: <https://vz.ru/news/2025/4/18/1326949.html> (дата обращения: 15.11.2025).
8. Адвокатура в России : учебник для вузов / под ред. Л. А. Демидова, В. И. Сергеева. — М.: Юстицинформ, 2006. — 576 с.
9. Ария С. Л. Жизнь адвоката. — Издание 3-е, дополненное и исправленное. — М.: Американская ассоциация юристов, 2010. — 490 с.

Современное состояние и перспективы развития законодательства об оказании услуг в Российской Федерации

Козлов Данил Романович, студент магистратуры

Научный руководитель: Барашян Лиана Робертовна, кандидат юридических наук, доцент

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты (Ростовская область)

В статье проводится комплексный анализ современного состояния правового регулирования договора возмездного оказания услуг в Российской Федерации. Автор обосновывает тезис о концептуальном устаревании положений главы 39 ГК РФ в условиях цифровой трансформации экономики и усложнения структуры социальных связей. Особое внимание уделяется дефициту нормативно закреплённых критериев качества нематериального результата и специфике ответственности исполнителя-профессионала.

Ключевые слова: договор возмездного оказания услуг, смарт-контракт, электронные платформы, профессиональная услуга.

Институт возмездного оказания услуг, регламентированный главой 39 Гражданского кодекса Российской Федерации, традиционно занимает центральное место в регулировании обширного сектора экономической деятельности, не связанного с созданием о вещественного результата. Однако динамичное развитие цифровых технологий, усложнение характера предоставляемых услуг

и формирование новых социально-экономических отношений выявили существенные пробелы и архаичность существующей правовой модели. Действующая конструкция, основанная на общих и во многом казуальных нормах, демонстрирует недостаточную гибкость для адекватного регулирования как технологически обусловленных форм взаимодействия (электронные платформы,

смарт-контракты), так и услуг, требующих повышенных гарантий для заказчика ввиду особой значимости предмета договора возмездного оказания услуг (медицинские, образовательные, юридические). На наш взгляд, в регулировании договора возмездного оказания услуг существуют проблемы, связанные с обеспечением баланса между принципом свободы договора, защитой прав потребителей и потребностями цифровой экономики.

Во-первых, трансформация договорных конструкций под влиянием цифровизации. Заключение договора оказания услуг в электронной форме, прямо допускаемое пунктом 1 статьи 160 и статьей 434 Гражданского кодекса Российской Федерации постепенно превращается в стандартную деловую практику. К примеру, при заключении договора между ООО «Вайлдберриз» и продавцом происходит акцепт публичной оферты продавцом путём регистрации на платформе и предоставления необходимых данных, далее продавцу направляется предложения о заключении договора в виде реквизитов для уплаты гарантийного взноса, наконец, происходит заключение договора с момента зачисления гарантийного взноса [1, с. 87]. Юридическая сила такого договора обеспечивается соблюдением базовых требований: возможностью достоверного воспроизведения его содержания на материальном носителе и идентификацией сторон, чаще всего достигаемой с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи (КЭП).

Более сложным с точки зрения доктринального осмысления и правового регулирования является феномен смарт-контракта. Так, «смарт-контракты могут помочь автоматизировать процесс страхования здоровья, например определять стоимость страховки и автоматически оплачивать медицинские услуги в случае необходимости» [2, с. 83]. В российской правовой системе, несмотря на отсутствие легального определения, преобладает подход, согласно которому смарт-контракт рассматривается не как самостоятельный вид договора, а как программный алгоритм, автоматически исполняющий условия соглашения, то есть как технологически усложненный способ заключения и (или) исполнения обязательства. Однако, ученые и практики отмечают серьезные правовые риски заключения смарт-контрактов: ответственность за ошибки в коде, который в силу свойств блокчейна не может быть оперативно исправлен, не укладывается в традиционные конструкции вины и непреодолимой силы; невозможным становится реализация права на односторонний отказ или изменение договора в связи с существенным изменением обстоятельств после запуска алгоритма. Эти проблемы вынуждают участников оборота дублировать смарт-контракты традиционными рамочными соглашениями, что снижает саму экономическую целесообразность технологии.

Во-вторых, актуальной проблемой является явная недостаточность общих норм главы 39 Гражданского кодекса Российской Федерации для регулирования услуг,

связанных с удовлетворением социально значимых, личных неимущественных или исключительно доверительных интересов заказчика. Статья 779 Гражданского кодекса Российской Федерации, перечисляя в качестве примеров медицинские, образовательные и консультационные услуги, отсылает к специальному законодательству, но не устанавливает для них базовых императивных гарантий, аналогичных, например, нормам о бытовом подряде или хранении. Между тем предмет таких «профессиональных услуг» обладает существенной спецификой: результат деятельности исполнителя (врача, юриста, педагога) часто нематериален, неотделим от личности исполнителя и зависит от субъективного восприятия заказчика, а сам процесс оказания услуги сопряжен с высокими рисками причинения вреда жизни, здоровью или имущественным интересам клиента. Существующее субсидиарное регулирование (ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», ФЗ от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации») фрагментарно и не восполняет системные пробелы гражданско-правового характера. В частности, не решен вопрос о применимости к таким договорам категории «надлежащее качество услуги» в отсутствие объективированных критериев результата, не урегулированы особенности распределения рисков при невозможности исполнения по причинам, связанным с личностью исполнителя (болезнь, утрата лицензии), не выработаны единые подходы к определению оснований и пределов имущественной ответственности исполнителя-профессионала за некачественную услугу, особенно в части возмещения упущенной выгоды заказчика. При анализе правового состояния юридических услуг, следует согласиться с Суховым Э. В., утверждающим, что «Главным недостатком современного правового регулирования юридических услуг является отсутствие объективных, нормативно закрепленных критериев качества оказываемых услуг» [3, с. 29].

В связи с этим требуется концептуальное совершенствование главы 39 Гражданского кодекса Российской Федерации и законодательном закреплении понятия «профессиональная услуга» с выделением ее квалифицирующих признаков: осуществление на основе специального образования, лицензии или членства в профессиональной организации; наличие особой цели — удовлетворения личных, социальных или деловых неимущественных потребностей заказчика, защита которых требует повышенных гарантий. Выделение этой категории позволит ввести дифференцированный режим ответственности. Для исполнителя-профессионала, действующего в рамках предпринимательской деятельности, должна быть установлена ответственность без вины за любое нарушение договора, кроме случаев непреодолимой силы, а также расширены основания для возмещения морального вреда. Исполнитель-профессионал должен иметь право на отказ от договора лишь при наличии уважительных причин (состояние здоровья, утрата

лицензии), с обязательным заблаговременным уведомлением заказчика и обеспечением передачи его другому специалисту, если это возможно.

В связи с этим требует разрешения ситуация, когда невозможность исполнения вызвана действиями или упущениями третьих лиц, привлеченных исполнителем с согласия заказчика. В этой части может быть применена по аналогии конструкция статьи 403 Гражданского кодекса Российской Федерации, возлагающая ответственность на исполнителя, который затем вправе регрессировать требования к виновному третьему лицу.

Таким образом, дальнейшее развитие законодательства об оказании услуг должно двигаться по пути его глубокой

дифференциации. На наш взгляд, совершенствование гражданского законодательства должно быть нацелено на создание трех уровней регулирования: 1) общие нормы для стандартных предпринимательских и бытовых услуг; 2) специальный режим для профессиональных услуг с усиленной защитой заказчика; 3) адаптированные правила для услуг, оказываемых с использованием автоматизированных систем и цифровых платформ. Такой подход, сочетающий традиционные гражданско-правовые ценности с адекватным ответом на вызовы цифровой эпохи, позволит обеспечить устойчивость, предсказуемость и справедливость договорных отношений в одной из ключевых сфер современной экономики.

Литература:

1. Зубарев, Н. С. Оферта как инструмент правового регулирования предпринимательской деятельности с использованием маркетплейсов: опыт «Озона» и «Вайлдберриз» / Н. С. Зубарев. — Текст: непосредственный // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — № 6. — С. 86–96.2.
2. Кириллова, Е.А., Зульфугарзаде, Т. Э. Гражданско-правовое обеспечение смарт-контрактов: монография. — Москва: ИНФРА-М, 2024. — 124 с.
3. Сухов Правовое регулирование юридической деятельности / Сухов, В. Э. — Текст: непосредственный // Юрист. — 2024. — № 5. — С. 27–31.

Правовое регулирование охраны атмосферного воздуха в условиях изменения климата

Коцаева Алёна Евгеньевна, студент

Научный руководитель: Митякина Надежда Михайловна, кандидат юридических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматриваются особенности правового регулирования охраны атмосферного воздуха в условиях изменения климата. Обосновывается, что климатический фактор оказывает существенное влияние на эффективность традиционных механизмов защиты воздушной среды и требует их адаптации. Анализируется действующее законодательство Российской Федерации, выявляются проблемы интеграции климатических целей в систему нормирования, мониторинга и разрешительной деятельности. Делается вывод о необходимости модернизации правовых механизмов охраны атмосферного воздуха с учетом международных климатических обязательств и задач устойчивого развития.

Ключевые слова: охрана атмосферного воздуха, изменение климата, экологическое право, климатический фактор, устойчивое развитие, правовое регулирование, экологическая безопасность, международное экологическое право.

В современном мире состояние атмосферного воздуха уже не сводится к предмету узкой природоохранной политики, а выступает критически важным фактором устойчивого развития и общественного здоровья. Загрязнение воздуха порождает не только экологические риски, но и долгосрочные социальноэкономические последствия. Климатические изменения усиливают эти эффекты, изменяя распределение загрязняющих веществ, повышая частоту экстремальных явлений и провоцируя эпизоды резкого ухудшения качества воздуха в населенных пунктах.

Актуальность правового регулирования охраны атмосферного воздуха в условиях изменения климата объяс-

няется рядом обстоятельств. Атмосфера остается классическим объектом общего экологического блага, что требует комплексной защиты со стороны государства, общества и международного сообщества. Одновременно климатические изменения как глобальный вызов усложняют задачи национальных правовых систем и заставляют включать климатическое измерение в существующие механизмы охраны атмосферного воздуха.

Конституционное право граждан на благоприятную окружающую среду и достоверную информацию о ее состоянии реализуется, в том числе, через специальные нормы, регулирующие охрану атмосферного воздуха. Фе-

деральный закон «Об охране атмосферного воздуха» от 04.05.1999 № 96ФЗ закрепляет основы государственной политики: нормирование качества, установление предельно допустимых концентраций, контроль и ответственность.

Климатические изменения антропогенного происхождения трансформируют метеорологические условия и усиливают трансграничный характер загрязнений. Национальные рамки регулирования в таком контексте оказываются недостаточными без развития международного сотрудничества и гармонизации подходов. Задача национального законодателя состоит не только в поддержании базовых механизмов охраны воздуха, но и в их адаптации к новым климатическим реалиям, что предполагает пересмотр целей, принципов и инструментов регулирования.

Цель настоящей статьи — проанализировать действующую правовую базу охраны атмосферного воздуха, выявить ключевые проблемы регулирования в условиях изменения климата и предложить конкретные направления модернизации правовых механизмов с учетом климатического фактора.

Методологическая основа исследования включает анализ нормативноправовых актов, сравнительноправовое сопоставление международных и национальных подходов, а также логикосистемный метод.

Атмосферный воздух — один из ключевых компонентов окружающей среды, от которого непосредственно зависят здоровье населения, состояние экосистем и параметры устойчивого развития. В правовой плоскости он рассматривается как самостоятельный объект экологической охраны, в отношении которого действуют специальные механизмы регулирования, контроля, нормирования и разрешительной деятельности. Через них реализуется конституционная гарантия права граждан на благоприятную окружающую среду.

Российское законодательство прямо подчеркивает особый статус атмосферы как «жизненно важного компонента» и части среды обитания человека, животных и растений. Федеральный закон «Об охране атмосферного воздуха» от 04.05.1999 № 96ФЗ закрепляет цели и задачи государственной политики, компетенцию органов власти, общие механизмы нормирования и выдачи разрешений.

Значимость охраны атмосферного воздуха возрастает на фоне нарастающих климатических изменений. Рост концентрации парниковых газов влияет не только на глобальную температуру, но и на локальные режимы рассеивания и накопления загрязняющих веществ. Это создает необходимость более интегрированного подхода, в рамках которого цели по сокращению выбросов парниковых газов и задач по улучшению качества воздуха выстраиваются в единую стратегию.

Охрана атмосферного воздуха встроена в более широкую систему экологического права. Именно эта отрасль задает принципы и инструменты регулирования отношений по использованию и охране природных ресурсов,

обеспечивая баланс между экономическим развитием и экологической безопасностью.

Экологическое право традиционно рассматривается как комплексная отрасль, направленная на обеспечение экологической безопасности, рациональное природопользование и защиту экологических прав человека. В этом контексте состояние атмосферного воздуха непосредственно влияет на реализацию права на благоприятную окружающую среду и других конституционных прав.

Принципы охраны атмосферного воздуха опираются на общие положения экологического права и специальные нормы законодательства об охране атмосферы. К ним относятся приоритет жизни и здоровья человека, требующий учитывать риски для населения при планировании и ведении хозяйственной деятельности, принцип превентивности, ориентирующий на предотвращение загрязнения до наступления вредных последствий, и принцип ответственности «загрязнитель платит». Принцип устойчивого развития занимает особое место, поскольку связывает экономический рост, энергетическую и климатическую политику с задачами сохранения качества воздушной среды.

В условиях изменения климата традиционные принципы экологического права тесно переплетаются с нормами международного климатического права и требуют адаптации. Загрязнение воздуха все чаще носит трансграничный и кумулятивный характер, а последствия усиливаются глобальными климатическими процессами, что снижает эффективность лишь национальных мер.

Ключевая правовая проблема состоит в том, что 96ФЗ формировался без явного учета климатического фактора. Для преодоления разрыва между охраной воздуха и климатической политикой целесообразно дополнить цели и принципы закона прямым указанием на учет климатических рисков и сокращение выбросов парниковых газов как элемент обеспечения качества атмосферного воздуха.

Трансграничный характер климатических процессов дополнительно усложняет задачу. Загрязнение воздуха и изменение климата не ограничиваются национальными границами, поэтому даже строгие внутренние нормы оказываются недостаточными без международной координации. Отсюда вытекает необходимость не только участия в международных соглашениях, но и имплементации их положений в отраслевое законодательство.

Парижское соглашение 2015 года хотя и не посвящено непосредственно охране атмосферного воздуха, фактически оказывает существенное влияние на эту сферу. Национально определяемые вклады государств по сокращению выбросов парниковых газов при их реализации способствуют улучшению качества воздуха, особенно в промышленно развитых регионах. В этой связи модернизация системы нормирования и разрешительной деятельности должна учитывать климатический фактор. Логичным выглядит поэтапное ужесточение нормативов для установок с высокой климатической значимостью, введение специальных требований к планам сокращения

выбросов для крупных источников и расширение применения наилучших доступных технологий с акцентом на снижение как традиционных загрязнителей, так и парниковых газов. Такие подходы требуют закрепления в подзаконных актах, конкретизирующих положения 96ФЗ.

Отдельного анализа требует система мониторинга атмосферного воздуха. Изменяющиеся метеоусловия, рост частоты экстремальных явлений и трансграничный перенос загрязнителей делают необходимой интеграцию экологического, гидрометеорологического и климатического мониторинга. Нормативное закрепление совместного использования данных, расширение сети наблюдательных пунктов в климатически уязвимых регионах, установление единых требований к форматам и периодичности измерений, а также к обмену информацией между органами власти — это ключевые направления модернизации мониторинговой инфраструктуры.

Международноправовое регулирование охраны атмосферного воздуха сформировалось постепенно и носит фрагментарный характер. Первоначально внимание было сосредоточено на трансграничном загрязнении, что выразилось в Конвенции о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния и последующих протоколах. Позднее в центр внимания вышли глобальные климати-

ческие процессы, что нашло отражение в Рамочной конвенции ООН об изменении климата, Киотском протоколе и Парижском соглашении. Хотя универсального договора, специально посвященного комплексной охране атмосферного воздуха, до сих пор нет, совокупность экологических и климатических соглашений формирует рамки, в которых государства модернизируют свое национальное законодательство.

Проведенный анализ позволяет констатировать: охрана атмосферного воздуха в условиях климатических изменений становится одной из наиболее сложных задач современного экологического права. Национальные механизмы охраны воздуха в России в целом сформированы, но их эффективность ограничена слабой интеграцией климатического фактора и инерционностью подходов к нормированию и мониторингу.

Перспективы совершенствования правового регулирования связаны прежде всего с адресной корректировкой 96ФЗ и подзаконных актов: закреплением климатического измерения целей и принципов охраны воздуха, климатически ориентированным нормированием выбросов, институциональным усилением интегрированного мониторинга и более полной имплементацией международных климатических обязательств.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, одобренных в 2020 г.).
2. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
3. Федеральный закон от 04.05.1999 № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2222.
4. Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния (Женева, 13 ноября 1979 г.) // Сборник международных договоров СССР.
5. Рамочная конвенция Организации Объединённых Наций об изменении климата (Нью-Йорк, 9 мая 1992 г.) // Официальные документы ООН.
6. Киотский протокол к Рамочной конвенции ООН об изменении климата (Киото, 11 декабря 1997 г.).
7. Парижское соглашение (Париж, 12 декабря 2015 г.) // Официальный сайт ООН.
8. Бринчук М. М. Экологическое право: учебник для вузов. М.: Норма, 2020. 688 с.

Основополагающий принцип разделения властей: его понимание в историко-правовом и современном контексте

Кремлёвский Георгий Георгиевич, студент магистратуры
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

Концепция разделения властей прошла длительный путь развития. Изучая этот путь, можно прийти к выводу, что основы теории были заложены ещё Аристотелем. В своем учении о государственном устройстве древнегреческий философ выделял три составные части:

первая — законосовещательный орган, вторая — магистратуры (должностные лица, управляющие государством) и третья — судебные органы. Однако, несмотря на сходное деление, Аристотель говорил о структуре государственного управления, а не о разделении властных

полномочий как таковых [1, с. 154]. Ещё одним примером ранних политико-правовых взглядов на эту тему являются идеи Полибия. Он видел идеал формы правления в смешанной системе, объединяющей принципы монархии, аристократии и демократии. Полибий разделял Римское государство на три власти: консулов, сената и народа, считая обязательным условием их равновесие и недопустимость перевеса в пользу одной из ветвей [2, с. 27].

Ни в эпоху Античности, ни в Средневековье не была создана целостная концепция разделения властей. Тем не менее, благодаря накопленным идеям был заложен фундамент для её последующего формирования. Первым мыслителем, сформулировавшим теорию разделения властей в её современном понимании, принято считать Джона Локка, представившего свои идеи в «Двух трактатах о государственном правлении». Его теория базировалась на принципах общественного договора и создании политического механизма, призванного защитить граждан от произвола государства и посягательств на их гражданские, политические и экономические свободы [3, с. 307]. Локк выделял лишь законодательную и исполнительную власти, относя судебную власть к элементам исполнительной. Третьей ветвью он признавал федеративную (союзную) власть, которую также объединял с исполнительной, поскольку их различие видел не в сути, а в функциях.

Приоритетное значение Локк отдавал законодательной власти, называя её «верховой». Именно законодательная власть вправе создавать законы для всего общества и каждого его члена, устанавливать общеобязательные правила поведения и назначать наказания за их нарушение; остальные ветви власти исходят из неё и ей подчинены. При этом в трудах Джона Локка слабо представлена система взаимного контроля между ветвями власти.

Классическая теория разделения властей была впервые полноценно разработана Шарлем Луи де Монтескье. Французский философ, опираясь на опыт Локка, изложил её в работе «О духе законов». Монтескье пришёл к выводу, что в любом государстве существуют три рода власти.

- **Законодательная власть**, с помощью которой государь или учреждение создаёт законы или отменяет существующие; её приоритет обусловлен самой природой.

- **Исполнительная власть**, решающая вопросы войны и мира, государственной безопасности и международных отношений; по своей природе она ограничена.

- **Судебная власть**, карающая за преступления и разрешающая споры между частными лицами; она должна быть независима в принятии решений и строго опираться на букву закона [4, с. 22].

Для обеспечения равновесия ветвей власти Монтескье ввёл элементы их взаимного ограничения, что можно считать прообразом механизма «сдержек и противовесов». Действенность его идей подтвердилась их закреплением в качестве конституционного принципа не только во Франции, но и в других государствах в конце XVIII века.

Идеи Монтескье развивали и другие мыслители. Серьёзное внимание теории разделения властей уделил не-

мецкий философ Иммануил Кант. В работе «Метафизика нравов» содержится его собственная интерпретация данной доктрины. По мнению Канта, законодательная власть принадлежит лишь суверенной коллективной воле народа, исполнительная сосредоточена у правителя и подчинена законодательной, а судебная назначается исполнительной властью. В результате возникает взаимосвязь всех ветвей, при которой они действуют одна посредством другой. Как и у большинства исследователей, система Канта ставит законодательную власть выше остальных, что объясняется тем, что их взаимосвязь действует на основе единого закона [5, с. 326].

Для полного понимания развития принципа разделения властей важно рассмотреть и противоположные точки зрения. Одним из первых критиков классической идеи выступил Жан-Жак Руссо. Он видел главную цель законодательной власти в контроле над правителем, полагая, что эта власть должна безраздельно принадлежать народу. Однако, признавая, что народ не может осуществлять её непосредственно, Руссо считал необходимым наличие «агента» в лице исполнительной власти, выполняющей функцию связующего звена между сувереном и подданными [6, с. 135]. Основное отличие его концепции заключалось в отрицании деления власти на отдельные институты; он признавал верховенство единой, нераздельной народной воли, выражаемой через плебисцит.

Обращаясь к отечественному опыту, стоит отметить, что в России принцип разделения властей как постулат либерализма впервые был выражен М. М. Сперанским в его «Проектах и записках». Для реформатора разделение властей было воплощением законности в форме осуществления власти. Единая государственная власть в лице монарха должна была, по его замыслу, проистекать из трёх ветвей. Законодательную власть предполагалось вручить Государственной Думе, ответственной за обсуждение и принятие законов. Главой исполнительной власти оставался монарх, который участвовал в деятельности Думы, но не мог издавать или отменять законы без её одобрения. Судебную власть олицетворяли высший судебный орган — Сенат и суд присяжных. Проект Сперанского предусматривал не только разделение, но и систему сдерживающих факторов для согласованного действия властей [7, с. 149].

Частичную реализацию этого принципа на практике ознаменовал Манифест 17 октября 1905 года. Акт устанавливал незыблемое правило: никакой закон не может вступить в силу без одобрения Государственной Думы. Однако система сдержек и противовесов действовала лишь по воле императора, из-за чего законодательные функции первых российских парламентов зачастую выглядели фиктивными. Тем не менее, роль Манифеста как краеугольного камня, внесшего важный вклад в развитие не только разделения властей, но и парламентаризма в России, трудно переоценить.

Далее, 23 апреля 1906 года, была утверждена новая редакция «Основных государственных законов Российской империи». Документ имел принципиальную важность,

поскольку впервые на законодательном уровне закреплял принцип разделения властей. Это положительно сказалось как в теоретической, так и в практической сфере, воплотившись в разделении функций и обновлении политической жизни государства.

Советский период ознаменовался отторжением принципа разделения властей под влиянием идей К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Его признавали буржуазным и неприемлемым. В СССР о реальном разделении властей говорить не приходится: диктатура пролетариата и лозунг «Вся власть Советам» не предполагали какого-либо деления. С 1917 года система государственной власти, по сути, концентрировала законодательные, исполнительные и судебные функции в едином узле — аппарате ЦК КПСС и Совете Министров [8, с. 31]. Конституция 1977 года закрепляла эту концентрацию под эгидой «демократического централизма», предполагавшего полную подотчётность нижестоящих органов вышестоящим и опасность «анархии» при ослаблении централизма.

Новый этап для реализации принципа разделения властей в России начался с принятием Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 года. Статья 10 Конституции провозгласила разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную и установила систему сдержек и противовесов для их функционирования.

В современной России законодательную власть осуществляет Федеральное Собрание, состоящее из Совета Федерации и Государственной Думы. Исполнительная власть принадлежит Правительству РФ, а судебная — Конституционному и Верховному Суду Российской Федерации. Президент Российской Федерации, согласно Основному закону, является главой государства, гарантом Конституции, прав и свобод человека и гражданина, и обеспечивает согласованное функционирование органов государственной власти [9]. Президент, исходя из буквы закона, не относится напрямую ни к одной из ветвей власти, что порождает споры о его оптимальном месте в системе государственных органов [10, с. 354]. Конституция определяет основные механизмы взаимодействия властей, в то время как их полномочия уточняются в отдельных нормативных актах.

Современная доктрина сталкивается с вопросом о правовом статусе некоторых государственных органов, которые сложно однозначно отнести к традиционным ветвям власти. Например, в соответствии с Федеральным законом № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации», к его основным направлениям относится определение приоритетов внутренней и внешней политики и содействие согласованному функционированию органов публичной власти. Однако реальных полномочий по самостоятельной реализации этой политики

Совет не имеет, действуя лишь во взаимодействии с Правительством РФ или Государственной Думой [11, с. 8039].

Подобные примеры порождают в научной среде мнения о необходимости выделения дополнительных ветвей власти (президентской, прокурорской, учредительной и т. д.) [12, с. 379]. Однако выделение новых ветвей может нарушить сложившееся взаимодействие и саму концепцию разделения властей, а теоретические построения могут оказаться нецелесообразными на практике.

В современных академических кругах продолжают дискуссии вокруг теории разделения властей. Одна из них касается проблемы соотношения общей теории и национальной практики её применения.

Единого мнения здесь нет. Наряду с признанием существования общей теории, ряд учёных полагает, что это не теория, а именно **принцип** — динамичный процесс постоянного перераспределения и изменения баланса между ветвями власти в каждом конкретном государстве. Существует также точка зрения, согласно которой речь идёт не о разделении самой власти, а о разделении функций и полномочий различных государственных институтов, поскольку вся власть исходит от народа и принадлежит ему [13, с. 10].

Несмотря на множество точек зрения, можно говорить об общей теории разделения властей, которая содержит универсальные базовые постулаты и принципы, составляющие её фундамент. Эти основы можно рассматривать как общие для всех её вариантов независимо от страны.

Помимо традиционного разделения на три ветви, в современных политических системах часто говорят о «четвёртой власти» — средствах массовой информации. Пресса играет важную роль в общественном контроле за деятельностью государственных институтов. Принцип разделения властей реализуется по-разному: в одних странах он жёстко закреплён конституционно (как система сдержек и противовесов в США), в других — менее формален и основан на обычаях (как в Великобритании, где исполнительная и законодательная власти тесно переплетены) [14, с. 340].

Формируя целостное представление о принципе разделения властей, приходим к выводу, что его истоки восходят к IV веку до н. э., а актуальность сохраняется по сей день. Длительное развитие этой дискуссии обусловлено её важностью для государственного устройства. Новые взгляды часто базировались на предыдущих достижениях, позволяя с каждым этапом анализировать идею всё глубже. Современная теория и практика также сталкиваются с проблемами: соотношение общей теории и национальных моделей, оптимальное распределение функций, вопрос о новых «ветвях» власти. Само наличие этих дискуссий доказывает непреходящую актуальность принципа разделения властей.

Литература:

1. Самышин А. В. Основные модели реализации принципа разделения властей в современном мире // Юриспруденция: актуальные вопросы теории и практики. — 2022. — С. 10–13.

2. Сергеева Н. В. Зарубежный опыт реализации принципа разделения властей // Государственная и муниципальная власть в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития. — 2018. — С. 340–345.
3. Курмаз А. И. Теория разделения властей, ее развитие и воплощение в России как феномен будущего // Теория и практика общественного развития. — 2012. — №. 3. — С. 354–356.
4. Аристотель. Политика. Афинская полития / предисл. Е. И. Темнова. — М.: Мысль, 1997. — 459 с.
5. Полибий. Всеобщая история в сорока книгах / пер. с греч. Ф. Г. Мищенко. — 1890. Т. 1. — СПб.: Наука, 2005. — 496 с.
6. Локк, Д. Два трактата о правлении / Дж. Локк; пер. с англ. Е. С. Лагутина, Ю. В. Семенова. — 4-е изд., — М.: Челябинск: Социум, 2020. — 496 с.
7. Монтескье, Ш. О духе законов / Шарль Луи Монтескье; [пер. на рус. яз. А. Горнфельда; вступит. ст. Д. Хаустова]. — М.: РИПОЛ классик, 2019. — 690 с.
8. Кант, И. Основы метафизики нравственности; Критика практического разума; Метафизика нравов / Иммануил Кант; [Вступ. ст. Я. А. Слинина, с. 5–52]. — СПб.: Наука: Санкт-Петербург. изд. фирма, 1995. — 528 с.
9. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Об общественном договоре. — Трактаты. — М.: КАНОН-пресс: Кучково поле, 1998. — С. 51–150.
10. Сперанский М. М. Проекты и записки / Подгот. к печати А. И. Копанев и М. В. Кукушкина; Под ред. [и с предисл.] С. Н. Валка Акад. наук СССР. Ин-т истории. — Ленингр.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. — 244 с.
11. Краснов В. И. Власть как явление общественной жизни // Социально-политические науки. — 1991. — № 11. — С. 27–35.
12. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
13. О Государственном Совете Российской Федерации: Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. N 394-ФЗ // СЗ РФ. — 2020. — № 50. — ст. 8039
14. Авакьян С. А. Конституционное право России: учеб. Курс: в 2 т. — Т. 1. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. — 864 С.

Ключевые основания классификации сделок и их практическое значение

Кремлёвский Георгий Георгиевич, студент магистратуры
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

Классификация является одной из ключевых тем в учении о сделках. Каждую сделку можно одновременно отнести к нескольким классификационным группам, что обусловлено длительной историей развития этого института и обширностью гражданского оборота.

В зависимости от субъектного состава и количества волеизъявлений, необходимых для совершения, сделки подразделяются на односторонние, двусторонние и многосторонние. Понятия этих видов раскрываются в статье 154 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ).

Согласно п. 2 ст. 154 ГК РФ, односторонней считается сделка, для совершения которой в соответствии с законом, иными правовыми актами или соглашением сторон необходимо и достаточно выражения воли одной стороны.

Статья 155 ГК РФ конкретизирует, что односторонняя сделка создает обязанности для лица, ее совершившего. В качестве исключения эта норма предполагает, что односторонняя сделка может порождать обязанности для других лиц лишь в случаях, прямо предусмотренных законом либо соглашением с этими лицами.

Типичным примером односторонней сделки, порождающей права, является завещание (Глава 62 ГК РФ). При

этом завещание может возлагать обязанности и на лиц, указанных в нем. Так, на наследника, получающего имущество, может быть возложена обязанность передать часть этого имущества или выполнить иное действие в пользу третьего лица — так называемый завещательный отказ (п. 1 ст. 1137 ГК РФ). Например, наследнику по завещанию переходит дом, но он не сможет вступить в права владения, пока не выплатит определенную денежную сумму дальней родственнице завещателя.

К признакам односторонней сделки также относятся:

- Оформление чека.
- Публичное объявление о конкурсе (ст. 1057 ГК РФ).
- Выдача доверенности (ст. 185 ГК РФ).
- Заявление участника о выходе из ООО (ст. 26 ФЗ № 14 «Об обществах с ограниченной ответственностью»).
- Зачет встречного требования (ст. 410 ГК РФ).
- Отказ от наследства (ст. 1157 ГК РФ).
- Принятие наследства (ст. 1152 ГК РФ).
- Внесение платежа отсутствующему кредитору (ст. 185 ГК РФ).
- Публичное обещание награды (ст. 1055 ГК РФ).

В доктрине гражданского права, в частности в работах Б. Б. Черепахина, существует классификация одно-

сторонних сделок на односторонне-управомочивающие и односторонне-обязывающие [1, с. 160].

Односторонне-управомочивающая сделка предоставляет другому лицу определенное субъективное право либо лишает его какого-либо правомочия. Её совершение признается правомерным при определенных условиях, например, когда она выгодна для адресата, соответствует его интересам или общественному благу, либо прямо предписана административным актом компетентного органа.

– **Двусторонними** признаются сделки, для заключения которых необходимо согласованное волеизъявление двух сторон.

– **Многосторонние** сделки требуют выражение воли более двух сторон, направленной на достижение единой правовой цели (п. 3 ст. 154 ГК РФ). Стоит отметить схожее деление договоров на двусторонние и многосторонние; различие заключается в том, что в сделке на одной стороне может выступить несколько лиц [2, с. 109].

Как справедливо отмечал С. С. Алексеев, односторонняя сделка является важной и специфической частью механизма гражданско-правового регулирования [3, с. 68]. Её практическая ценность проявляется в возможности достижения правового результата посредством волеизъявления одного лица. Например, составляя завещание, наследодатель самостоятельно распоряжается своим имуществом на случай смерти, определяя круг наследников и возлагая на них возможные обязанности.

Двусторонние сделки (договоры) составляют основу гражданского оборота, обеспечивая удовлетворение взаимных интересов сторон. Многосторонние же сделки (например, договор простого товарищества) служат для реализации общих целей трех и более лиц, порождая для каждого из них равные права и обязанности по совместной деятельности, управлению общим имуществом и распределению результатов.

Законодательство и доктрина в зависимости от момента возникновения обязательства, связанного с договором, разделяют сделки на две категории: консенсуальные и реальные. Актуальная и поныне классификация берёт своё начало ещё в римском праве, где традиционно выделялось три вида договоров:

Вербальные — сделка для совершения которой достаточно устного высказывания в строго определённой форме. Литеральные — совершались посредством внесения определённой записи в специальную книгу. И реальные (*res* от лат. вещь) — по средству материальной передачи вещи.

Исключением считались голые пакты (*pacta nuda*), которые первоначально не имели юридической силы и не включались в три основные группы обязательств. Позднее четыре типа пакта — товарищество, найм, купля-продажа и поручение — получили законную защиту путём предо-

ставления возможности предъявления иска и стали называться консенсуальными контрактами [4, с. 35]. В отличие от реальных контрактов, заключение которых зависело не только от согласия сторон, но и от определённых действий (например, передачи вещи), консенсуальные контракты возникали непосредственно из простого неформального соглашения сторон и сразу приобретали юридическую силу [5, с. 243].

Законодательство прямо не раскрывает понятия реальной и консенсуальной сделки, однако данное различие прослеживается в ст. 433 ГК РФ. Пункт 1 этой статьи, фиксирующий заключение договора с момента получения акцепта, отражает модель консенсуальной сделки. Пункт 2, указывающий на необходимость передачи имущества для заключения договора, описывает реальную сделку. Таким образом, для консенсуальной сделки ключевым является соглашение, а для реальной — соглашение плюс действие по передаче имущества.

Наглядным примером консенсуальной сделки служит договор купли-продажи (ст. 454 ГК РФ), где стороны обязуются: одна — передать товар, другая — принять и оплатить его. Модель реальной сделки иллюстрирует, например, договор займа (ст. 807 ГК РФ), который считается заключенным с момента передачи денег или вещей.

Анализ законодательных дефиниций позволяет сделать вывод: в определении консенсуальной сделки часто используется формулировка «**обязуется передать**», указывающая на будущее действие. В определении реальной сделки фигурирует глагол «**передает**», означающий, что передача является не будущей обязанностью, а конститутивным действием, завершающим заключение договора [6, с. 132].

Гражданский кодекс допускает возможность конструирования одного вида договора как в консенсуальной, так и в реальной форме. Яркий пример — договор дарения (ст. 572 ГК РФ), который может быть, как реальным (дарение как действие по передаче вещи), так и консенсуальным (обещание дарения в будущем). Аналогичная конструкция присутствует в договоре безвозмездного пользования (ссуды) (статья 689 ГК РФ). Это свидетельствует о гибкости классификации и возможности её комбинированного применения.

Практическое значение разграничения консенсуальных и реальных сделок велико. Консенсуальная модель (как в договорах поставки, подряда, возмездного оказания услуг) обеспечивает гибкость и динамизм оборота, позволяя сторонам связывать себя обязательствами до начала фактического исполнения. Реальная же модель (как в договорах займа, хранения, некоторых видах страхования) выступает дополнительной гарантией для одной из сторон, защищая её интересы до момента фактической передачи имущества, что снижает риски неисполнения.

Литература:

1. Черепяхин Б. Б. С. 30–31. цитировано по Егоров Ю. П. Сделки в гражданском праве: Учебное пособие. — Новосибирск: Сибвузиздат, 2000. — с. 476

2. Евграфьев А. А. Виды и формы сделок в гражданской правке Вестник магистратуры. — Право. — № 11–3. — 2016. — С.108–111.
3. Алексеев, С. С. Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования / С. С. Алексеев // Антология уральской цивилистики: 1925–1989: Сборник статей. — Москва, — 2001. — С. 54–68.
4. Годэмэ, Е. Общая теория обязательств. — М.: Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1948. — 511 с.
5. Колотинский, Н. Д. История римского права. Пособие к лекциям. — Казань: Типолитография В. В. Вараксина, 1912. — 347 с.
6. Белов, В. А. Сингулярное правопреемство в обязательстве. — М., 2002. — с. 299.

Электронная форма независимой гарантии: правовое регулирование и практика применения в России

Кудашова Ирина Юрьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Гребеньков Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Московский университет «Синергия»

В условиях динамичного развития экономики и усложнения хозяйственных связей особую значимость приобретает надёжная защита интересов сторон гражданско-правовых сделок. В этой ситуации критически важно иметь эффективные правовые инструменты, позволяющие минимизировать потенциальные убытки и обеспечить исполнение взятых сторонами обязательств. Одним из наиболее действенных способов обеспечения исполнения обязательств выступает независимая гарантия. Развитие института независимой гарантии ускорилось после Второй мировой войны. Это было связано с увеличением объема международной торговли, которая нуждалась в обеспечении крупных финансовых операций. В целях обобщения и систематизации сложившихся в международной практике способов обеспечения исполнения обязательств в 1978 году Международной торговой палатой были разработаны «Унифицированные правила по договорным гарантиям» (далее — УПДГ) [1]. Впоследствии, УПДГ подвергались доработке и уточнению в целях повышения их эффективности. В 1992 году Международной торговой палатой были разработаны «Унифицированные правила для гарантий по первому требованию» [2]. Именно этот документ был использован российским законодателем при подготовке основных положений о независимой гарантии, которые нашли своё отражение в Гражданском кодексе Российской Федерации [3].

Существенным стимулом для широкого применения независимой гарантии стал факт принятия двух федеральных законов: Федеральный закон от 06.05.1999 № 97-ФЗ «О конкурсах на размещение заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд» (далее — Закон № 97-ФЗ) [4] и Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон № 94-ФЗ) [5]. Эти два нормативных правовых акта не только систематизировали основные аспекты отношений между

заказчиками и поставщиками, но и устанавливали порядок осуществления закупок для государственных нужд. Именно в этот период начинается активное использование такого способа обеспечения исполнения обязательств поставщика как независимая гарантия. Безусловно, Закон № 97-ФЗ и Закон № 94-ФЗ были не самыми удачными, очень часто подвергались критике, в связи с чем в 2010 году началась работа по совершенствованию не только законодательства в части государственных закупок, но и гражданского законодательства, касающегося института независимой гарантии. Итогом этой работы является принятие Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон № 44-ФЗ) [6] и Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [7], благодаря которым в системе государственных закупок независимая гарантия является самым распространённым способом обеспечения исполнения обязательств.

Институт независимой гарантии в российском законодательстве, претерпев ряд изменений и дополнений, заменил институт банковской гарантии, расширив перечень организаций, которые могут выступать гарантами (ранее в этот перечень входили банк, иное кредитное учреждение или страховая организация). На сегодняшний день понятие и форма независимой гарантии определены статьей 368 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [8]. Так, по независимой гарантии гарант принимает на себя по просьбе другого лица (принципала) обязательство уплатить указанному им третьему лицу (бенефициару) определенную денежную сумму в соответствии с условиями данного гарантом обязательства независимо от действительности обеспечиваемого такой гарантией обязательства.

Стоит отметить, что в условиях активного внедрения процессов цифровизации в экономические процессы про-

исходит существенная трансформация традиционных способов составления и оформления документов. Технологический прогресс и распространение цифровых инструментов кардинально меняют деловую среду: всё чаще контрагенты отдают предпочтение электронному документообороту (ЭДО) вместо бумажного. В связи с этим, важным является вопрос в какой форме гарант может выдать независимую гарантию.

Согласно п. 2 ст. 368 ГК РФ для независимой гарантии установлена обязательная письменная форма в соответствии с правилами пункта 2 статьи 434 ГК РФ. Таким образом, законодатель определяет возможность составления независимой гарантии в форме электронного документа. Эту позицию подтверждает Пленум ВАС РФ [9], который в своём постановлении указывает на то, что «...требования статьи 368 ГК РФ о письменной форме банковской гарантии считаются соблюденными, к примеру, когда гарантия выдана в форме электронного сообщения с использованием телекоммуникационной системы SWIFT (СВИФТ)». Однако, практика использования СВИФТ применительная в отношении международных операций, на внутреннем рынке Российской Федерации предпочтительно использование бумажных носителей. Более того, в условиях усиления санкций, в том числе относительно банковского сектора, и стремлении защитить и укрепить экономическую независимость страны от внешних контрагентов, Банк России разработал и активно внедряет Систему передачи финансовых сообщений Банка России (СПФС). Однако, ни в одном нормативно-правовом акте нет упоминания о том, что гарант имеет право выдать гарантию в форме электронного сообщения с использованием СПФС. Также стоит отметить, что ГК РФ не раскрывает необходимые положения об атрибутах электронной формы гарантии. Более или менее этот вопрос раскрывается в Постановлении Правительства РФ от 08.11.2013 № 1005 «О независимых гарантиях, используемых для целей Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Постановление № 1005) [10]. В Постановлении № 1005 указано, что «Независимая гарантия оформляется в письменной форме на бумажном носителе или **в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью лица, имеющего право действовать от имени гаранта, или в случаях, предусмотренных Федеральным законом «Об электронной подписи», усиленной квалифицированной электронной подписью участника финансового рынка, являющегося гарантом, квалифицированный сертификат ключа проверки которой содержит указание только на участника финансового рынка в качестве владельца такого сертификата, и...**».

В данном документе уже есть ряд признаков, которым должна отвечать такая гарантия:

1) гарантия оформляется в форме электронного документа;

2) гарантия подписывается усиленной квалифицированной электронной подписью;

3) гарантия подписывается лицом, обладающего правом действовать от имени гаранта;

4) в случаях, установленных законом, квалификационный сертификат ключа проверки должен содержать указание только на участника финансового рынка (гаранта) в качестве владельца такого сертификата.

Несмотря на то, что Постановлением № 1005 установлен ряд необходимых признаков электронной гарантии, в правоприменительной практике нередки случаи, когда бенефициары настаивают на предоставлении независимой гарантии на бумажном носителе. Так, например, Арбитражный суд города Москвы рассматривал заявление бенефициара (заказчика) о признании незаконными решения и предписания Федеральной антимонопольной службы от 05.12.2022 № 223-ФЗ-486/22 [11]. Суть заключалась в том, что при проведении при проведении конкурса в электронной форме на право заключения договоров на оказание услуг по эксплуатационно-техническому обслуживанию объектов недвижимости один из участников предоставил независимую гарантию в электронной форме, хотя бенефициар (заказчик) выдвигал требование о представлении оригинала независимой гарантии нарочно в бумажной письменной форме до окончания срока подачи заявок на участие в закупке. Суд отказал в удовлетворении требований бенефициара (заказчика), указав на то, что «...независимая гарантия, полученная в виде электронного документа, подписанного электронной цифровой подписью, соответствует требованиям ст. 369 ГК РФ.

Следовательно, представление независимой гарантии в электронном виде, при учете ее оформления в электронном виде, является представлением оригинала такой гарантии».

Также стоит отметить, что Федеральная налоговая служба, являясь исполнительной власти, осуществляющим контроль и надзор за соблюдением законодательства о налогах и сборах в Российской Федерации, в случае предоставления отсрочки или рассрочки, инвестиционного налогового кредита по уплате сумм налогов в качестве обеспечения исполнения обязанности налогоплательщика по уплате налога устанавливает возможность обеспечить эти обязательства независимой гарантией. При этом, ст. 74.1 Налогового кодекса Российской Федерации [12] содержит аналогичные признаки электронной банковской гарантии, что и Постановление № 1005. Более того, Приказ ФНС России от 28.02.2024 № ЕД-7-15/162@ [13] не только обязывает гаранта предоставлять банковскую гарантию в электронной форме, но и устанавливает её формат, обязательные атрибуты, описывает требования к направляемым файлам и иные требования.

Если же обратиться в Федеральном законе «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [14], то в нём сказано, что таможенные

органы для обеспечения исполнения обязанностей принимают банковские гарантии «в виде документа на бумажном носителе или электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью лица, обладающего правом от имени гаранта подписывать банковские гарантии». В данном документе чётко прослеживается аналогия с ГК РФ. Однако, на сайте Федеральной таможенной службы размещён рекомендуемый образец банковской гарантии, но он всё же носит рекомендательный характер [15] нежели гарантия, принимаемая ИФНС для обеспечения обязательств налогоплательщиков.

Законодатель не полностью определил понятие электронной формы независимой гарантии и не установил

её формат, обязательные признаки и порядок электронного взаимодействия между гарантом и бенефициаром. В этой ситуации одни органы власти предлагают рекомендации по оформлению независимых гарантий, в то время как другие устанавливают жёсткие регламенты её формата и порядка предоставления. Однако эти меры недостаточны, поскольку они касаются лишь отдельных аспектов и не могут быть применены повсеместно. Устранение этой неопределённости через разработку правовых основ для использования электронной формы независимой гарантии не только решит множество вопросов в правоприменительной практике, но и будет способствовать развитию данного направления.

Литература:

1. «Унифицированные правила по договорным гарантиям» [рус., англ.] (Публикация Международной торговой палаты № 325) (с изм. и доп. 1978 г.) // СПС Консультант плюс [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15009&cacheid=D7040CF7F52FC0645DCE729B702734D7&mode=splus&rnd=tbbkQ#d3lX87VC1S6kQ3Q5> (дата обращения 26.12.2025).
2. «Унифицированные правила для гарантий по требованию, включая типовые формы (URDG 758). Редакция 2010 года» (Публикация Международной торговой палаты № 758) // СПС Консультант плюс [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=55669&rnd=14b55g#6pUo87VEPWOObylN> (дата обращения 26.12.2025).
3. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС Консультант плюс [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=508490&dst=101611&cacheid=120A1C20ED01A0E0D41DEE9A747FACD2&mode=splus&rnd=tbbkQ#RX7j87V0sTYH8Wno1> (дата обращения 26.12.2025).
4. Федеральный закон от 06.05.1999 № 97-ФЗ «О конкурсах на размещение заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд» // СПС Консультант плюс [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=23004&cacheid=8BBD95AC7DE9F69912F3A1FE6E4FE638&mode=splus&rnd=M1FNg#MBhwp8VekbjeGsoi1> (дата обращения 26.12.2025).
5. Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» // СПС Консультант плюс [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=148890&cacheid=4D56E2974B7694BBB2C99E9F93B8204B&mode=splus&rnd=M1FNg#I7Exp8VMVFnJiJgH2> (дата обращения 26.12.2025).
6. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // СПС Консультант плюс [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=495181&dst=1000000001&cacheid=7CD9EFB2B8C8478228D75E1190A9BA71&mode=splus&rnd=tbbkQ#t4Tp87VCEAsgExhA3> (дата обращения 26.12.2025).
7. Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // СПС Консультант плюс [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=483052&dst=1000000001&cacheid=96E21E17E1F4B3F2612DFC9095B93EA0&mode=splus&rnd=tbbkQ#V4np87Vkey85rPW0> (дата обращения 26.12.2025).
8. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) // СПС Консультант плюс [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=508490&dst=101611&cacheid=120A1C20ED01A0E0D41DEE9A747FACD2&mode=splus&rnd=tbbkQ#RX7j87V0sTYH8Wno1> (дата обращения 26.12.2025).
9. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.03.2012 № 14 «Об отдельных вопросах практики разрешения споров, связанных с оспариванием банковских гарантий» // СПС Консультант плюс [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=128245&dst=100010&field=134&rnd=M1FNg#PX0Op8VcDdqkeVNY1> (дата обращения 26.12.2025).

10. Постановление Правительства РФ от 08.11.2013 № 1005 (ред. от 26.12.2024) «О независимых гарантиях, используемых для целей Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (вместе с «Дополнительными требованиями к независимой гарантии, используемой для целей Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», «Правилами ведения и размещения в единой информационной системе в сфере закупок реестра независимых гарантий», «Правилами формирования и ведения закрытого реестра независимых гарантий») // СПС Консультант плюс [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=494937&cacheid=2E498274575DC19541999ED2FA79A7BD&mode=splus&rnd=tbbkQ#M4Bq87VOfsOjJzYn> (дата обращения 26.12.2025).
11. «Обзор судебной практики в сфере закупок по 223-ФЗ (август 2023 года)» (Управление контроля размещения государственного заказа ФАС России) (Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2023) // СПС Консультант плюс [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=150401&cacheid=C3198DBFF4A9B5C47CFC1D90D522249B&mode=splus&rnd=M1FNg#29Dzp8V2IPwEKzUC1> (дата обращения 26.12.2025).
12. «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СПС Консультант плюс [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=495617&dst=2676&cacheid=7E740624CDA7FEF635C76C0C41A9B490&mode=splus&rnd=M1FNg#dvO4q8VuuBuKdk9y> (дата обращения 26.12.2025).
13. Приказ ФНС России от 28.02.2024 № ЕД-7-15/162@ «Об утверждении формата и порядка направления банковской гарантии в налоговый орган в электронной форме» (Зарегистрировано в Минюсте России 28.03.2024 № 77675) // СПС Консультант плюс [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=473296&dst=100731&field=134&rnd=M1FNg#ijY6q8V0g5j1KiQk1> (дата обращения 26.12.2025).
14. Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС Консультант плюс [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=507487&dst=100783&cacheid=E578574C6E77188C71346D2041CBFEFB&mode=splus&rnd=M1FNg#O018q8VErzx9ONrL1> (дата обращения 26.12.2025).
15. О рекомендуемом образце банковских гарантий [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://customs.gov.ru/document/text/160173> (дата обращения 20.01.2026).

Антикоррупционная политика российского государства, особенности её реализации в условиях современной России

Куркова Виктория Константиновна, студент магистратуры

Научный руководитель: Тараторин Евгений Викторович, кандидат педагогических наук, доцент
Московский международный университет

Введение

В современных реалиях постоянного развития информационных технологий и активного противоборства на международной арене обеспечение внутренней стабильности государства, благосостояния и безопасности его населения является первостепенной задачей. Более актуальной становится проблема доверия граждан к государственным органам, правового просвещения и единства. Разрушающей указанное доверие сущностью является коррупция и различные её проявления.

Антикоррупционная деятельность должна обладать открытостью, соответствовать времени и действовать на опережение возможным преступным деяниям. Действующим руководством Российской Федерации уделяется значительное внимание такой деятельности: начиная с из-

дания Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и продолжая постоянным совершенствованием методов борьбы с коррупцией путём издания Указов Президента Российской Федерации, подзаконных нормативно-правовых актов, методических рекомендаций, цифровизации и пр. В настоящей статье мы рассмотрим понятие коррупции, а также стоящие перед антикоррупционными органами проблемы современного времени; дадим оценку предпринимаемым мерам и их возможному эффекту в будущем.

Определение коррупции и её сущности

Сложность и комплексность антикоррупционной деятельности начинается ещё с определения коррупции, а главное, её восприятия и понимания обществом. Это

можно объяснить неисчислимым количеством её возможных проявлений, пронизывающих все сферы участия государства в жизни человека — начиная с оформления свидетельства о рождении, получения образования, осуществления трудовой деятельности, пенсионного обеспечения и заканчивая реализацией имущества после смерти.

Тем не менее, борьба с коррупцией без нормативного сопровождения бессмысленна. В качестве результата её конкретизации, обособления и смыслового структурирования мы можем наблюдать основополагающий антикоррупционный правовой акт — Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Согласно изложенным в нём определениям, коррупция — это:

1) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

2) совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица [2].

Из представленного определения можно сделать вывод, что обязательным составляющим коррупции являются непосредственные действия должностного лица с использованием своего служебного положения.

Следует отличать коррупцию от коммерческого подкупа (ст. 204 УК РФ), не предусматривающего незаконное применение государственным служащим возложенных на него полномочий.

Также следует отметить, что представленное в 273-ФЗ определение не является полным. Обратим внимание на статью 12.1 «Ограничения и обязанности, налагаемые на лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности». Нарушения далеко не всех из перечисленных в данной статье запретов подпадают под определение коррупции. Тем не менее в статье 13 настоящего Федерального закона мы видим, что они всё ещё именуются коррупционными.

Приведем несколько примеров коррупционных правонарушений, не подпадающих под определение коррупции, а именно, не содержащих ее составляющую — использование служебного положения для получения выгоды:

- осуществление предпринимательской деятельности в области, не связанной с должностными полномочиями;
- представление недостоверных сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера;
- участие в политических партиях;
- неурегулирование возможности возникновения конфликта интересов (конфликта интересов).

Отражённые в статье 13 273-ФЗ запреты о ограничения описывают поведение государственного служащего, в значительной мере способствующее проявлению коррупции. С учётом изложенного представленное определение коррупции можно дополнить еще одним подпунктом: «в) умышленное действие (бездействие) должностного лица, создающее условия для совершения деяний, указанных в подпункте “а” настоящего пункта».

Проблематика антикоррупционной деятельности с учётом развития современных технологий

Последние десятилетия информационные технологии занимают все больше места в жизни человека. Увеличение производительности, уменьшение размеров, оптимизация производства и удешевление стоимости привели к массовому распространению смартфонов и компьютеров среди населения. Ввиду этого начали появляться новые услуги сначала со стороны быстро адаптирующихся коммерческих организаций, а затем и государства. Указом Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» цифровая трансформация определена как одно из приоритетных направлений государства [3]. Такая приоритетность определена и последующим Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

Безусловно, работа по цифровизации деятельности органов государственной власти осуществлялась и ранее, но с 2020 года она значительно активизировалась. Значительная часть сведений о гражданах уже аккумулирована в различных базах данных.

В настоящее время мы находимся в переходном моменте — когда отработан и налажен процесс сбора и цифровой обработки информации, но принципы антикоррупционной деятельности основаны ещё на устаревшем подходе (сбор бумажных носителей, недостаточное использование возможностей электронной цифровой подписи, неприменение методов анализа по открытым данным).

Рассмотрим изменения в государственной антикоррупционной политике через призму ежегодных декларационных кампаний.

С 2008 года на государственных служащих возложена обязанность по представлению сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. Изначально сведения представлялись в рукописном виде по установленной форме. Проверяющими по необходимости истребовалась информация из контролирующих органов путём направления письменных запросов. Какая-либо существенная автоматизация указанного процесса не использовалась. Как результат — низкое качество анализа деклараций и выявления допущенных расхождений, сильное влияние человеческого фактора

со стороны антикоррупционных органов, недостаток информации из контролирующих органов.

С 2014 года внедряется специальное программное обеспечение «Справки БК», заполняемое государственными служащими на автоматизированных рабочих местах. Теперь в параллельном режиме возможен анализ деклараций в электронном виде. Внедряются инструменты автоматизации — проверка орфографии, сверка адресов со справочниками, анализ полноты заполнения разделов, сравнение разделов между собой.

Кроме того, происходит модернизация хранилищ данных государственных органов, налаживается межведомственное взаимодействие. Так, подсистемы обмена информацией внедрены в Росреестр, ФНС России, ФССП России, МВД России, Генеральной прокуратуре Российской Федерации, Россельхозе, ЗАГС, Социальном Фонде России и др. Определение у недобросовестного государственного служащего доходов и имущества, полученных незаконным путём, значительно упростилось и ускорилось. В итоге наблюдается прирост показателей по количеству зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ «Получение взятки».

Повышение эффективности мер по противодействию коррупции путём оптимизации процесса приёма и анализа справок о доходах

Учитывая многочисленность государственных служащих в Российской Федерации проведение декларационных кампаний занимает большое количество трудовых затрат. Одним из способов оптимизации трудовой деятельности является внедрение новых информационных технологий и усовершенствование существующих. Можно внести предложения по усовершенствованию специального программного комплекса «Справки БК».

К примеру, интегрировать СПО «Справки БК» с информационными системами государственного органа. В частности, интеграция с кадровой программой позволила бы обеспечить дополнительную проверку полноты представленных государственными работниками сведений о своих персональных данных и о персональных данных членов своих семей. В кадровую базу данных должна вноситься основная информация, ранее поданная государственными служащими при устройстве на работу. Она содержит общие сведения о работнике, занимаемую им должность, место работы, персональные данные и сведения о членах семьи. Большая часть информации в кадровую программу заносится из листа автобиографии, подаваемого работником. Данное предложение является эффективным средством при формировании перечня Справок о доходах, необходимого для принятия кадровым подразделением.

Также интеграция СПО «Справки БК» с информационной системой межведомственного электронного взаимодействия повысила бы качество проверки Справок о доходах при рассмотрении кандидатов на должности

в государственной службе, а также качество проведения проверок на предмет совершения государственными служащими коррупционных правонарушений.

Важной задачей при улучшении специального программного обеспечения «Справки БК» является не только упрощение порядка заполнения Справок о доходах, но и сокращение несущественных нарушений при их заполнении, допущенных непреднамеренно. Это также смягчит нагрузку на кадровые подразделения, выделяет на общем фоне всех нарушений те, к которым необходимо пристальное внимание. В настоящее время государственными органами при осуществлении работ по сопровождению декларационных кампаний уделяется значительно большее внимание профилактике нарушений путём издания дополнительных методических материалов, проведения обучающих занятий, показательного привлечения к дисциплинарной ответственности служащих. Такой подход безусловно необходим, но без упрощения работы с программным обеспечением, без реализации программного контроля за типовыми нарушениями, достичь максимально высоких показателей качества заполнения Справок о доходах невозможно.

Заключение

Коррупция — это структурно сложное социальное явление, укоренившееся практически во всех сферах общественной жизни, прежде всего в тех, где соприкасаются интересы общества и государства. Анализ данного явления может быть осуществлён со стороны различных масштабов и подходов: общемировом, историческом, нормативно-правовом, частно-предметном. Определить наиболее эффективные методы в каждом из подходов, связать их в единую цепочку для принятия конкретных решений и обеспечить качественную реализацию — всеобъемлющая задача, возложенная не только на государственный аппарат, но и на каждого гражданина.

Тема противодействия коррупции остаётся актуальной как в прошлом, настоящем, так и в будущем России. Коррупция представляет большую опасность стабильности государства, его суверенитета, благосостояния населения; с развитием современных технологий информационное поле становится одним из главных инструментов дестабилизации общества. Существующая теоретическая база по вопросам противодействия коррупции нуждается в постоянной актуализации, доработке и усовершенствовании.

Необходимо предложить основу, базирующуюся на элементарных (исходных) видах взаимодействий и подкрепить практическими результатами. Данная новая модель позволит осуществить структурированный разбор коррупционных правонарушений с целью установления их причин, выявления слабых звеньев в государственном аппарате, осуществления профилактики правонарушений по наиболее подверженным коррупционному риску категориям должностей.

Текущая организационно-правовая и программно-техническая система по предоставлению государственными служащими справок о доходах, расходах, об имуществе и об обязательствах имущественного характера нуждается в доработках. Задача стоит не только в упрощении порядка заполнения Справок о доходах, но и сокращении числа существенных нарушений, допускаемых непреднамеренно.

Используя полученную аналитическую информацию и результаты изучения принципов функционирования специального программного обеспечения «Справки БК», определён обширный перечень возможных улучшений. Данные улучшения являются реализуемыми и не требуют больших трудовых и денежных затрат, однако эффект от их применения будет значительным.

Литература:

1. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1.
2. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ.
3. Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21.07.2020 № 474.
4. Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» от 07.05.2024 № 309.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2019).
6. Методические рекомендации Минтруда России «По вопросам представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и заполнения соответствующей формы справки в 2025 году (за отчётный 2024 год)».

Роль судебного усмотрения в процессе назначения наказания: зарубежный опыт

Лазарева Екатерина Андреевна, студент магистратуры
Донецкий государственный университет

Статья посвящена анализу роли судебного усмотрения в процессе назначения наказания в уголовном праве зарубежных стран. В статье рассмотрены особенности применения судебного усмотрения в странах общего и континентального права, таких как США, Великобритания, Германия и Франция. Акцент сделан на возможности судей учитывать индивидуальные обстоятельства каждого дела при выборе меры наказания, а также на рисках и преимуществах, связанных с этим процессом.

Ключевые слова: назначение наказания, индивидуализация наказания, судебское усмотрение, субъективизм в правосудии, законодательные рамки, практика судебного усмотрения, гибкость наказания, уголовное право.

Судебное усмотрение является одним из ключевых элементов уголовного правосудия. Оно позволяет судье учитывать индивидуальные особенности дела и личности обвиняемого при назначении наказания. В зарубежных странах роль судебного усмотрения варьируется в зависимости от правовой системы — от стран общего права с широкими полномочиями судей до стран континентальной системы, где решения судей более формализованы. Данный реферат посвящен анализу зарубежного опыта применения судебного усмотрения и его влияния на назначение наказаний.

Судебное усмотрение — это возможность суда выбирать конкретное наказание в пределах, предусмотренных законом, с учетом всех обстоятельств дела. Оно обеспечивает индивидуализацию наказания, учитывая:

- тяжесть преступления;
- личность обвиняемого;
- смягчающие и отягчающие обстоятельства;
- общественную опасность правонарушения.

Важность усмотрения заключается в том, что оно помогает достичь баланса между законностью, справедливостью и эффективностью уголовного наказания [1, 2].

Например, в странах общего права, таких как США и Великобритания, судебское усмотрение играет ключевую роль. Судьи имеют широкие возможности при назначении наказания, ограниченные только рамками законов и судебной практики.

США: В федеральной системе и в большинстве штатов судья учитывает рекомендации по sentencing guidelines, но может отклоняться от них, мотивируя решение. Например, при назначении наказания за убийство суд может учитывать психическое состояние подсудимого, добровольное признание вины и сотрудничество со следствием. В практике встречаются как смягчение наказания по гуманитарным причинам, так и ужесточение при наличии отягчающих факторов, таких как рецидив или жестокость преступления [4].

Великобритания: Судьи используют принцип proportionality (соразмерности), оценивая тяжесть пре-

ступления и личные характеристики правонарушителя. Судебные рекомендации и практика позволяют достаточно гибко применять наказания — от лишения свободы до альтернативных мер (штрафы, общественные работы) [5].

В странах континентальной правовой системы (например, Германия, Франция) роль судебного усмотрения более ограничена. Законы конкретизируют виды наказаний и критерии их назначения, что уменьшает риск субъективизма.

Германия: Суд обязан учитывать § 46 УК Германии, который предусматривает смягчающие и отягчающие обстоятельства. Судейское усмотрение заключается в выборе конкретного срока лишения свободы или меры наказания внутри установленных рамок [7].

Франция: Суд также ограничен рамками закона, но имеет право индивидуализировать наказание, учитывая состояние здоровья, возраст, поведение до преступления и другие обстоятельства. Судебная практика показывает, что даже при жестких законодательных нормах судьи могут назначать альтернативные меры наказания, например условное осуждение или штраф [6].

Механизмы ограничения и контроля судебного усмотрения

Для снижения рисков субъективизма зарубежные правовые порядки вырабатывают специальные механизмы, которые помогают сделать назначение наказания более предсказуемым и проверяемым. К таким механизмам относятся: (1) рекомендации и руководства по назначению наказаний; (2) требования к мотивировке судебного решения; (3) апелляционный и кассационный контроль; (4) развитие probation и докладов о личности правонарушителя.

В странах общего права важную роль играют sentencing guidelines. В США, несмотря на различия между федеральным уровнем и штатами, судья, как правило, ориентируется на рекомендательные диапазоны, но обязан объяснить причины отклонения от них. Подобный подход позволяет одновременно сохранять индивидуализацию и обеспечивать сопоставимость наказаний по сходным категориям дел.

В Великобритании ориентиром выступают руководства (guidelines), подготовленные специальными органами (например, Sentencing Council). Практическое значение таких документов проявляется в том, что они

формируют «пошаговый» алгоритм: суд сначала определяет степень общественной опасности деяния, далее учитывает личность виновного, после чего выбирает базовый диапазон и корректирует его с учетом обстоятельств дела. Это упрощает проверку при обжаловании, поскольку мотивы суда становятся более прозрачными.

Для континентальных стран типичен иной инструмент — усиленные требования к обоснованию наказания и жесткая привязка к законодательно закрепленным критериям. В Германии выбор наказания опирается на общие правила Strafzumessung и перечень обстоятельств, которые суд обязан оценить. Французская модель также ориентирована на принцип индивидуализации, но предусматривает развитую систему альтернатив (условное осуждение, отсрочка, штрафы), что позволяет снижать применение лишения свободы.

Кроме того, в ряде стран расширяется применение probation и досудебных докладов (pre-sentence reports), которые помогают собрать сведения о личности обвиняемого и подобрать более подходящую меру наказания, в том числе альтернативную лишению свободы.

Преимущества и риски судебного усмотрения

Преимущества:

1. Возможность индивидуализации наказания;
2. Учет смягчающих и отягчающих обстоятельств;
3. Гибкость при применении новых форм наказания и реформ законодательства.

Риски:

1. Субъективизм и возможная дискреционная несправедливость;
2. Различия в практике между судьями, что может приводить к несоразмерности наказаний;
3. Необходимость четких правил и рекомендаций для предотвращения злоупотреблений [3].

Таким образом, можно сделать вывод, что судебское усмотрение играет важную роль в процессе назначения наказания в зарубежных странах. В странах общего права оно обеспечивает гибкость и возможность индивидуализации наказаний, а в странах континентальной системы — баланс между законностью и справедливостью. Анализ зарубежного опыта показывает, что эффективное использование судебного усмотрения требует сочетания гибких полномочий с четкими законодательными рамками и рекомендациями. Это позволяет достичь справедливости и гуманизации наказаний, снижая риски субъективизма и несоразмерности.

Литература:

1. Волосова Н. Ю. Уголовное право зарубежных стран: учебное пособие Оренбургский гос. ун-т. — Оренбург: ОГУ, 2018.
2. Иногамова-Хегай Л. В. Международное уголовное право: учебное пособие [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://e.lanbook.com/books/element.php?pl1_id=54595 (дата обращения: 05.11.2025). — Загл. с экрана.
3. Юрченко И. А. Уголовное право зарубежных стран: учебное пособие — М.: Проспект, 2015.
4. U. S. Code (U. S. Criminal Code) (2020). Title 18 — Crimes and Criminal Procedure. Retrieved from: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18>

5. Criminal Justice Act 2003 (UK). (2003). Retrieved from: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/44/contents/enacted>
6. Code Pénal (French Penal Code) (2021). Retrieved from: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000006070719/>
7. Strafgesetzbuch (German Penal Code) (StGB) (2020). Retrieved from: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/>

Индивидуализация наказания как средство повышения справедливости судебных решений

Лазарева Екатерина Андреевна, студент магистратуры
Донецкий государственный университет

В статье рассматривается индивидуализация наказания как один из ключевых принципов уголовного права и важнейшее средство обеспечения справедливости судебных решений. Анализируются нормативные основы индивидуализации наказания в уголовном законодательстве Российской Федерации, а также роль суда при назначении наказания с учетом характера и степени общественной опасности преступления, личности виновного, смягчающих и отягчающих обстоятельств. Особое внимание уделяется положениям Уголовного кодекса Российской Федерации, закрепляющим требования справедливости и соразмерности наказания.

Ключевые слова: уголовное право, наказание, индивидуализация наказания, справедливость, судебное усмотрение, назначение наказания, смягчающие обстоятельства, отягчающие обстоятельства, принцип соразмерности, судебная практика, Уголовный кодекс Российской Федерации.

Индивидуализация наказания рассматривается в уголовно-правовой науке как необходимое условие справедливого правоприменения. Ее значение подтверждается как положениями уголовного законодательства, так и практикой судов в различных правовых системах [2].

Под индивидуализацией наказания в уголовном праве Российской Федерации понимается учет судом при назначении наказания характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного, а также обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание. Данное требование прямо вытекает из положений статьи 60 Уголовного кодекса Российской Федерации, согласно которой суд обязан назначать наказание с учетом тяжести преступления, личности виновного и влияния наказания на исправление осужденного [1].

Как отмечал А. В. Наумов, наказание не может быть справедливым, если оно назначается без учета индивидуальных особенностей личности преступника и конкретной жизненной ситуации. Аналогичную позицию занимал В. Н. Кудрявцев, указывая, что формальный подход к назначению наказания подрывает доверие к правосудию [3].

Индивидуализация наказания позволяет избежать ситуации, при которой разные по своей сути преступления и разные по характеристикам лица получают одинаковые наказания, что противоречит принципу справедливости.

Принцип справедливости уголовного наказания закреплён в статье 6 Уголовного кодекса Российской Федерации, в соответствии с которой наказание и иные меры уголовно-правового характера должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его

совершения и личности виновного. Реализация данного принципа невозможна без индивидуализации наказания, поскольку формальное применение санкции статьи без учета конкретных обстоятельств дела может привести к несправедливому судебному решению.

Однако формальная соразмерность, основанная исключительно на санкции статьи уголовного закона, не всегда обеспечивает реальную справедливость.

Например, два лица могут быть осуждены за одно и то же преступление — кражу. Однако один из них совершил преступление впервые, возместил ущерб и раскаялся в содеянном, а другой является рецидивистом и причинил значительный вред. Назначение одинакового наказания в таких случаях было бы формально законным, но, по существу несправедливым.

Так, например, при назначении наказания за кражу, предусмотренную статьей 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, суд может выбрать различные меры уголовной ответственности в зависимости от обстоятельств дела. В случае если лицо впервые совершило преступление, добровольно возместило причиненный ущерб и раскаялось в содеянном, суд вправе назначить штраф, обязательные работы или условное осуждение. В то же время при наличии рецидива преступлений и значительного ущерба наказание может быть связано с реальным лишением свободы. Данный пример наглядно демонстрирует практическое значение индивидуализации наказания.

По мнению Н. Ф. Кузнецовой, справедливость наказания достигается тогда, когда суд учитывает не только юридическую оценку деяния, но и социальные последствия наказания для личности осужденного и общества в целом [4].

Индивидуализация наказания находит отражение как в национальной, так и в зарубежной судебной практике. В странах общего права (например, в США и Канаде) суды активно используют доклады о личности обвиняемого (pre-sentence reports), которые содержат сведения о социальном положении, семейных обстоятельствах, состоянии здоровья и поведении подсудимого.

Так, в Канаде после решения Верховного суда по делу *R. v. Gladue* суды обязаны учитывать социальные и культурные особенности коренных народов при назначении наказания. Это позволяет назначать альтернативные меры наказания вместо лишения свободы, если это способствует исправлению лица.

В странах континентальной правовой системы, включая Германию и Францию, индивидуализация наказания осуществляется в рамках установленных законом санкций. Например, в Германии суд может назначить штраф или условное осуждение вместо лишения свободы лицу, впервые совершившему преступление небольшой тяжести, если это отвечает целям наказания.

Индивидуализация наказания способствует более эффективному достижению целей уголовной ответственности, таких как исправление осужденного и предупреждение новых преступлений. Назначение наказания с учетом личности виновного повышает вероятность его исправления и снижает риск рецидива. Кроме того, индивидуализированное наказание воспринимается обществом как более справедливое, что укрепляет доверие к судебной системе. Как указывал А. И. Рарог, справедливое наказание имеет не только юридическое, но

и важное социальное значение, формируя уважение к закону [5].

Таким образом, индивидуализация наказания занимает ключевое место в системе принципов уголовного права и является важнейшим условием обеспечения справедливости судебных решений. Назначение наказания без учета характера и степени общественной опасности преступления, личности виновного, а также смягчающих и отягчающих обстоятельств противоречит как целям уголовного наказания, так и основополагающим принципам уголовного законодательства Российской Федерации.

Анализ норм Уголовного кодекса Российской Федерации, в частности статей 6, 60, 61 и 63, позволяет сделать вывод о том, что индивидуализация наказания закреплена на законодательном уровне и выступает обязательным элементом правоприменительной деятельности суда. Именно посредством индивидуального подхода достигается соразмерность наказания, обеспечивается его воспитательное и предупредительное значение, а также минимизируется риск назначения чрезмерно суровых либо неоправданно мягких санкций [1].

Практика назначения наказаний показывает, что учет личности виновного, его социального положения, поведения после совершения преступления и отношения к содеянному позволяет суду выбрать наиболее справедливую и эффективную меру уголовной ответственности. Индивидуализация наказания способствует достижению целей исправления осужденного и предупреждения повторной преступности, что имеет важное значение для обеспечения устойчивости правопорядка.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. действующая) — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.01.2026). — Загл. с экрана.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.01.2026). — Загл. с экрана.
3. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2022.
4. Кузнецова Н. Ф. Назначение наказания в уголовном праве — М.: Юрайт, 2020.
5. Рарог А. И. Уголовное право Российской Федерации Общая часть: учебник. — М.: Проспект, 2021.

Угрозы экономической безопасности Российской Федерации в современном мире

Ламакин Максим Алексеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Кафиатулина Алла Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

Динамично изменяющиеся геополитические и геоэкономические условия выдвигают новые требования к обеспечению национальной безопасности страны и ее устойчивого развития. Одно из центральных мест в структуре национальной безопасности России занимает ее экономическая безопасность, гарантирующая независимость страны, условия стабильности и эффективной жизнедеятельности общества. В связи с этим, отслеживание тенденций в экономической

сфере, выявление основных рисков и угроз безопасности экономики, определение мер по снижению их негативного влияния весьма актуальны как с научной, так и с практической точки зрения.

Ключевые слова: экономическая безопасность страны, угрозы экономической безопасности, коррупция, денежно-кредитная политика, контрабанда, внешнеэкономическая деятельность

Threats to the economic security of the Russian Federation in the modern world

Lamakin Maksim Alekseevich, master's student

Scientific advisor: Kafiatulina Alla Vladimirovna, phd in law, associate professor

Ivanovo Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

Dynamically changing geopolitical and geoeconomic conditions put forward new requirements for ensuring the country's national security and its sustainable development. One of the central places in the structure of Russia's national security is its economic security, which guarantees the country's independence, conditions for stability and effective functioning of society. In this regard, monitoring trends in the economic sphere, identifying the main risks and threats to economic security, and determining measures to reduce their negative impact are highly relevant from both a scientific and practical point of view.

Keywords: economic security of the country, threats to economic security, corruption, monetary policy, smuggling, foreign economic activity

В настоящее время Россия находится на тяжелом этапе своего исторического развития — создание и совершенствование институтов рыночной экономики в стране на основе укрепления госсектора и государственного управления социально-экономической сферой. Все это проходит в условиях тяжелой геополитической ситуации и возрастающего давления экономических и политических санкций со стороны стран коллективного Запада.

В ходе выступления 28 февраля 2023 года на заседании коллегии ФСБ России, Президент Российской Федерации В. В. Путин [22] особо отметил, что самое серьезное внимание необходимо уделять борьбе с коррупцией, реализацией гособоронзаказа и незамедлительно реагировать на факты незаконного использования бюджетных средств, выделяемых в рамках региональных программ.

Вместе с тем, сохранение статуса государства, укрепление его позиций в мире, превращение России в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях многополярного мира, входят в систему национальных интересов Российской Федерации, которые зафиксированы в Стратегии национальной безопасности. Национальная безопасность зависит от эффективности функционирования системы обеспечения национальной безопасности и достигается безопасностью всех входящих в социально-экономическую систему государства подсистем. В числе важнейших из них экономическая безопасность. В условиях продолжающихся санкций вопросы обеспечения экономической безопасности входят в разряд наиболее актуальных [6].

В указанной работе проанализированы и обозначены некоторые угрозы экономической безопасности. Представляется затруднительным выделить основные проблемы угроз экономической безопасности, поскольку эти угрозы существуют в различных сферах функционирования государства.

Актуальной проблемой является контрабанда с территории СВО, техники, ресурсов и материалов, оборот которых ограничен или запрещен на территории РФ.

Уголовный кодекс РФ устанавливает ответственность за контрабанду, основываясь не на механизме унификации ответственности, а точно реагируя на угрозы, возникающие в результате незаконного таможенного оборота предметов, определяющих особые условия их перемещения. [20. С. 118]

Боевые действия в зоне проведения специальной военной операции создали предпосылки для усиления контрабандной деятельности. Нелегальный оборот товаров, включая оружие, топливо, алкоголь и сигареты, нарушает легальные экономические связи, снижает налоговые поступления и способствует криминализации экономики. Особенно обостряется эта проблема в связи с проведением Специальной военной операции, поскольку именно из зоны СВО на территорию РФ поступает большое количество товаров, ограниченных и запрещенных к обороту на территории Российской Федерации. Вместе с тем, поступление контрафактно-контрабандная продукция создает базис теневой экономики, ущемляет права добросовестных предпринимателей, тем самым подрывает экономическую безопасность государства, создает реальную угрозу для здоровья населения. Еще одной проблемой является неконтролируемый вывоз природных ресурсов, особенно стратегических, ослабляет сырьевой потенциал страны. Это лишает экономику долгосрочных возможностей для переработки внутри страны и повышения добавленной стоимости.

Социальные выплаты и льготы, возникшие в связи с проведением СВО также создают определенные риски. Расширение программ поддержки — таких как материнский капитал, пособия участникам СВО и их семьям — оказывает давление на бюджет. При отсутствии эффективного контроля возрастает риск злоупотреблений и нецелевого расходования средств.

Угрозы экономической безопасности в сфере социальных выплат и льгот — это совокупность факторов, которые могут негативно повлиять на устойчивость финансовой системы государства, эффективность социальной политики и благосостояние граждан. Возникают угрозы незаконного получения социальных выплат и льгот лицами, не имеющими на них права путем подделки документов для получения выплат, получение выплат сразу в нескольких регионах. Все это понесет за собой увеличение нагрузки на бюджет, снижение доверия к системе социальной поддержки и повышению уровня коррупции в органах государственной власти, поскольку должностные лица используют служебное положение для незаконного предоставления льгот или получения откатов.

Вместе с тем, добросовестные получатели социальных выплат могут столкнуться с задержкой в предоставлении выплат. Дополнительно стоит отметить тот факт, что в настоящее время отсутствует прозрачный контроль за распределением и использованием средств социальной поддержки. Все это может повлечь за собой изменения в структуре населения и экономике, влияющие на потребность и возможности государства в сфере соцподдержки.

В настоящее время продолжает процветать теневой оборот денежных средств через «обнальные» площадки и использование «дропов» — подставных лиц для обналичивания и перевода средств. Эти схемы подрывают налоговую дисциплину, нанося ущерб бюджету и дестабилизируя финансовую систему [14. С. 31].

Угрозы экономической безопасности Российской Федерации в сфере дробления бизнеса представляют собой серию рисков, связанных с процессами разделения крупных компаний на более мелкие структуры, что может повлиять на экономическую стабильность, налогообложение, конкуренцию и регулирование. Дробление бизнеса, несмотря на потенциальную выгоду в виде оптимизации налоговых и управленческих процессов, может создать ряд угроз для устойчивости экономики страны.

Дробление крупных бизнес-структур с целью создания нескольких малых компаний позволяет уменьшить налоговую нагрузку, уменьшить объемы отчетности и уклоняться от уплаты налогов, социальных взносов и других обязательных платежей. Это неизбежно поведет за собой упущение налоговых поступлений в бюджет страны, создание несправедливых условий для честных предприятий. Также, дробление бизнеса может использоваться для создания структур, которые фактически сохраняют монопольное положение, обеспечивая контроль за ключевыми отраслями или рынками, при этом формально разделяя бизнес на несколько субъектов [12. С. 153–154].

Дробление бизнеса может затруднить сбор точных и актуальных данных о реальном состоянии экономики, что осложнит прогнозирование и разработку эффективной экономической политики и снизить международную конкурентоспособность России, так как малые предприятия часто не имеют достаточных ресурсов для успешной деятельности на внешних рынках.

Стоит отметить и существенные проблемы в некоторых отраслях, таких как: производство, электроэнергия, строительство, миграция. Недофинансирование и технологическое отставание в базовых секторах промышленности, энергетики и строительства приводят к снижению конкурентоспособности. Проблемы импортозамещения и зависимости от внешних компонентов также остаются актуальными [12. С. 155].

Неразвитая миграционная политика создаёт нагрузку на социальную сферу и рынок труда. Неконтролируемый приток рабочей силы может провоцировать теневую занятость и снижение уровня жизни коренного населения.

Современной и актуальной проблемой является рост нелегального сектора азартных игр в интернете способствует оттоку капитала, отмыванию доходов и формированию криминального капитала. В условиях слабого регулирования этот сектор представляет реальную угрозу экономике и общественной морали.

Множество онлайн-казино, особенно нелегальных, могут привести к утечке значительных денежных средств за границу, особенно если они работают в юрисдикциях с более низкими налогами и минимальными требованиями к лицензированию. Операторы онлайн-казино регистрируют свои компании в странах с низким уровнем налогового контроля (например, в офшорах), что позволяет избежать уплаты налогов в стране, где действуют игроки [21. С. 26].

Стоит упомянуть и экономическую экспансию иностранных государств. Чрезмерное присутствие иностранных компаний в стратегических секторах экономики может представлять угрозу суверенитету и контролю над ключевыми активами. Особенно это актуально в условиях санкционного давления и политической нестабильности [11. С. 100].

Также необходимо обратить внимание на такую проблему как преднамеренное банкротство. Компании нередко используют фиктивное банкротство для уклонения от долговых обязательств, вывода активов и хищения государственных средств. Такие практики подрывают доверие к предпринимательской среде и финансовой системе [9. С. 180].

Сложность и многоуровневость экономических угроз требуют системного подхода и координации между органами власти, бизнесом и гражданским обществом. Повышение прозрачности, цифровизация госуслуг, ужесточение контроля за теневой экономикой и развитие стратегических отраслей — ключевые шаги к укреплению экономической безопасности России.

Подводя итоги, можно сказать, что на сегодняшний день существует огромное количество угроз национальной безопасности в экономической сфере. Бороться с каждым проявлением отдельно представляется крайне тяжелой задачей, поэтому необходимо проводить постоянную, комплексную работу по совершенствованию законодательства и борьбой с преступными проявлениями в целях эффективного обеспечения государственной безопасности Российской Федерации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (ред. 2022 г.) // Российская газета, — 2009. — № 7;
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст.2954.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: принят федеральным законом от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
4. О противодействии коррупции: федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2008. — № 52 (ч. 1). — Ст. 6228.
5. О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы: указ Президента РФ от 13.04.2010 № 460 // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 16. — Ст. 1875.
6. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 // Собрание законодательства РФ. — 2017. — № 20. — Ст. 2902.
7. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 27 (часть II). — Ст. 5351.
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (вместе с «Правилами проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», «Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов») и др.
9. Яценко А. С. Преднамеренное банкротство: проблемы квалификации и разграничения смежных составов преступлений // Вестник БГУ. 2015. № 3. С. 178–181.
10. Куликов Р.С, Петрянин А. В. Контрабанда как форма внешнеэкономической преступной деятельности: новые направления уголовной политики // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 3 (37). С. 334–338.
11. Дудин М. Н., Лясников Н. В., Сидоренко В. Н. Экономическая безопасность России: угрозы национальным интересам и их отражение // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2014. № 4 (20). С 98–106.
12. Жигульский Г. В. Влияние налоговой системы на инновационный процесс на промышленном предприятии // ЭКО. 2011. № 10. С. 152–159.
13. Криворотов В. В. Результаты финансирования инновационной деятельности в России // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2012. № 3 (93). С. 2–5.
14. Кудрин А. Л. О налоговой политике в России до 2013 г. // Финансы. 2010. № 3. С. 31.
15. Хадисов М. Р. Б. Основные концептуальные проблемы и угрозы экономической безопасности региона // Актуальные вопросы экономических наук. 2013. № 33. С. 108–111.
16. Абалкин Л. И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 5. С. 4. 3. Вечканов Г. С. Экономическая безопасность: учеб. для вузов. СПб.: Питер, 2007. 384 с. 4. Глазьев С. А. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018. 768 с.
17. Ускова Т. В. Ключевые угрозы экономической безопасности России // Проблемы развития территории. 2019. № 1 (99). С. 7–16.
18. Татаркин А. И. Экономическая безопасность как объект регионального исследования / А. И. Татаркин [и др.] // Вопросы экономики. 1996. № 6. С. 78–89.
19. Воронин Ю. А. Борьба с коррупционной преступностью в системе государственной и муниципальной службы / Ю. А. Воронин, И. А. Семенов, С. И. Сычева, Я. И. Семенов. — Екатеринбург: УрАГС, 2006. — 191 с.
20. Голосенко, О. Г. Контрабанда и иные преступления в сфере таможенного дела / О. Г. Голосенко, О. В. Гудкова // Современные научные исследования и разработки. — 2017. — № 9(17). — С. 118–121. — EDN YMHWZCZ.
21. Панов С. Л. Интернет-казино и преступность // Научный вестник Омской академии МВД России. 2005. № 2. С. 25–29.
22. Путин В. В. Выступление на расширенном заседании коллегии ФСБ России 28.02.2023 (Электронный ресурс): URL <https://www.kremlin.ru/events/president/news/70597/videos>

Проблемы выявления и расследования налоговых преступлений

Ламакин Максим Алексеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Кафиатулина Алла Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

В указанной работе проводится анализ актуальных проблем привлечения к уголовной ответственности недобросовестных налогоплательщиков за неуплату налогов, а также рассмотрены особенности возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях. К числу особенностей относится то, что на стадии возбуждения уголовного дела не выясняются обстоятельства, подлежащие установлению, поскольку на данном этапе оцениваются лишь имеющиеся данные, а также ключевые события совершения преступления, а также действующим законодательством предусмотрена возможность возбуждения уголовных дел налоговой направленности только при наличии материалов, поступивших от налоговых инстанций.

Ключевые слова: налоговые преступления, налоговые органы, правоохранительные органы, межведомственное взаимодействие, уголовный процесс, уголовное дело.

Problems of detection and investigation of tax crimes

Lamakin Maksim Alekseevich, master's student

Scientific advisor: Kafiutulina Alla Vladimirovna, phd in law, associate professor
Ivanovo Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The paper analyzes the current problems of bringing unscrupulous taxpayers to criminal liability for tax evasion, and also examines the features of initiating criminal cases for tax crimes. One of the features is that the circumstances to be established are not clarified at the stage of initiating a criminal case, as only the available data and key events of the crime are evaluated at this stage. Additionally, the current legislation allows for the initiation of criminal cases related to tax crimes only if there are materials provided by the tax authorities.

Keywords: tax crimes, tax authorities, law enforcement agencies, interagency cooperation, criminal proceedings, criminal cases.

За всё время существования УПК РФ условия и порядок возбуждения уголовного дела изменялись неоднократно. Федеральным законом от 9 марта 2022 г. № 51 [4] был установлен специальный порядок возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям. Стоит отметить, что благодаря передаче инициативы налоговому органу по возбуждению уголовных дел о налоговых преступлениях, было сокращено количество возбужденных уголовных дел в десятки раз.

В настоящее время уголовное преследование за совершение деяний, предусмотренных ст.ст. 198–199.2 УК РФ осуществляется только после того, как материалы налоговых органов поступают в правоохранительные органы в соответствии с налоговым законодательством. Более того следователь имеет возможность возбуждать уголовное дело без получения заключения страховщика и при наличии достаточных сведений, указывающие на признаки состава преступления, предусмотренного ст.ст. 199.3–199.4 УК РФ.

На стадии возбуждения уголовного дела важно принимать во внимание как уголовно-процессуальные, так и уголовно-правовые, криминалистические, криминологические и налоговые аспекты. [14. С. 82] Важным фактором является правильное установление признаков конкретного состава преступления деяния в сфере налогообложения.

Следует отметить, что на стадии возбуждения дела многие обстоятельства, подлежащие доказыванию, могут быть не выявлены полностью, в частности дополнительные факты совершения преступления. На это стадии проводится оценка имеющихся данных, поступивших от налоговых органов, и фиксация самого факта совершения преступления.

На первоначальном этапе проверки могут осуществляться мероприятия, направленные на детальное изучение уже имеющихся данных о совершённом преступлении. В частности, оцениваются полученные материалы; при необходимости формируются запросы в компетентные органы для получения дополнительных сведений. Затем все полученные данные подвергаются всестороннему анализу и уголовно-правовой оценке, после чего принимается итоговое решение в соответствии с ч. 1 ст. 145 УПК РФ.

Данный алгоритм позволяет эффективно собирать сведения, необходимые для принятия решения о возбуждении уголовного дела либо о его отказе. Стоит отметить, что полученная на первоначальном этапе информация содержит в себе описание объективной стороны состава преступления, при этом субъективная сторона в должной мере не изучается.

Для возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, совершившего преступление в налоговой

сфере, необходимо провести мероприятия, направленные на установление умысла на совершение преступления, поскольку своевременное установление психического отношения лица к совершенному деянию в дальнейшем может явиться основанием для принятия решения о необоснованности возбуждения уголовного дела либо незаконном отказе в возбуждении уголовного дела.

Для эффективной проверки сообщения о преступлении необходимо комплексное участие органов следственных органов, органов, осуществляющих оперативно — розыскную деятельность, а также специалистов и экспертов, которые имеют достаточную компетенцию для проведения судебной экспертизы, в целях определения важных обстоятельств, подлежащих доказыванию. [14. С. 83]

Представляется правильным подход, по которому при наличии комплексного подхода, в том числе привлечения экспертов криминалистов, предварительная проверка будет соответствовать требованиям полноты, достоверности, независимости и беспристрастности.

В настоящем исследовании рассматривается алгоритм сбора сведений, необходимых для принятия решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении. Указывается, что на первоначальном этапе информационная база содержит описание объективной стороны состава преступления, в то время как субъективная сторона исследуется должным образом не всегда.

При возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, совершившего преступление в налоговой сфере, целесообразно проводить мероприятия, направленные на выяснение умысла на преступление. Это обусловлено тем, что своевременное выявление психического отношения лица к содеянному может служить основанием для обоснованного отказа в возбуждении дела или для признания обращения неправомерным.

Для эффективной проверки сообщения о преступлении требуется координированный вклад следственных органов, органов оперативно-розыскной деятельности, а также специалистов и экспертов, обладающих достаточной компетенцией для проведения судебной экспертизы и выявления значимых обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Утверждается, что целесообразен комплексный подход, предполагающий привлечение криминалистов-экспертов; предварительная проверка должна соответствовать требованиям полноты, достоверности, независимости и беспристрастности.

Материалы уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 199 УК РФ свидетельствуют о том, что заключение налоговых органов в силу объективных обстоятельств не всегда отражают полностью достоверную информацию о возможных допущенных нарушениях налогового законодательства.

В связи с этим важным является норма, закрепленная в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, позволяющая проводить судебную экспертизу до возбуждения уголовного дела с одной су-

щественно сокращает количество необоснованных решений о возбуждении уголовных дел, с другой стороны существенно затягивает сроки принятия решения о возбуждении уголовного дела, что может привести к истечению сроков давности привлечения к уголовной ответственности. [13. С. 148]

Значительные суммы неуплаты налогов выявляются по результатам выездных налоговых проверок. Выездная проверка может проводиться только в отношении налогов, по которым на дату назначения проверки закончился налоговый период (например, для НДС — квартал, для налога на прибыль организаций — год). В ходе выездных проверок проводятся мероприятия налогового контроля, оценивается большой объем документов и информации. В связи с этим, средняя продолжительность выездной налоговой проверки (от даты решения на проведение проверки до даты решения о привлечении к ответственности) по Российской Федерации составляет 320 дней.

При этом, решение налогового органа, вынесенное по результатам налоговой проверки, вступает в законную силу в течении одного месяца, а в случае его обжалования в апелляционном порядке — в течении двух месяцев.

Неуплата налогов проверки образует состав налогового правонарушения, предусмотренного статьей 198 УК РФ (физические лица) либо 199 УК РФ (юридические лица).

В статье 32 Налогового кодекса Российской Федерации предусмотрена обязанность по направлению материалов проверки в следственные органы Следственного комитета Российской Федерации в случае неуплаты налогов, назначенных по налоговой проверке, в течении 75 рабочих дней со дня вступления решения в законную силу. [3]

Таким образом, с даты назначения выездной проверки до даты передачи материалов в следственные органы среднем проходит около 470 дней.

При таких обстоятельствах уголовные дела по ч. 1 ст. 198 и ч. 1 ст. 199 УК РФ подлежат прекращению в связи с истечением сроков давности уголовного преследования (2 года).

Вместе с тем, в целях сокрытия информации об исполнении сделок с «проблемными» контрагентами налогоплательщиками не представляются документы бухгалтерского и налогового учета по налогу на прибыль организаций.

В настоящем исследовании остро ставится проблема квалификации сотрудников, уполномоченных на предварительное расследование, а также надзора за принятием решений подразделениями. Особое значение в современных условиях приобретает контроль за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие. Необходимо уделять пристальное внимание соблюдению норм уголовно-процессуального права.

Как следует из вышеизложенного, для возбуждения уголовных дел в налоговой сфере существенную роль играет всесторонность и полнота проверки по сообщению

о преступлении. Именно эти признаки выступают гарантом соблюдения законности и обеспечения справедливости в регулировании общественных отношений.

Проведение проверки первоначальных сведений о возможном наличии признаков состава преступления в налоговой сфере должно осуществляться с целью выявления основания и данных, свидетельствующих о наличии состава преступления, а также лиц, потенциально причастных к его совершению. Объективность и законность материалов, полученных в ходе такой проверки, являются основополагающими факторами для последующих стадий уголовного судопроизводства.

В то же время для возбуждения уголовного дела по налоговым преступлениям нередко достаточно имеющихся фактических данных, свидетельствующих о самом факте совершения преступления, даже при неопределённости

круга лиц, возможно причастных к его совершению. Внесённые недавно изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ фактически вернули специальный порядок возбуждения уголовных дел по статьям 198–199.2 УК РФ, предусматривающий для возбуждения дела инициативу со стороны налогового органа.

С целью повышения эффективности раскрытия и расследования анализируемых правонарушений, обеспечения прав и законных интересов граждан и юридических лиц, а также принятия законных и обоснованных решений в рамках уголовно-процессуального законодательства, необходимо усиление контроля со стороны руководителей подразделений, ответственных за рассмотрение заявлений (сообщений) о преступлениях, выявляемых органами налоговой службы, и обеспечение принятия по ним правомерных и обоснованных решений.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации — Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 31.07.1998 N 146-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», N 31, 03.08.1998, ст. 3824.
4. Федеральный закон от 09.03.2022 N 51-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // «Российская газета», N 52, 11.03.2022.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 N 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 1, январь, 2020.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева. М., 2007; Козлов А. В. К вопросу об уголовно-правовой характеристике налоговых преступлений (проблемы квалификации и уголовной ответственности) // Российский следователь. 2004. № 8. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 12.09.2013);
7. Соловьев И. Н. Преюдиция по делам о налоговых преступлениях // Налоговая политика и практика. 2010. № 6. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 12.09.2013);
8. Якимова С. С. Пределы декриминализации налоговой сферы с учетом внесенных 29 декабря 2009 г. изменений в текст Уголовного кодекса Российской Федерации // Налоги и налогообложение. 2010. № 4. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 12.09.2013).
9. Александров, И. В. Расследование налоговых преступлений: учебное пособие для магистров / И. В. Александров. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 405 с. — (Магистр). — ISBN 978-5-9916-3481-6. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 28 — URL: <https://urait.ru/bcode/508145/p.28> (дата обращения: 12.01.2026).
10. Князев В. Г., Пансков В. Г. Налоговая система России. М., 1999; Налоговые системы зарубежных стран / под ред. В. Г. Князева, Д. Г. Черника М., 1997.
11. Черник Д. Г., Починков А. П., Морозов В. П. Основы налоговой системы: учеб. для вузов. М., 2000.
12. Жилинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2004; Иванчин А. А., Грибов А. С. О германском опыте конструирования составов экономических преступлений // Юридический мир. 2009. № 1.
13. Копылова, О. П. Изменения порядка возбуждения уголовного дела по налоговым преступлениям / О. П. Копылова, М. В. Сластунова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2016. — № 6–2. — С. 147–149. — EDN WAVZSN.
14. Расторопов, С. В. К вопросу о проблемах возбуждения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 198–199.2 ук РФ / С. В. Расторопов, О. В. Расторопова // Вестник Самарского юридического института. — 2023. — № 2(53). — С. 80–84. — DOI 10.37523/SUI.2023.53.2.011. — EDN RPLEMI.

15. Чашин А. Н. Офшорные зоны: правовое регулирование. М., 2010. С. 117.
16. Саркисов А. К. Офшорные юрисдикции: доктринальный аспект правоприменения // Административное и муниципальное право, 2009. № 10. С. 14–15.
17. Кокорин В. А. Современные проблемы административно-правового регулирования офшорных институтов // Государство и право, 2016. № 6. С. 19–21.
18. Котенко С. М. «Особенности выявления и производства предварительной проверки первичных материалов о преступных уклонениях от уплаты налогов с физических лиц» // Проблемы науки. 2019. № 6 (42). С. 77–80.
19. Саркисов А. К. Офшорные юрисдикции: доктринальный аспект правоприменения // Административное и муниципальное право, 2009. № 10. С. 14–15.
20. Кокорин В. А. Современные проблемы административно-правового регулирования офшорных институтов // Государство и право, 2016. № 6. С. 19–21.
21. Колодина И. МНС выведет юридических лиц на чистую воду // Российская бизнес-газета, 2015. № 21. С. 21–24.
22. Александрова Л. И. Основные особенности и проблемы выявления уклонений от уплаты налогов // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право, 2017. № 24 (273). С. 62–65.

Актуальные проблемы квалификации преступлений против военной службы

Лекомцев Александр Андреевич, студент магистратуры

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

В связи с проводимой нашей страной специальной военной операцией (СВО) на территории Украины на законодательном уровне потребовалось внесения ряда изменений, включая положения УК РФ, предусматривающие уголовную ответственность за совершение военных преступных посягательств. Так, глава 33 УК РФ была дополнена новым составом военного преступного посягательства, именуемым «Добровольная сдача в плен» (ст. 352.1 УК РФ) [2]. Из содержания указанной уголовно-правовой нормы следует, что к категории уголовно наказуемых деяний относится сдача в плен противнику на добровольной основе, если при этом в действиях субъекта нет состава госизмены (ст. 275 УК РФ) [1].

В соответствии с п. 111 Постановления Пленума высшей судебной инстанции от 18.05.2023 за № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» при разрешении уголовных дел, предусмотренных ст. 352.1 УК РФ, суд должен руководствоваться положениями Устава внутренней службы ВС РФ, п. 23 которого предусматривает, что лицо, имеющее статус военнослужащего, во время ведения военных действий, даже при условии нахождения вне места дислокации его воинского подразделения, обязано активно сопротивляться вражеским войскам, отражать их атаки, не допуская попадания в категорию военнопленных. Сдача в плен вражеским войскам предполагает выполнение действий (бездействия) различного рода, вследствие чего лицо, имеющее статус военнослужащего, становится военнопленным. Если указанные действия (бездействие) не приводят к тому, что лицо становится военнопленным, в силу обстоятельств, от военнослужащего не зависящих, такое деяние квалифицируется как покушение на преступление, предусмотренное ст. 352.1

УК РФ. Деяния субъекта подпадают под состав преступления, предусмотренного ст. 352.1 УК РФ, при условии, что военнослужащий сдается в плен на добровольной основе, т. е. это был его осознанный выбор, хотя в силу объективных причин он мог сопротивляться и не стать военнопленным. Если субъект не мог оказывать противнику сопротивления в силу своего состояния здоровья, то его действия (бездействие) по сдаче в плен вражеским войскам не образует состав преступления, предусмотренного ст. 352.1 УК РФ [3].

Разработчики законопроекта о включении в УК РФ ст. 352.1 УК РФ в пояснительной записке указывали, что именно на усмотрение суда остается решение вопроса о том, образуют ли состав преступления, предусмотренного ст. 352.1 УК РФ, действия (бездействие) военнослужащего, в результате которых он стал военнопленным. Представляется, что такая позиция не вполне отвечает основным принципам уголовной ответственности, поскольку каждый гражданин, включая военнослужащего, должен располагать информацией, какие деяния относятся к категории уголовно наказуемых, а какие — нет. Поскольку на сегодняшний день нет сформировавшейся судебной практики по ст. 352.1 УК РФ, можно лишь предположить, что с субъективной стороны преступление, предусмотренное ст. 352.1 УК РФ, представлено виной в форме прямого умысла. Объективная сторона такого преступного посягательства выражается в том, что военнослужащий не выполняет свою воинскую обязанность и выражает свое желание получить статус военнопленного. Субъект преступного посягательства, предусмотренного ст. 352.1 УК РФ, — специальный (лицо, имеющее статус военнослужащего). При этом остается неясным вопрос, можно ли привлечь к уголовной ответственности

по ст. 352.1 УК РФ добровольцев или участников негосударственных военных компаний, участвующих в военных действиях. Представляется, что ответ отрицательный, поскольку статус военнослужащего имеют лица-призывники или контрактники в Вооруженных Силах нашего государства, иных формированиях воинского характера, а также лица в период нахождения их на военных сборах.

Примечание к ст. 352.1 УК РФ гласит о том, что если лицо, имеющее статус военнослужащего, совершит указанное преступное посягательство в первый раз и примет все от него зависящее, чтобы покинуть место плена и вернуться к своим войскам, то оно не будет привлечено к уголовной ответственности по ст. 352.1 УК РФ, если в его деяниях не будет состава других преступных посягательств. При этом остается непонятным, как суд будет квалифицировать и разграничивать действия субъекта, который сдался в плен на добровольной основе, и субъекта, совершившего указанное преступное посягательство снова. Также сложности возникнут при квалификации фактов подстрекательских действий, склоняющих к совершению преступления, предусмотренного ст. 352.1 УК РФ, пособничества и выполнения объективной стороны рассматриваемого преступного посягательства группой субъектов.

Следует учитывать, что если будет доказано, что своими действиями военнослужащий-военнопленный помогал и всячески содействовал противнику, то такие деяния образуют состав преступного посягательства, ответственность за которое предусмотрена ст. 275 УК РФ (дополнительной квалификации по ст. 352.1 УК РФ не требуется).

Представляется, что формулировка ст. 352.1 УК РФ в ее действующей редакции является несовершенной, законодателю необходимо более четко установить, что понимается под добровольной сдачей в плен, предусмотреть квалифицированные и особо квалифицированные составы указанного преступного посягательства, с тем чтобы облегчить в дальнейшем работу правоприменителей.

Статьи 345–348 УК РФ закрепляют уголовно наказуемые деяния, посягающие на установленные правила эксплуатации имущества военного назначения [1].

Анализ судебной практики показал, что самым распространенным предметом рассматриваемых военных преступных посягательств выступают автоматы и пистолеты. Так, по одному из уголовных дел в отношении военнослужащего вынесли обвинительный приговор по ч. 1 ст. 341 УК РФ и по ст. 348 УК РФ. Согласно материалам дела, военнослужащий в период прохождения воинской службы, нарушив установленный порядок, наладил общение с гражданскими лицами, употребил вместе с ними алкоголь, затем заснул в транспорте, имеющем статус слу-

жебного, тем самым не выполнил свои обязанности по защите участка госграницы России и по охране своего оружия и боевых припасов. После того, как военнослужащий пришел в себя, он выявил факт кражи своего оружия и боевых припасов к нему. Впоследствии украденное оружие и боеприпасы были найдены и изъяты у преступника [4].

Согласно позициям некоторых правоприменителей, к категории оружия как предмета военных преступных посягательств следует относить устройства технического назначения, механизм которых включает в себя одну из разновидностей оружия (танк, БТР, боевой летательный аппарат, военная машина пехотных войск, самоходная артиллерийская установка) [7, с. 44].

Так, можно рассмотреть пример из практики Белогорского гарнизонного военного суда. Обвинительным приговором суда военнослужащий признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 347 УК РФ. Согласно материалам уголовного дела, военнослужащий не выполнил правила работы с военной техникой — танком, вследствие чего танк сгорел полностью. Такие действия привели к общественно опасным последствиям тяжкого характера, размер имущественного ущерба превысил одиннадцать миллионов рублей. Суд пришел к выводу, что военнослужащий своими неосторожными действиями уничтожил оружие и боевые припасы, которые привели к последствиям тяжкого характера [5].

По другому уголовному делу военнослужащий, находящийся на территории войсковой части, развел костер для готовки еды рядом с БТР, который тут же воспламенился и сгорел полностью вместе с боевыми припасами. Результатом явился имущественный ущерб в размере, который превысил двадцать восемь миллионов рублей. Военнослужащего признали виновным в совершении преступления, указанного в ст. 347 УК РФ [6].

Представляется, что для правильной квалификации деяний, связанных с повреждением имущества военного назначения, необходимо руководствоваться тем, что если в результате преступного посягательства уничтожили как боевую технику, так и находящиеся в ней оружие и боевые припасы, такие действия следует квалифицировать как одновременное уничтожение боевой техники, оружия и боеприпасов в ней.

Итак, проблемы квалификации военных преступных посягательств сохраняют свою актуальность. В первую очередь, следует учитывать, что военная служба представляет собой важнейшую разновидность государственной службы на федеральном уровне, в связи с чем военные преступления направлены на уголовно-правовую охрану важнейших общественных отношений, поэтому им отведена специальная глава в УК РФ.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

2. Федеральный закон от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 39. — Ст. 6535.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — № 7. — 2023.
4. Приговор Курского гарнизонного военного суда от 28 июля 2011 г. в отношении прапорщика П. по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 348, 341 ч. 1 УК РФ // СПС «КонсультантПлюс».
5. Приговор Белогорского гарнизонного военного суда от 7 ноября 2013 г. в отношении старшины К. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 347 УК РФ // СПС «КонсультантПлюс».
6. Приговор Астраханского гарнизонного военного суда от 2 мая 2017 г. // СПС «КонсультантПлюс».
7. Камаев, Р. Р. Уголовная ответственность за преступления против порядка сбережения военного имущества / Р. Р. Камаев; Институт государства и права Российской академии наук. — Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2017. — 184 с.

Основные меры предупреждения преступлений, связанных с побуждением подростков к суициду, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»

Лянгузов Максим Николаевич, студент магистратуры

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

Лица, не достигшие совершеннолетия (имеющие статус малолетних и подростков), на сегодняшний день не представляют своей повседневной жизни без различных гаджетов. Не вызывает сомнений тот факт, что материалы и информация, демонстрируемые в интернет-пространстве, существенным образом влияет на процесс становления подростковой личности, ее нравственно-моральных установок. На сегодняшний день чуть более семидесяти процентов лиц, не достигших совершеннолетия, каждый день находятся в интернет-пространстве, треть из которых тратят на это более восьми часов в сутки. Реалии таковы, что в настоящее время для подростков в приоритете общение в интернет-пространстве, а не в процессе личных контактов с окружающими.

Однако такая виртуальная активность детерминирует различные девиации в поведении подростков и способствует их виктимизации. В интернет-пространстве подростки подвергаются кибербуллингу, кибермошенничеству, популяризируются идеи экстремизма, запрещенные контенты для взрослых, опасные для психики и жизни игрушки и др.

Подростки в интернет-пространстве могут зазываться к вступлению в различные молодежные объединения антисоциальной и антиобщественной направленности, пропагандирующие аморальный образ жизни. Вступая в такие объединения, психика подростков подвергается серьезному влиянию, с тем чтобы внушить им аморальные и антисоциальные нравственные установки.

Сохраняет свою актуальность проблемы охраны детей и подростков от сведений, могущих нанести серьезный вред их психическому развитию, телесной неприкосновенности, склонить подростков к совершению разных

действий антисоциальной направленности (бродяжничество, проституция, алкоголизация, наркотизация и др.). Также нередки случаи, когда через сообщества в социальных сетях подростков склоняли к совершению самоубийств, и преступный замысел злоумышленников успешно реализовывался.

Основными направлениями борьбы с преступными посягательствами, установленными статьями 110–110.2 действующего уголовного закона, выступает налаживание максимально близкого контакта между подростками и их родителями (представителями в силу закона). Если родителю интересно, что происходит в жизни его ребенка, он с ним поддерживает тесную связь, ребенок будет более активно идти на контакт, сообщать о своих трудностях и переживаниях, что снизит вероятность оказания на него негативного психологического или физического влияния извне [4, с. 85].

В воспитательный и учебный процессы необходимо включать популяризацию здорового и активного уклада жизни, помощь в избавлении от пагубных пристрастий, пропаганду правильных морально-нравственных установок, данные процессы должны сопровождаться доступом к сведениям о возможных рисках, действиях антисоциальной направленности, в том числе самоубийствах, их провоцирующих факторах и негативных последствиях. Это позволит передать подросткам правильные жизненные установки и защитить их от включения в преступную и иную деятельность антисоциальной направленности. Кроме того, нужно проводить с подростками разъяснительные беседы и просвещать их, как не стать жертвой интернет-злоумышленников. Подростки должны знать основы защиты персональных данных, сведений,

имеющих статус конфиденциальных, от доступа к ним сторонних субъектов. Также необходимо поддерживать на высоком уровне цифровую грамотность взрослых, педагогов и подростков [3, с. 73].

Следует учитывать, что преступные посягательства, установленные статьями 110–110.2 действующего уголовного закона, характеризуются высокой степенью латентностью, что осложняет выработку мер по борьбе с такой преступностью. Для эффективности борьбы с указанными преступными посягательствами представляется целесообразным ввести административную ответственность за совершение таких административных правонарушений, как осуществляемая в публичной форме популяризация самоубийств с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также через СМИ.

Для определения целевых установок и детерминант суицидов в каждом конкретном случае требуется принятие процессуального решения о начале уголовного преследования и осуществлении необходимых действий процессуального и оперативно-розыскного характера. Это позволит в полном объеме получить информацию о случившемся, возможных преступниках, обнаружить преступные посягательства, состоящие в принуждении совершить акт самоубийства, представлении умышленного лишения человеческой жизни как суицида [1, с. 34].

Неплохую эффективность имеют различные спецкурсы и тренинги, на которых подростки получают в доступной форме информацию о формах гендерного взаимодействия, процессе создания ячейки общества, воспитательном процессе, защите от манипулятивного поведения, коррекции психики. Такие курсы и тренинги должны проводиться высокопрофессиональными кадрами, имеющими психологическое, педагогическое образование, способных обнаружить подростков, находящихся в зоне риска.

Интернет-провайдерам необходимо обеспечивать сохранность информации о виртуальной активности их клиентов в течение определенного временного промежутка, с тем чтобы органы правоохранительной направленности смогли на основании судебного акта запросить указанную информацию. Также интернет-провайдеры должны препятствовать распространению и удалять сведения, расцениваемые как популяризация экстремизма и суици-

дального поведения. Необходимо технически обеспечить возможность оперативного блокирования сведений, запрещенных к демонстрации, на основе полученного сигнала от органов правоохранительной направленности.

Также в целях борьбы с преступными посягательствами, установленными статьями 110–110.2 действующего уголовного закона, нужно усилить охрану от незаконного доступа к сведениям, имеющим статус персональных данных; усовершенствовать отечественное законодательство в сфере борьбы с преступными деяниями, установленными главой 28 действующего уголовного закона; усилить надзор за работой интернет-провайдеров и поставщиков услуг в виртуальном пространстве; усовершенствовать кадровую политику в области выпуска кадров, компетентных в области борьбы с противоправными явлениями в интернет-пространстве [2, с. 288].

Необходимо усилить меры помощи родителям, педагогическим работникам, сотрудникам дошкольных образовательных учреждений; повышать уровень жизни граждан; пропагандировать занятие спортом, научной, спортивной деятельностью; создавать интерес к получению той или иной профессии. Необходимо усовершенствовать работу по борьбе с такими негативными явлениями в социуме, как алкоголизация, наркотизация, бродяжничество, лудомания, бродяжничество и др.

Таким образом, система борьбы с подростковыми суицидами включает в себя перечень мер, имеющих своей целью обнаружить подростков, находящихся в зоне риска, посредством проведения психологических тестов. Борьба с преступными посягательствами, установленными статьями 110–110.2 действующего уголовного закона, предусматривает проведение на комплексной основе мероприятий медицинского, просветительского, организационного, педагогического, социально-правового, образовательного, психологического, санитарно-эпидемиологического характера. Необходимо увеличить уровень защищенности среды для несовершеннолетних, как реальной, так и виртуальной. Нужно бороться с семейно-бытовой, подростковой преступностью, создавать все необходимые условия для полноценного личностного развития подростка и формирования у подростков правильных морально-нравственных установок.

Литература:

1. Волконская Е. К. Предупреждение доведения до самоубийства: уголовно-правовой и криминологические аспекты: дис.... канд. юрид. наук / Е. К. Волконская. — Рязань, 2011. — 193 с.
2. Овчинский В. С. Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры / В. С. Овчинский. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2026. — 352 с.
3. Теунаев, А. С. У. К вопросу о совершенствовании норм об уголовной ответственности за понуждение к суицидальному поведению / А. С. У. Теунаев // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2017. — № 3(29). — С. 72–77.
4. Шалагин, А. Е. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, связанных с побуждением к суициду, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» / А. Е. Шалагин, А. Д. Идиятулов // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. — 2018. — Т. 3, № 6. — С. 82–87.

Пробация и воспитательные меры как альтернатива лишению свободы несовершеннолетних

Масловский Владимир Олегович, студент магистратуры
Донецкий государственный университет

В статье рассматриваются пробация и принудительные меры воспитательного воздействия как альтернативные формы уголовной ответственности несовершеннолетних, не связанные с лишением свободы. Анализируются правовые основания и особенности их применения в соответствии с положениями Уголовного кодекса Российской Федерации. Особое внимание уделяется целям уголовного наказания в отношении несовершеннолетних, принципам гуманизма и индивидуализации ответственности, а также воспитательному потенциалу пробационных механизмов. На основе положений уголовно-правовой доктрины и анализа действующего законодательства обосновывается вывод о целесообразности расширения применения альтернативных мер уголовно-правового воздействия в целях повышения эффективности исправления несовершеннолетних правонарушителей и предупреждения повторной преступности.

Ключевые слова: несовершеннолетние, уголовная ответственность, лишение свободы, пробация, воспитательные меры, принудительные меры воспитательного воздействия, гуманизация наказания, индивидуализация ответственности, альтернативные наказания.

Современная уголовная политика Российской Федерации в отношении несовершеннолетних ориентирована на гуманизацию мер уголовной ответственности и приоритет воспитательного воздействия над карательным. Это обусловлено особенностями личности несовершеннолетних, их психическим развитием, повышенной восприимчивостью к социальному влиянию и способностью к исправлению без применения строгих репрессивных мер. В связи с этим особую актуальность приобретает развитие и применение таких альтернатив лишению свободы, как **пробация** и **принудительные меры воспитательного воздействия**.

Лишение свободы в отношении несовершеннолетних рассматривается законодателем как крайняя мера, применяемая лишь при невозможности достижения целей наказания иными средствами. Именно поэтому пробация и воспитательные меры выступают важными инструментами индивидуализации уголовной ответственности и повышения эффективности правового воздействия [2].

Особый порядок уголовной ответственности несовершеннолетних закреплён в главе 14 Уголовного кодекса Российской Федерации. В соответствии со статьёй 87 УК РФ, при назначении наказания несовершеннолетнему суд обязан учитывать возраст, условия жизни и воспитания, уровень психического развития и влияние окружающей среды [3].

Перечень наказаний, применяемых к несовершеннолетним, установлен статьёй 88 УК РФ и включает как наказания, связанные с ограничением свободы, так и меры, не связанные с изоляцией от общества. При этом законодатель подчёркивает приоритет использования **принудительных мер воспитательного воздействия**, предусмотренных статьёй 90 УК РФ [3].

К числу таких мер относятся:

- предупреждение;
- передача под надзор родителей или специализированных органов;

- обязанность загладить причинённый вред;
- ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего.

Данные меры направлены прежде всего на коррекцию поведения и социальную адаптацию, а не на наказание в узком смысле.

Пробация представляет собой систему мер контроля и социального сопровождения лица, совершившего преступление, без его изоляции от общества. Хотя в российском уголовном праве институт probation длительного времени не имел самостоятельного нормативного оформления, его элементы фактически реализуются через условное осуждение, надзор и деятельность уголовно-исполнительных инспекций [4].

В отношении несовершеннолетних пробационные элементы проявляются, в частности, при назначении условного осуждения (статья 73 УК РФ) с возложением обязанностей, направленных на исправление осуждённого: продолжение обучения, трудоустройство, запрет посещения определённых мест, прохождение психологических программ.

По мнению А. И. Рарога, пробация позволяет «обеспечить баланс между интересами общества и задачами исправления личности, не разрушая социальных связей осуждённого» [5].

Аналогичную позицию занимает Н. Ф. Кузнецова, отмечая, что пробационные меры обладают значительно большим воспитательным потенциалом по сравнению с изоляцией несовершеннолетнего от общества.

Принудительные меры воспитательного воздействия занимают особое место в системе уголовной ответственности несовершеннолетних. В отличие от наказания, они не носят карательного характера и ориентированы на формирование правопослушного поведения.

Согласно статье 90 УК РФ, такие меры могут применяться как при освобождении от уголовной ответственности

ности, так и при освобождении от наказания. Это позволяет суду гибко реагировать на обстоятельства дела и личность несовершеннолетнего [3].

Например, несовершеннолетний, впервые совершивший кражу небольшой стоимости, может быть освобождён от наказания с передачей под надзор родителей и обязанностью возместить причинённый ущерб. Подобный подход способствует осознанию последствий противоправного поведения без помещения подростка в криминогенную среду.

Как отмечает В. Н. Кудрявцев, воспитательные меры обладают высоким профилактическим потенциалом, поскольку формируют у несовершеннолетнего чувство ответственности и понимание социальной значимости правовых норм [1].

Научные исследования и данные правоприменительной практики свидетельствуют о том, что применение лишения свободы в отношении несовершеннолетних нередко приводит к негативным последствиям, включая рост рецидивной преступности и сложности социальной адаптации после освобождения.

В то же время альтернативные меры, такие как пробация и воспитательные воздействия, позволяют:

- сохранить социальные и семейные связи;

— обеспечить контроль за поведением несовершеннолетнего;

— снизить риск повторных преступлений;

— реализовать индивидуальный подход к личности правонарушителя.

По мнению Ю. М. Антоняна, «изоляция несовершеннолетнего должна рассматриваться как исключение, тогда как нормой уголовной политики должно стать воспитательное и восстановительное воздействие» [6].

Таким образом, пробация и принудительные меры воспитательного воздействия выступают эффективной альтернативой лишению свободы несовершеннолетних. Их применение соответствует принципам гуманизма, индивидуализации наказания и приоритета воспитательного воздействия, закреплённым в уголовном законодательстве Российской Федерации.

Развитие пробационных механизмов, расширение применения воспитательных мер и совершенствование межведомственного взаимодействия способны существенно повысить эффективность уголовной политики в отношении несовершеннолетних и снизить уровень повторной преступности. Лишение свободы при этом должно сохранять характер крайней меры, применяемой лишь в исключительных случаях.

Литература:

1. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений — М.: Норма, 2019.
2. Кузнецова Н. Ф. Проблемы уголовной ответственности несовершеннолетних — М.: Юрайт, 2018.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. действующая) — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 12.01.2026). — Загл. с экрана.
4. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2022.
5. Рарог А. И. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник. — М.: Проспект, 2021.
6. Антонян Ю. М. Личность несовершеннолетнего преступника и предупреждение преступности — М.: Норма, 2020.

Проблемы возмещения вреда компонентам окружающей среды

Матюшкин Максим Сергеевич, студент;

Пушкина Анна Александровна, студент

Научный руководитель: Плотникова Юлия Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

Возмещение ущерба, нанесенного природной среде, представляет собой важнейший правовой механизм, объединяющий положения гражданского и экологического права. Этот институт играет ключевую роль в обеспечении защиты законных экологических интересов граждан, восстановлении нарушенных экосистем и предотвращении дальнейших нарушений природоохранительного законодательства.

Несмотря на важность института возмещения экологического вреда, российское законодательство пока не выработало единого понятия «экологический вред». Наиболее близкое определение содержится в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 года № 7-ФЗ, где дано лишь понятие «вреда окружающей среде». Согласно ФЗ под вредом подразумеваются негативное изменение окружающей среды в результате ее за-

грязнения, повлекшее за собой деградацию естественных экологических систем и истощение природных ресурсов.

Существует несколько точек зрения относительно понятия экологического вреда. Так, С. А. Боголюбов рассматривает экологический вред как любое ухудшение состояния окружающей среды, произошедшее вследствие нарушения правовых экологических требований. М. М. Бринчук в своих работах 1990-х годов рассматривал понятия «экологический вред» и «экогенный вред» как синонимы.

Однако в последующих работах эти понятия чётко разграничиваются: термин «экогенный вред» употребляется для характеристики вреда, причиняемого жизни и здоровью граждан, а также имуществу любых субъектов, а термин «экологический» — для обозначения вреда, причиняемого природной среде и её составляющим.

О. Л. Дубовик рассматривает экологический вред как вред окружающей среде, выраженный в виде повреждения или уничтожения природного объекта, включающий уничтожение или повреждение имущества, не имеющего признаков природного объекта, вред здоровью граждан, вызванный нарушением законодательства в области охраны окружающей среды, расходы на восстановление имущественных прав и упущенную выгоду.

В. В. Петров, напротив, определяет экологический вред только как часть вреда, причинённого в результате нарушения природоохранного законодательства, и рассматривает его как посягающий на экологические интересы общества в чистой, здоровой, продуктивной, генетически многообразной природной среде обитания.

Из проведенных точек зрения следует, что экологический вред — негативные изменения качества окружающей среды, обусловленной хозяйственной или иной деятельностью человека, выразившиеся в разрушении экологических связей, загрязнений, разрушений ил истощений отдельных природных компонентов, которые могут при-

чинит вред жизни, здоровью и имуществу граждан. Это выражается в форме загрязнений, повреждений, уничтожения природных объектов, сокращении биоразнообразия и деградации экологических систем.

Такие негативные процессы способны нанести прямой ущерб здоровью граждан, их собственности и хозяйственным активам организаций. Негативные эффекты экологических нарушений часто имеют отложенный характер, труднопредсказуемые последствия и зачастую не подлежат точной финансовой оценке. Они затрагивают важные социальные показатели, включая снижение уровня здоровья населения, уменьшение численности и замедление роста народонаселения.

Одной из ключевых задач российского государства остается формирование действенного юридического инструмента компенсации экологического ущерба, вызванного человеческими действиями.

Экологическое повреждение может выражаться в двух формах: материальной и нематериальной. Материальная форма экологического урона связана с последствиями загрязнения окружающей среды, порчей, исчезновением, повреждением или уменьшением количества природных ресурсов, нарушением функционирования экологических систем, результатом чего становится возникновение измеримого финансового ущерба. Такой ущерб рассчитывается согласно установленным методикам оценки, налоговым ставкам или другим предусмотренным законом способам расчета.

Помимо непосредственно понесенных материальных потерь, экологическое нарушение включает в себя и упущенную выгоду, представляющую собой доходы, которые пострадавшая сторона могла бы получить при отсутствии негативного влияния. К примеру, фермерское хозяйство могло собрать больший урожай сельскохозяйственной продукции, если бы кислотные осадки не повредили посевы.

Литература:

1. Бринчук М. М. Эколо-правовая ответственность — самостоятельный вид юридической ответственности // Государство и право. 2009. № 4. С. 48.
2. Кособродов В. М. Гражданско-правовая ответственность за причинение экологического вреда: вопросы терминологии // СПС «Гарант».
3. Мисник Г. А. Возмещение экологического вреда в российском праве: автореф. дис.... д-ра юрид. наук. М., 2008.
4. Ребиков И. Ю. Возмещение вреда, причиненного природным объектам и комплексам: дис.... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011.
5. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ, 14.01.2002, № 2, ст. 133.
6. Петрухин Г. В. Проблемы возмещения вреда, причиненного окружающей среде в РФ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 10. С. 1562–165.

Проблемы применения и перспективы развития института семейной медиации в Российской Федерации

Морева Евгения Ивановна, студент магистратуры
Международный юридический институт (г. Москва)

В статье рассматривается актуальный институт семейной медиации как альтернативный способ разрешения внутрисемейных конфликтов. Автором проводится системный анализ ключевых правовых, организационных и социально-экономических проблем, сдерживающих его широкое применение в России. Особое внимание уделяется вопросам защиты интересов несовершеннолетних детей в процессе медиации. На основе проведенного исследования сформулированы конкретные предложения по совершенствованию законодательства, повышению профессиональных стандартов медиаторов и обеспечению финансовой доступности процедуры для всех категорий граждан.

Ключевые слова: семейная медиация, альтернативное разрешение споров, семейные конфликты, интересы ребенка, органы опеки и попечительства, профессиональные стандарты медиатора.

Введение

В последние годы возрастает актуальность института семейной медиации как альтернативного способа мирного разрешения семейных конфликтов. Данная процедура позволяет сторонам с участием нейтрального посредника-медиатора самостоятельно прийти к обоюдно приемлемому решению, сохраняя взаимное уважение и возможность дальнейшего конструктивного взаимодействия, что имеет особое значение при наличии общих детей.

Однако потенциал института семейной медиации в Российской Федерации раскрыт недостаточно, а его практическое применение сталкивается с комплексом проблем, снижающих эффективность и доступность.

Цель статьи заключается в системном выявлении указанных проблем и формулировании конкретных путей решения.

Фундаментальной правовой основой семейной медиации в России является Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее — Закон № 193) [1]. Однако данный акт носит универсальный характер и не учитывает специфики семейных конфликтов. Ключевой проблемой является то, что указанный закон не содержит понятия «семейная медиация», что представляет собой значимый законодательный пробел. Семейные споры уникальны по своей правовой природе и требуют повышенного внимания, так как сопровождаются эмоциональными переживаниями, особенно если семейный конфликт затрагивает интересы несовершеннолетних детей [4].

Действующее законодательство не регламентирует участие в процедуре семейной медиации органов опеки и попечительства.

Данный пробел снижает эффективность семейной медиации, поскольку органы опеки и попечительства играют важную роль в наиболее значимых спорах — об определении места жительства ребенка, порядке общения с отдельно проживающим родителем, а также могут помочь в урегулировании спора [2].

Требования к медиатору, установленные в ст. 15–16 Закона № 193, минимальны, что снижает профессиональный уровень семейной медиации, поскольку для эффективности ее применения в сфере семейных споров необходимы знания в области семейной психологии, возрастной педагогики, основ семейного и ювенального права [3].

Процедура семейной медиации осуществляется на платной основе, что снижает ее доступность для малообеспеченных людей с низким уровнем дохода, которые часто наиболее нуждаются в цивилизованных способах разрешения конфликтов.

Для решения выявленных проблем и раскрытия потенциала семейной медиации необходимы следующие меры:

- дать законодательное определение «семейной медиации» как специальной процедуры, учитывающей психоэмоциональную специфику и приоритет интересов несовершеннолетних детей;
- установить правовые основания для участия органов опеки и попечительства в семейной медиации по спорам, связанным с детьми;
- создать специализацию «семейный медиатор» с обязательным требованием к дополнительному образованию в области семейной психологии, детской психотравматологии, основ семейного и ювенального права;
- развивать сеть служб бесплатной и льготной семейной медиации на базе государственных и муниципальных учреждений для малообеспеченных категорий граждан;
- ввести базовые медиативные техники в работу сотрудников органов опеки и попечительства для досудебного урегулирования конфликтов;
- предусмотреть обязанность суда разъяснять сторонам по семейным спорам возможность обращения к медиации.

Проведенное исследование института семейной медиации позволяет сделать ряд важных выводов.

Во-первых, несмотря на законодательные пробелы и новизну семейной медиации, данный институт активно развивается в России и получает практическое признание.

Во-вторых, его эффективность во многом зависит от двух условий: искренней готовности сторон к диалогу

и выбора квалифицированного семейного медиатора, обладающего не только юридическими, но и глубокими психолого-педагогическими компетенциями.

В-третьих, для полной реализации потенциала семейной медиации как способа сохранения семейных связей и защиты прав ребенка необходима консолидированная работа законодателя, профессионального сообщества медиаторов, социальных служб и судебной си-

стемы. Только сочетание четкой правовой базы, высоких профессиональных стандартов, мер финансовой поддержки и общественного доверия позволит сделать семейную медиацию по-настоящему эффективным и доступным способом сохранения семьи и защиты прав ребенка. В ситуациях конфликта при таком подходе интересы ребенка будут находиться в центре принятия всех решений.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (ред. от 26.07.2019) // РГ, № 168, 30.07.2010, СЗ РФ, 02.08.2010, № 31.
2. Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1, ст. 16; 2024. № 48. Ст. 7212.
3. Шамликашвили Ц. А. Медиация в вопросах и ответах / Ц. А. Шамликашвили. — М. : Издательство ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2017. 95 с.
4. Шульгина В. А. Процессуальные особенности семейно-правовых споров в Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. — 2025. — № 35.

Понятие и особенности правового статуса судьи

Морозов Андрей Евгеньевич, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

В статье исследуется правовой статус судьи как особая юридическая конструкция, обеспечивающая независимость правосудия. Рассматриваются его ключевые элементы: гарантии независимости (несменяемость, иммунитет), специальные требования и ограничения, а также полномочия и обязанности. Делается вывод о том, что данный статус является основополагающей гарантией верховенства права.

Когда мы говорим непосредственно об определении «правового статуса», который применим к судьям, мнение исследователей отличается разнородностью. В первую очередь, такое положение обусловлено тем, что нет единого перечня элементов, которые объединяются понятием статус судьи. С точки зрения одних исследователей, статус — это права и обязанности должностных лиц, которые закреплены юридически. Другие же исследователи придерживаются точки зрения о том, что помимо установленного перечня прав и обязанностей, в понятие правового статуса входят и иные элементы. К примеру, Н. В. Витрук говорит о том, что в рассматриваемое понятие входят обязанности, права, запреты и принципы, лежащие в основе взаимодействия судей, как между собой, так, и с государством и обществом [7].

По мнению Г. Г. Чопозова, правовой статус судьи — «совокупность прав, обязанностей, полномочий, юридической ответственности, запретов, принципов, позволяющих построить эффективную модель взаимоотношения судьи, государства, общества» [8]. Как следует из приведенного автором определения, основной целью оформления на законодательном уровне института «правовой статус судьи» является развитие взаимодействия государ-

ства, участников гражданского общества и судей, в основе которого положен принцип обеспечения их правовой защиты, отправления правосудия.

Таким образом, в рассматриваемый термин входят следующие составные части:

1. порядок, в соответствии с которым происходит назначение на должность судей;
2. порядок, на основании которого возможно прекращение должностных полномочий судьи;
3. компетенция, а также способы, позволяющие ее реализовать;
4. особенности правового статуса, которые отличают судью от иных должностных лиц, находящихся на государственной службе в Российской Федерации.

Исходя из сказанного, следует, что отличительными признаками, свойственным для правового статуса судьи, являются:

- нормативно-правовое содержание правового статуса;
- определение целей, задач и функций деятельности, прав, обязанностей, полномочий и ответственности;
- раскрытие порядка вступления на должность и прекращения деятельности, в том числе и установление осно-

ваний для досрочного прекращения деятельности в сфере правосудия.

Обратим внимание, что в научной литературе высказывается мнение о тождественности понятий «правовой статус» и «правовое положение», т. к. они обладают равным объемом, раскрывают сущность и содержание деятельности судьи.

Правовое положение и правовой статус не целесообразно смешивать, поскольку первый термин — это понятие общее, в то время как второе — частное. Таким образом, правовой статус — это совокупность связей, которые объединяясь, составляют понятие правового положения судьи.

Обобщая вышесказанное, следует, что правовой статус судьи — основные элементы, включающие в себя права, обязанности, полномочия, порядок формирования, организацию деятельности. Правовой статус судьи как основного субъекта судебной системы, реализующего функцию правосудия, определяется федеральным конституционным и федеральным законодательством.

Рассмотрев понятие правового статуса судьи, необходимо уделить внимание анализу его составных элементов.

Обратим внимание, что требования, предъявляемые к претенденту на должность судьи, не могут быть отнесены к элементам правового статуса судьи. Сформулированный вывод исходит из того, что такие понятия как «судья» и «кандидат на должность судьи» неравнозначны, отличны по объему и содержанию. Заметим, что кандидат на должность судьи не может обладать правами и обязанностями, которыми наделяется судья в соответствии со ст. ст. 3 и 7.1 Закона от 26.06.1992 г. № 3132–1 «О статусе судей в Российской Федерации» [9]. Кроме того, ст. ст. 3 и 4 Закона предъявляет разные требования к судьям и кандидатам на должность судьи. Исходя из вышесказанного, следует отметить, что требования, предъявляемые к кандидату на должность судьи, не являются элементов правового статуса должностного лица, что следует из этимологического содержания понятия «судья» и «кандидат на должность». Иначе говоря, кандидат на должность судьи может не поступить на должность названного субъекта судебной системы, т. к. в силу ст. 6 Закона от 26.06.1992 г. № 3132–1 «О статусе судей в Российской Федерации» такое решение принимается уполномоченными на то компетентными органами власти (например, СФ ФС РФ, Президентом РФ).

В научной литературе ведутся дискуссии по поводу отнесения к правовому статусу судьи юридическая ответственность. Я. В. Дорохов, напротив, указывает, что в состав элементов правового статуса входит и юридическая ответственность. Свое мнение автор аргументирует тем, что в российском законодательстве продиктованы основания для привлечения субъекта к юридической ответственности, к числу которых следует отнести неисполнение или ненадлежащее исполнение своих должностных обязанностей, нарушение этических требований, а также добросовестное исполнение обязанностей [10].

Мы не соглашаемся с мнением автора, т. к. наступление юридической ответственности связано с совершением установленного законом противоправного деяния. Так, например, ст. 12.1 Закона от 26.06.1992 г. № 3132–1 «О статусе судей в Российской Федерации» определяет перечень оснований для привлечения судьи к юридической ответственности, к числу которых законодатель относит случаи:

- совершения виновного действия (бездействия);
- нарушения положений российского законодательства, регламентирующего права, полномочия судьи, принципы, и этические требования к служебному поведению;
- грубого нарушения прав участников судебного процесса.

Отнесение к правовому статусу судьи юридической ответственности является необоснованным, т. к. в рассматриваемом случае следует говорить об неисполнении или ненадлежащем исполнении судьей своих должностных обязанностей. По нашему мнению, под юридической ответственностью следует понимать предусмотренную российским законодательством гарантию исполнения должностным лицом своих полномочий. Исходя из вышесказанного, следует, что рассматриваемый элемент — элемент правового положения судьи.

Социальные гарантии, предоставляемые судье в целях обеспечения его защиты и отправления правосудия, следует относить к составляющей правового положения должностного лица. Заметим, что перечень названных гарантий раскрыт в Конституции РФ [1], ФКЗ от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», Законе РФ от 26.06.1992 г. № 3132–1 «О статусе судей в Российской Федерации». Я. А. Николаев обращает внимание, что правовые гарантии позволяют сформировать функционирующий правовой статус судьи [11].

С. В. Корнакова высказывает мнение о том, что правовой статус судьи — «статус субъекта, обеспечивающего претворение правосудия, приоритетным элементом которого является законодательное установление перечня полномочий лица» [12]. По нашему мнению, раскрытие правового статуса должностного лица через правомочия не совсем корректно, т. к. «полномочия» представлены в виде совокупности прав и обязанностей судьи. В подтверждении сказанному, следует указать, что ч. 1 ст. 11 ФКЗ от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» прямо установлено правило, в соответствии с которым судья — лицо, наделенное полномочиями по осуществлению правосудия.

Заметим, что в состав такого понятия, как «компетенция судьи», входят функции и полномочия. Р. Д. Саввулиди указывает, что под компетенцией следует понимать права и обязанности, функции и задачи должностного лица, закрепленные в законодательном акте или ином нормативно-правовом акте, обладающим юридической силой [13]. По нашему мнению, включение в состав правового статуса судьи такого элемента, как компетенция,

позволяет отразить функциональную специфику его полномочий.

Обобщая вышесказанное, следует, что закрепленные на законодательном уровне права и обязанности судьи и являются основной составляющей правового статуса. К структурному элементу правового положения субъекта участника отправления правосудия следует отнести:

- требования, предъявляемые к кандидатам на должность судьи;
- принципы отправления правосудия;
- социальные гарантии и меры материального обеспечения, предоставляемые судье в целях повышения эффективности реализации правозащитной функции.

Обозначенные элементы правового положения судьи выполняют так называемую «обслуживающую» роль.

Резюмируя вышеизложенное, следует, что ключевой функцией, реализуемой судьей, является отправление правосудия. Часть 1 ст. 118 Конституции РФ провозглашает, что правосудие — исключительная сфера деятельности судей, являющихся носителями судебной власти. Анализ российского законодательства, позволил систематизировать основные элементы правового статуса судьи: права и обязанности, функции, к исключительной которой следует отнести именно отправление правосудия.

Рассматривая особенности и содержание правового статуса судьи, необходимо указать, что он регламентируется ФКЗ от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», Законом РФ от 26.06.1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации». Следует указать, что в рассматриваемые законы были внесены более 50 изменений и поправок. В научной литературе в последние годы поднимается вопрос о необходимости создания единого законодательного акта, в котором были бы прописаны и раскрыты в содержательном аспекте основные элементы правового статуса судьи. Анализ ФКЗ от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», Закона РФ от 26.06.1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» позволил сформулировать вывод о том, что на законодательном уровне не решена проблема, связанная с не регламентированностью процесса оценки профессиональных качеств и умений, что позволило бы своевременно принять законное и обоснованное решение о присвоении лицу квалификационного класса, гарантировать независимость судей, повысить результативность и качество осуществления ими должностных полномочий, что благоприятно отразится на формировании авторитета и положительного имиджа судьи как основного субъекта судебной системы, реализующего основную функцию по отправлению правосудия.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>
2. Основные принципы независимости судебных органов (Приняты в г. Милане 26.08.1985–06.09.1985). Международное публичное право. Сборник документов. Т. 2. — М.: БЕК, 1996. — С. 124–126.
3. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 13. — Ст. 1447; Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 27 (часть I). — Ст. 5045.
4. Федеральный конституционный закон от 23.06.1999 № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «О военных судах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 1999. — № 26. — Ст. 3170; Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 50 (часть I). — Ст. 8029.
5. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 7. — Ст. 898; Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 50 (часть I). — Ст. 8029.
6. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 02.08.2019) «О Верховном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 6. — Ст. 550; Собрание законодательства РФ. — 2019. — № 30. — Ст. 4096.
7. Капустин О.А. Модернизация статуса судьи в условиях информационного общества // Российский судья. 2019. № 8. С. 3.
8. Чопозов Г.Г. Общая характеристика правового статуса судей в РФ // Концепция «общества знаний» в современной науке. 2018. С. 165–167.
9. О статусе судей в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 // Российская юстиция. 1995. № 11; Российская газета. 2019. 31 июля.
10. Дорохова Я.В. Анализ правового статуса судьи как государственного гражданского служащего // Матрица научного познания. 2019. № 10. С. 92–102.
11. Николаев Я.А. Статус судьи в конституционно-правовом аспекте // XIV Державинские чтения в Республике Мордовия. 2018. С. 114–118.

12. Корнакова С.В. Правовой статус судей: терминологические проблемы определения содержания понятия // Российский судья. 2018. № 4. С. 48.
13. Саввулиди Р.Д. Правовая основа статуса судьи в РФ // Наука России: цели и задачи. 2018. С. 59-63.

Понятие и признаки дисциплинарной ответственности

Морозов Андрей Евгеньевич, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

В статье анализируется дисциплинарная ответственность как вид юридической ответственности за нарушение трудовой или служебной дисциплины. Определяются её ключевые признаки: основание — дисциплинарный проступок; субъекты — лица в отношениях подчинения; применяется уполномоченным субъектом и влечёт дисциплинарное взыскание. Подчёркивается её отличие от иных видов ответственности и обеспечительная функция в поддержании порядка в организации.

В современной правовой доктрине общепризнанным является тезис о том, что противоправное поведение субъектов в рамках избранной профессиональной деятельности находит своё выражение в нарушениях установленной дисциплины труда. Исходя из этого, можно утверждать, что ключевым инструментом пресечения и профилактики подобных нарушений со стороны лица выступает институт дисциплинарной ответственности.

Следует констатировать, что Трудовой кодекс Российской Федерации (далее — ТК РФ) не содержит легальной дефиниции понятия «дисциплинарная ответственность». Тем не менее, в статье 192 ТК РФ закреплено важное положение: юридическим основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности служит совершение работником дисциплинарного проступка, под которым понимается виновное неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенных на него трудовых обязанностей.

Сущность и отличительные черты данного вида юридической ответственности детально анализируются в научной литературе. Так, исследователь Н. Д. Потапова в своей научной работе систематизировала основные признаки, характеризующие дисциплинарную ответственность:

- центральным и обязательным условием её наступления является факт совершения дисциплинарного проступка.

Данный тезис находит своё прямое законодательное подтверждение в статье 192 ТК РФ, где установлено, что за совершение дисциплинарного проступка работодатель вправе применить к работнику одно из предусмотренных данной нормой дисциплинарных взысканий;

- данный институт предполагает официальное властное осуждение противоправного поведения работника, выраженного в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязанностей, закреплённых в трудовом договоре, коллективном соглашении, локальных нормативных актах, а также в должностной инструкции;

- привлечение к дисциплинарной ответственности влечёт для правонарушителя обязанность претерпеть

определённые негативные последствия личного и организационного характера, предусмотренные законом.

Анализируя правовую природу дисциплинарной ответственности, необходимо подчеркнуть её принадлежность к ответственности договорного типа. Это обусловлено тем, что возникновение трудовых отношений, включая взаимные права и обязанности сторон, основывается на добровольном волеизъявлении, оформленном в виде трудового договора или служебного контракта. Именно этот документ определяет порядок осуществления профессиональных функций, устанавливает правила внутреннего трудового распорядка и фиксирует возможные меры ответственности за нарушение трудовой дисциплины. Кроме того, из существа трудового договора вытекает принцип личного выполнения работником своих обязанностей, что непосредственно коррелирует с персонифицированным характером налагаемых дисциплинарных взысканий.

Для дисциплинарной ответственности свойственен частно-публичный характер. Так, отличительной особенностью частного характера дисциплинарной ответственности является:

- ответственность возникает перед работодателем, с которым заключен трудовой договор или служебный контракт. Таким образом, следует говорить о том, что рассматриваемый вид юридической ответственности самостоятельно применяется работодателем при условии соблюдения действующего трудового законодательства; основаниями наступления дисциплинарной ответственности являются неисполнение или ненадлежащее исполнение должностных (служебных) обязанностей;

- работодатель наделяется правом по привлечению работника (служащего) к дисциплинарной ответственности. Заметим, что работодатель вправе, но не обязан, применять к лицу меры дисциплинарного взыскания, установленные в ст. 192 ТК РФ или федеральных законах. Таким образом, работодатель самостоятельно принимает решение о привлечении лица к обозначенному виду юри-

дической ответственности и применении к нему меры дисциплинарного взыскания, либо отказать в привлечении к ответственности посредством проведения с работником устной разъяснительной беседы.

К отличительным особенностям публично-правового характера дисциплинарной ответственности относятся:

- наличие исчерпывающего перечня мер дисциплинарных взысканий. Так, например, ст. 192 ТК РФ систематизирует виды дисциплинарных взысканий, применяемых к субъектам правоотношений в зависимости от пагубности и противоправности совершенных деяний. Заметим, что Закон о статусе судей раскрывает перечень дисциплинарных взысканий, к числу которых законодатель отнес замечание, предупреждение, понижение в квалификационном классе, досрочное прекращение полномочий судьи. Однако, российским законодательством установлен запрет на применение к работнику (служащему, судье) иных мер дисциплинарных взысканий, не предусмотренных законом, что является основанием для защиты трудовых прав работников;

- российское законодательство (ТК РФ, Закон о статусе судей) регламентирует порядок, условия и основания применения мер дисциплинарных взысканий.

Трудовое законодательство предусматривает выделение следующих видов дисциплинарной ответственности:

- общая дисциплинарная ответственность, распространяющаяся на все категории работников, при условии заключения трудового договора, в котором продиктованы основания и условия наступления дисциплинарной ответственности;

- специальная дисциплинарная ответственность (например, дисциплинарная ответственность судей). Правовое регулирование специальной дисциплинарной ответственности производится федеральным законодательством (например, ст. 12.1 Закона РФ от 26.06.1992 г. № 3132–1 «О статусе судей в Российской Федерации» [10]). Основным достоинством приведенной правовой нормы является детализация понятия дисциплинарный проступок выступающего в качестве основы для привлечения судьи к дисциплинарной ответственности. Законодатель определяет дисциплинарный проступок как «противоправное деяние (акт бездействия), совершенные в рамках профессиональной деятельности по отправлению правосудия, либо внеслужебное время, приводящее к нарушению положений российского законодательства и требований Кодекса судейской этики, снижению авторитета и значимости института судебной власти, причинению ущерба репутации судьи, как субъекта, обеспечивающего реализацию функции по отправлению правосудия, нарушению прав, законных интересов участников судопроизводства.

Таким образом, для института дисциплинарной ответственности характерным является установление основания для привлечения к указанному виду юридической ответственности, т. е. совершение субъектов дисципли-

нарного взыскания, т. е. неисполнение или ненадлежащее исполнение должностных (служебных) обязанностей. При этом, Закон о статусе судей детализирует названное понятие.

Рассматривая дисциплинарную ответственность, необходимо остановиться на ее основных принципах [11]:

- принцип законности дисциплинарной ответственности, предусматривающий наступление обозначенного вида юридической ответственности за совершение противоправного деяния, квалифицированного как дисциплинарный проступок (т. е. неисполнение или ненадлежащее исполнение должностных обязанностей). О необходимости соблюдения принципа законности свидетельствует положение ст. 193 ТК РФ, регулирующий порядок применения к лицу меры дисциплинарного взыскания. Названной трудовой правовой нормой установлена обязательность составления работником письменного объяснения (отказ работника от составления письменного объяснения нельзя рассматривать как препятствие для применения дисциплинарного взыскания); сроки назначения дисциплинарного взыскания (месячный срок, исчисляемый со дня обнаружения дисциплинарного проступка);

- принцип обоснованности и справедливости дисциплинарной ответственности, предусматривающий обязательное рассмотрение работодателем обстоятельств совершения дисциплинарного проступка, его тяжести, отношение работника к труду и дисциплине труда. Таким образом, при назначении дисциплинарного взыскания должны быть учтены все обстоятельства совершения дисциплинарного проступка;

- принцип целесообразности дисциплинарной ответственности, заключающийся в том, что при назначении дисциплинарного взыскания в обязательном порядке должны быть учтены свойства личности правонарушителя. Таким образом, в каждом конкретном случае работодателю необходимо решать вопрос не только о соразмерности взыскания проступку, но и целесообразности привлечения работника к ответственности вообще.

- принцип быстроты наступления дисциплинарной ответственности, заключающийся в установлении и законодателем сроков наложения взысканий. Очевидно, что запоздалая реакция работодателя на проступок работника снижает эффективность дисциплинарного взыскания, а кроме того, порождает возможность злоупотреблений со стороны работодателя.

- принцип неотвратимости дисциплинарной ответственности (с определенной долей условности). То, что работодатель самостоятельно решает, возбуждать ли в каждом случае дисциплинарное производство либо это нецелесообразно, должно ли оно непременно завершиться изданием приказа о применении к работнику взыскания, свидетельствует о принципиальном отличии дисциплинарной ответственности в трудовом праве от таких близких к ней по штрафной природе видов юридической ответственности, как административная и уголовная.

По нашему мнению, предложенные автором направления совершенствования института дисциплинарной ответственности являются обоснованными, т. к.:

– ст. 192 ТК РФ не детализирует перечень дисциплинарных проступков. Так, законодатель установил, что под дисциплинарным проступком следует понимать неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей. Однако, в Кодексе отсутствует классификация дисциплинарных проступков на незначительные, значительные и грубые, при совершении каждого из которых могут быть применены те или иные меры дисциплинарной ответственности;

– ТК РФ в гл. 30 раскрываются три меры дисциплинарного взыскания, к числу которых относятся замечание, выговор и увольнение. Однако, применение основных

и дополнительных мер дисциплинарной ответственности позволит повысить уровень дисциплины труда, предупредить и преодолеть неисполнение или ненадлежащее исполнение трудовых (служебных) обязанностей, создать условия для формирования правового поведения, развития правовой культуры.

Рассмотрев понятие и признаки дисциплинарной ответственности, сформулирован вывод, что дисциплинарная ответственность — вид юридической ответственности, предусматривающая возложение обязанности на лицо, осуществляющее профессиональную (служебную) деятельность, понести наказание за совершение противоправного деяния, выраженного в виде неисполнения или ненадлежащего исполнения должностных (служебных) обязанностей.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>
2. Основные принципы независимости судебных органов (Приняты в г. Милане 26.08.1985–06.09.1985). Международное публичное право. Сборник документов. Т. 2. — М.: БЕК, 1996. — С. 124–126.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 22.11.2021) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 3; Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 48. — Ст. 7947.
4. Федеральный закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О мировых судьях в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 51. — Ст. 6270; Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 27 (часть I). — Ст. 5112.
5. Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 11. — Ст. 1022; Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 50 (часть III). — Ст. 8071.
6. Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 50 (часть 4). — Ст. 6953; Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 1 (часть I). — Ст. 68.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.05.2007 № 27 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений квалификационных коллегий судей о привлечении судей судов общей юрисдикции к дисциплинарной ответственности» // Российская газета. — 2007. — 8 июня.
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.04.2016 № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей» // Российская газета. — 2016. — 27 апреля.
9. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24.05.2005 № 251-О [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12041302/>.
10. О статусе судей в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1.
11. Забрамная Е.Ю. Теоретические и практические аспекты содержания принципов дисциплинарной ответственности // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 2. С. 8–11.

Проблема защиты интересов ребенка в контексте безусловного запрета на усыновление лицами с судимостью за тяжкие и особо тяжкие преступления против жизни и здоровья

Морозова Ирина Олеговна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

В статье исследуется противоречие между правом ребенка на семью и безусловным запретом на усыновление для лиц с судимостью за тяжкие преступления (ст. 127 СК РФ). Автор критикует формальный подход, исключающий оценку реабилитации кандидата, и предлагает заменить его на индивидуальную судебную процедуру. Это позволит учесть обстоятельства дела и личность усыновителя, обеспечив баланс между защитой ребёнка и его правом на семейное устройство.

Ключевые слова: усыновление, ограничения для усыновителей, судимость, тяжкие преступления, право ребенка на семью, статья 127 Семейного кодекса РФ, индивидуальная оценка, интересы ребенка, семейное устройство.

Конституция Российской Федерации закрепляет осуществление государством защиту материнства, семьи и детства [1, п.1 ст. 38]. Семейный кодекс Российской Федерации гарантирует каждому ребенку право жить и воспитываться в семье [2, п.2 ст. 54]. Однако законодатель устанавливает абсолютные ограничения для реализации этого права, в частности, безусловный запрет на усыновление для лиц, имеющих или имевших судимость, подвергавшихся или подвергавшихся уголовному преследованию за совершение тяжких и особо тяжких преступлений против жизни и здоровья.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью поиска баланса между безусловной защитой ребенка от потенциальной опасности и его правом на семейное устройство, которое может нарушаться из-за излишне жестких, недифференцированных запретов.

Целью работы является разработка предложений по совершенствованию ст. 127 СК РФ, направленных на внедрение индивидуальной оценки таких кандидатов в усыновители.

Итак, как указывалось выше, государство гарантирует ребенку право жить и воспитываться в семье. Это право гарантировано каждому ребенку, не зависимо от наличия или отсутствия у него так называемой «кровной семьи». Реализация данного права осуществляется разными способами.

К примеру, если у ребенка есть родители, государство предоставляет социальную поддержку (предоставление материнского капитала, пособия, льготы и т. д.). В случае, если нахождение ребенка с родителями или одним из них угрожает жизни и (или) здоровью ребенка, то государство защищает права ребенка посредством ограничения, а потом и лишения родительских прав. При этом, как указывает Верховный Суд Российской Федерации, лишение родительских прав является крайней мерой ответственности родителей, которая применяется судом только за виновное поведение родителей по основаниям, указанным в статье 69 СК РФ, перечень которых является исчерпывающим [3, п. 13].

Таким образом, лишение родительских прав возможно только в том случае, когда защитить права и интересы детей иным образом не представляется возможным. При этом, суд тщательно исследует все имеющиеся в деле доказательства, свидетельствующие о том, что существует реальная угроза жизни, здоровью ребенка.

В случае если ребенок остался без попечения родителей по тем или иным причинам, передача его на воспитание в семью служит средством реализации им своего права. Передача ребенка на воспитание в другую семью возможна в нескольких формах: усыновление (удочерение), опека (попечительство), приемная семья, либо в случаях предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, это может быть патронатная семья.

На наш взгляд, усыновление является полной и безусловной формой семейного устройства, поскольку дает ребенку максимальную юридическую и психологическую интеграцию в новую семью.

Усыновление — это оптимальная форма устройства ребенка, способная в полной мере обеспечить детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, полноценное физическое, психическое, духовное и нравственное развитие. [4, п. 2.1.24].

Однако несмотря на то обстоятельство, что законодатель определяет усыновление как наиболее оптимальную форму устройства ребенка в семью, в действующем законодательстве существуют ограничения в отношении определенной категории лиц, которые не могут быть усыновителями.

Перечень этих лиц приведен в п. 1 ст. 127 Семейного кодекса Российской Федерации. Представляется интересным рассмотреть подп. 9 п. 1 ст. 127 СК РФ, в котором указано следующее: «Усыновителями могут быть совершеннолетние лица обоего пола, за исключением: лиц, имеющих или имевших судимость, подвергавшихся или подвергавшихся уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за преступления против половой неприкосновенности и по-

ловой свободы личности, а также за преступления против жизни и здоровья, против свободы, чести и достоинства личности (за исключением незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, и клеветы), против семьи и несовершеннолетних, против здоровья населения и общественной нравственности, против общественной безопасности, мира и безопасности человечества, за исключением случаев, предусмотренных подпунктом 10 настоящего пункта».

Исключениями являются лица, имевшие судимость либо подвергавшихся уголовному преследованию по указанным преступлениям, относящихся к преступлениям небольшой или средней тяжести.

Следовательно, лица, имевшие судимость либо подвергавшихся уголовному преследованию по указанным преступлениям, относящиеся тяжким и особо тяжким преступлениям, не могут быть усыновителями (удочерителями) несовершеннолетних детей.

Важно отметить тот факт, что поскольку право на усыновление имеет конституционный статус, поэтому любые вводимые ограничения должны быть строго обоснованными и соразмерными. Они не могут превращаться в чрезмерные преграды, которые в конечном счёте подрывают главную цель — обеспечение наилучших интересов ребёнка и семьи.

Однако указанное ограничение законодатель находит непротиворечащим Конституции Российской Федерации.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 31.01.2014 № 1-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Аникиева», Конституционный Суд Российской Федерации указывает следующее: «Поскольку, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, на современном этапе развития общества невозможно гарантировать надлежащее исправление лиц, совершивших преступление, таким образом, чтобы исключить вероятность рецидива преступлений, федеральный законодатель — с тем чтобы минимизировать риски для жизни, здоровья и нравственности именно несовершеннолетних как основы будущих поколений и при этом наиболее беззащитной и уязвимой категории граждан, находящейся под особой охраной Конституции Российской Федерации (преамбула; статья 7, часть 2; статья 20, часть 1; статья 21, часть 1; статья 22, часть 1; статья 38, часть 1), — был вправе ограничить для таких лиц право на усыновление».

Указанное позволяет сделать вывод о том, что позиция законодателя сводится к тому, что сам факт совершения лицом тяжкого и особо тяжкого преступления свидетельствует об опасности этого лица для жизни, здоровья и нравственности несовершеннолетних. При этом судам даже не будет даваться оценка давности привлечения к уголовной ответственности, обстоятельства совершения преступления, различные характеристики лица.

Таким образом, позиция Конституционного Суда Российской Федерации заключается в том, что законодательный запрет на усыновление для лиц, совершивших тяжкие или особо тяжкие преступления, соответствует принципу соразмерности и является правомерным. Данный запрет выступает частью императивных законодательных ограничений субъектного состава для усыновления (удочерения), опеки и попечительства.

На наш взгляд, данное ограничение можно охарактеризовать как избыточно формальное и превентивное, ставящее главной целью не оценить реальную оценку рисков, а сам факт судимости. При этом не учитывается, что обстоятельства совершения тяжкого преступления могут быть глубоко личными и ситуативными и не иметь никакого отношения к потенциальным родительским качествам.

Между тем, интересы ребенка требуют не механического отсева, а гибкого механизма, позволяющего выявить и принять в расчет позитивные изменения в личности кандидата, подтвержденные временем и документами (характеристиками, медицинскими заключениями).

На наш взгляд, представляется необходимым исключить положение о том, что лица с неснятой или непогашенной судимостью за тяжкие или особо тяжкие преступления автоматически не могут быть усыновителями. Вместо этого ввести механизм судебного рассмотрения каждого случая с учётом конкретных обстоятельств.

В связи с указным выше представляется необходимым внести необходимые изменения в ст. 127 Семейного кодекса Российской Федерации.

Для этого целесообразно дополнить подп. 9 п. 1 ст. 127 СК РФ примечанием или отдельным абзацем следующего содержания:

«Лица, имеющие судимость за умышленные тяжкие или особо тяжкие преступления против личности, могут быть усыновителями только при наличии решения суда об удовлетворении их заявления об усыновлении. При вынесении решения суд обязан учесть характер и мотивы совершенного преступления, срок, прошедший после его совершения и погашения (снятия) судимости, поведение лица, его социальную и семейную характеристику, заключение органа опеки и попечительства о возможности быть усыновителем, а также мнение ребенка, достигшего 10 лет. В таком случае орган опеки и попечительства устанавливает усиленный контроль за условиями жизни усыновленного ребенка на срок, определяемый судом».

Добавление указанной нормы права позволит наиболее эффективно защитить право ребенка жить и воспитываться в семье поскольку переход от императивного запрета к индивидуальной судебной оценке, основанной на всестороннем исследовании личности кандидата, в большей степени соответствует как интересам ребенка, так и принципам справедливости и гуманизма правовой системы.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что существующая редакция ст. 127 СК РФ, устанавливающая безусловный и пожизненный запрет на усыновление для лиц, имевших судимость за тяжкие и особо тяжкие пре-

ступления, представляет собой императивный механизм отсева, превалирующий над индивидуальной оценкой. Данный подход, хотя и мотивированный защитой наилучших интересов ребенка, в ряде случаев создает неоправданные препятствия для реализации конститу-

ционного права ребенка жить и воспитываться в семье, игнорируя возможность исправления и реабилитации человека.

Таким образом, представляется, что разработанное нововведение соответствует поставленной цели.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.07.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. — 1993. — № 237; Российская газета. — 2022. — № 226.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102038925> (дата обращения: 16.01.2026).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Российская газета. — 2017. — № 262.
4. ГОСТ Р 52495–2005. Национальный стандарт Российской Федерации. Социальное обслуживание населения. Термины и определения / утв. Приказом Ростехрегулирования от 30.12.2005 № 532-ст; в ред. от 17.10.2013. — Введ. 2006–07–01. — М.: Стандартинформ, 2005. — IV, 12 с.

Понятие и система семейных прав ребенка в законодательстве Российской Федерации

Морозова Ирина Олеговна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

Статья посвящена анализу семейных прав ребенка в России. Рассматривается их понятие, ключевые признаки и системное деление на личные неимущественные (право жить в семье, на общение, защиту, выражение мнения) и имущественные (право на содержание и собственность) права. На основе Семейного кодекса РФ исследуется содержание и механизмы реализации этих прав, составляющие основу защиты интересов несовершеннолетнего в семье.

Ключевые слова: права ребенка, семейные права, личные неимущественные права, имущественные права, Семейный кодекс РФ, право жить в семье, алименты, защита интересов ребенка.

Актуальность статьи обусловлена потребностью в четком определении и систематизации семейных прав ребёнка в российском праве.

Цель статьи заключается в комплексном анализе и выявлении содержания понятия «семейные права ребенка», а также в разработке целостной системы этих прав на основе действующего российского законодательства.

Семейные права ребенка кодифицированы в главе 11 Семейного кодекса Российской Федерации.

Статья 54 Семейного кодекса Российской Федерации определяет ребенка как лицо, не достигшее 18 лет, с фундаментальным правом на жизнь и воспитание в семье. [1, ст. 54]

Семейные права ребенка представляют собой совокупность личных неимущественных и имущественных прав, направленных на удовлетворение интересов несовершен-

нолетнего в семейных отношениях, реализуемых самостоятельно или через законных представителей.

Из этого определения можно вывести следующие существенные признаки семейных прав ребенка:

Субъективная принадлежность: Права принадлежат непосредственно ребенку как самостоятельному субъекту права, а не являются «добавкой» к правам его родителей.

Семейно-правовая природа: Их содержание и возникновение неразрывно связаны с существованием семейных правоотношений (родительских, опекуновских, с другими родственниками).

Комплексный характер: Они включают в себя как личные (нематериальные), так и имущественные правомочия.

Целевая направленность: Их основное назначение — обеспечение физического, психического, духовного

и нравственного развития ребенка, его социализации в безопасной семейной среде.

Гарантированность государством: Государство не только признает эти права (через Конституцию и СК РФ), но и создает механизмы для их принудительной реализации и защиты (судебный и административный порядок).

Нормативно-правовой основой обеспечения прав ребенка в Российской Федерации, является Конституция Российской Федерации, как главный нормативно-правовой акт государства, Семейный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 N 124-ФЗ.

Система семейных прав ребенка представляет собой внутренне организованную, целостную совокупность взаимосвязанных правомочий. Семейные права ребенка можно разделить на две группы: личные неимущественные и личные имущественные.

К первой группе относятся права, которые непосредственно затрагивают интересы ребенка. В эту группу входят право жить и воспитываться в семье, право на всестороннее развитие, уважение человеческого достоинства, право знать своих родителей, право на заботу со стороны родителей, право на общение с другими родственниками, право на защиту, право выражать свое мнение, а также право на имя, отчество и фамилию.

Право жить и воспитываться в семье (ст. 54 СК РФ). Оно включает в себя право знать своих родителей, право на их заботу, на совместное с ними проживание (кроме случаев, противоречащих интересам ребенка), право на воспитание своими родителями. Государство гарантирует это право даже при утрате родительского попечения, устанавливая приоритет семейных форм устройства (усыновление, опека, приемная семья).

Право на общение с родителями и другими родственниками (ст. 55 СК РФ). Ребенок имеет право поддерживать контакты с обоими родителями, бабушками, дедушками, братьями, сестрами и другими родственниками даже в случаях развода родителей, их раздельного проживания или конфликта. Ограничение этого права возможно только по судебному решению (например, при лишении родительских прав).

Право на защиту своих прав и законных интересов (ст. 56 СК РФ). Ребенок вправе самостоятельно обращаться за защитой в орган опеки и попечительства, а по достижении 14 лет — в суд. Защита также осуществляется родителями (законными представителями), органами опеки, прокурором и судом.

Право выражать свое мнение (ст. 57 СК РФ). Ребенок имеет право быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства, затрагивающего его интересы (определение места жительства, изменение имени, восстановление в родительских правах). Учет мнения ребенка, достигшего 10 лет, обязателен, за исключением случаев, противоречащих его интересам.

Право на имя, отчество и фамилию (ст. 58–59 СК РФ). Это право реализуется при государственной регистрации рождения. Ребенок имеет право на сохранение своей индивидуальности, а в установленных случаях (усыновление, установление отцовства) — на изменение имени, отчества и фамилии с учетом его мнения.

К личным имущественным правам ребенка законодатель относит права ребенка на получение алиментов или иными словами ребенок имеет право на получение содержания от родителей. К данной группе прав также относятся право ребенка на получении пенсии, если в силу закона он является лицом, которому она причитается, и право ребенка на получение пособий, в том случае, если ребенок является лицом, которое может претендовать на получение пособий.

Право на получение содержания от своих родителей и других членов семьи (ст. 60, 80, 93–94 СК РФ). Основной формой реализации является право на алименты, взыскиваемые с родителей (а в ряде случаев — с совершеннолетних братьев/сестер, бабушек/дедушек) на его содержание. Алименты могут быть установлены в 3 формах: в процентном соотношении к заработку и (или) иному доходу родителей, в твердой денежной сумме или одновременно в долях и в твердой денежной сумме.

В случае отсутствия соглашения об уплате алиментов алименты на несовершеннолетних детей взыскиваются судом с их родителей ежемесячно в следующих размерах:

1/4 — на одного ребенка

1/3 — на двух детей

1/2 на трех и более детей. [1, п. 1 ст. 81]

При определении размера алиментов на несовершеннолетних детей в твердой денежной сумме или одновременно в долях и твердой денежной сумме основным критерием для суда являлось максимально возможное сохранение ребенку прежнего уровня его обеспечения. При этом суды учитывали имущественное положение семьи до момента прекращения родителями ребенка совместного проживания либо до момента прекращения одним из родителей выплаты средств на содержание ребенка в добровольном порядке (по соглашению сторон) при раздельном проживании родителей. В этих случаях за основу принимался размер выплачиваемой родителем на содержание ребенка денежной суммы. [2, п. 3 раздел III]

Право собственности на доходы, полученные им, имущество, полученное им в дар или в порядке наследования, а также на любое другое имущество, приобретенное на средства ребенка (п. 3 ст. 60 СК РФ). Ребенок является самостоятельным субъектом права собственности. Однако ввиду недееспособности или ограниченной дееспособности управление этим имуществом осуществляют родители (законные представители) под контролем органов опеки.

Право на владение и пользование имуществом родителей при совместном с ними проживании (п. 4 ст. 60 СК РФ). Данное право основано на нормах семейно-бытового

обихода и не порождает права собственности ребенка на имущество родителей.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что семейные права ребенка в российском законодательстве представляют собой сложный, системный правовой институт, направленный на обеспечение гармоничного развития и защиты интересов несовершеннолетнего в семье. В ходе работы было установлено, что под семейными правами ребенка следует понимать основанную на

законе совокупность личных неимущественных и имущественных правомочий, принадлежащих ребенку как самостоятельному субъекту семейных правоотношений и гарантированных государством.

Была разработана и обоснована классификация этих прав, в основе которой лежит их деление на две взаимосвязанные группы: личные неимущественные и имущественные.

Таким образом, поставленная цель исследования была достигнута.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102038925> (дата обращения: 18.01.2026).
2. Обзор судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.05.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2015. — № 7.

Понятие земельного участка как объекта гражданских прав

Мыльникова Екатерина Олеговна, студент магистратуры
Международный юридический институт (г. Москва)

В данной обзорной статье рассматривается понятие земельного участка в контексте гражданского права. Земельный участок — это элемент природной среды, который служит основанием для осуществления правосубъектами своих прав на недвижимое имущество. Особое внимание уделяется правовым характеристикам земельного участка, его классификации и правовому режиму.

Ключевые слова: земля, участок, право, Земельный Кодекс, собственность.

The concept of a land plot as an object of civil rights

Mylnikova Yekaterina Olegovna, master's student
International Law Institute (Moscow)

This review article examines the concept of a land plot in the context of civil law. A land plot is an element of the natural environment that serves as the basis for legal entities to exercise their rights to immovable property. Special attention is paid to the legal characteristics of the land plot, its classification and legal regime.

Keywords: land, plot, law, Land Code, property

Объекты гражданских прав играют фундаментальную роль в структурировании правового регулирования как личных неимущественных, так и имущественных взаимоотношений. Согласно определению, в Земельном Кодексе Российской Федерации (ЗК РФ), земельный участок (ЗУ) классифицируется как особый вид недвижимости, являющийся фрагментом поверхности земли с уникальными характеристиками, обеспечивающими его индивидуальную идентификацию и определенность. Правоведы неоднократно и углубленно исследовали постепенное изменение содержания термина, который довольно кратко определен в ЗК РФ, что вызывало множество обсуждений в научном сооб-

ществе. Сосредоточимся только на текущем статусе правового режима ЗУ, выделив характеристики, которые определяют конкретный земельный «фрагмент» и особенно важны для его оборота, не углубляясь в историческую дискуссию. Стоит отметить, что в юридической практике параллельно используются три взаимозаменяемых понятия — «доля земельного участка», «земля» и «земельный участок». Первый в приоритетном порядке используется в публичных отраслях права, второй, согласно прямому указанию основного земельного кодифицированного акта, является «объектом права собственности и иных предусмотренных настоящим Кодексом прав на землю» [2, с. 52].

В соответствии с законодательством о государственной регистрации недвижимого имущества, местоположение ЗУ выступает единственной по-настоящему уникальной характеристикой среди всех параметров, вносимых в кадастр. Согласно п. 4 ст. 8 ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее — Закон № 218) устанавливается обязательный перечень сведений для регистрации: тип объекта (конкретно ЗУ), присвоенный кадастровый номер с датой его регистрации, информация о расположении и размер территории. Анализируя данные требования, можно сделать вывод, что только географическое расположение действительно обладает свойством уникальности среди всех характеристик, упомянутых в нормативном акте [6].

Денежная оценка и варианты использования ЗУ напрямую зависят от его местоположения. Законодатель, заменив в определении четкое указание на местоположение размытой формулировкой о характеристиках индивидуально-определенной вещи, упустил ключевой аспект. Несмотря на то что в 2014 году описание границ было исключено из основного понимания объекта, значимость этого признака остается критической. Именно границы определяют уникальность ЗУ, превращая его в неповторимый объект недвижимости. По нашему мнению, такое изменение в законодательстве не учитывает фундаментальную роль территориальной идентификации участка.

Границы территории представляют собой неотделимый компонент описания ЗУ. Следовательно, при формулировании определения ЗУ как объекта, на который распространяются права собственности и другие земельные права, необходимо явно отразить эти специфические характеристики [4, с. 158].

В соответствии с пунктом 1 статьи 3 ЗК РФ, земельные отношения представляют собой связи, касающиеся охраны и использования земельных ресурсов на территории России, которые являются фундаментом существования и функционирования народов, населяющих данные земли. Законодательство в сфере земельного права фокусируется на управлении этими отношениями. Буквальная интерпретация закона позволяет заключить, что правовое регулирование земельных вопросов должно ограничиваться нормативами, обеспечивающими охрану и использование ЗУ как общественного достояния и основы жизнедеятельности. Народам, проживающим в различных субъектах РФ, необходимо гарантировать защиту и рациональное использование земли и природных богатств — ресурсов, имеющих общенародную ценность и значимость. Эффективное вовлечение всех земельных территорий в экономический оборот — ключевая задача, требующая рационального подхода. Для решения этой проблемы законодатель ввел в ст. 7 ЗК РФ классификацию земель на различные категории. Среди них: лесной фонд, водный фонд, населенные пункты, сельскохозяйственные угодья и другие. Такое разделение обусловлено тем, что земля служит основой для различных видов человеческой деятельности и проживания. Правовое регулирование зе-

мельных отношений, таким образом, направлено на оптимальное использование этого национального достояния [4, с. 156].

Дискуссия о терминологии в земельном праве остаётся открытой: когда уместно использовать термины «земля», «земли», а когда «земельный участок»? Интересно, что ЗК РФ не предлагает определения понятия «часть ЗУ». Однако пункт 1 статьи 35 ЗК РФ косвенно затрагивает это понятие в контексте приобретения собственности. Согласно данной норме, при покупке здания или сооружения, находящегося на чужом ЗУ, новый владелец получает право на ту часть участка, которая непосредственно занята этим объектом и необходима для его эксплуатации [3, с. 313].

При осуществлении сделок с ЗУ возникает важный вопрос: допустимо ли рассматривать фрагмент ЗУ как самостоятельный объект в гражданско-правовых отношениях и возможно ли его включение в различные юридические соглашения? Ключевым фактором при реализации такой части является соответствие ее размера минимально допустимым нормам для сельскохозяйственных земель. В процессе передачи прав собственности необходимо произвести выделение данного фрагмента и надлежащее юридическое оформление. Важно отметить, что правовой статус приобретаемой части земли сохраняется в том же объеме и на тех же условиях, которые распространялись на предыдущего владельца. Обязательственные права могут возникать в результате сделок с частью земельного надела, что допустимо в определенных случаях. Однако реализация части ЗУ невыполнима, поскольку это приводит к формированию двух независимых субъектов гражданских правоотношений, когда выделенная часть утрачивает связь с целым и получает отдельный юридический статус. Такая ситуация ограничивает возможности граждан полноценно распоряжаться и пользоваться своими земельными владениями, что фактически ущемляет их законные интересы. Законодательство предусматривает возможность сдачи в аренду не только всего ЗУ, но и его определенной части. Согласно пункту 2 статьи 26 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», для оформления таких арендных отношений необходимо соблюдение особых требований. При подаче документов на государственную регистрацию договора аренды ЗУ или его части обязательно требуется приложить кадастровый план. В данном плане должна быть четко обозначена именно та часть ЗУ, которая становится предметом арендных отношений [3, с. 314].

В современном подходе к пониманию ЗУ наблюдается существенный сдвиг в сторону его трехмерного восприятия. Традиционное одномерное представление уступает место объемной концепции, где участок рассматривается как комбинация не только поверхности, но и воздушного пространства над ним и недр под ним. Интересно, что юридическая терминология уже отражает эту эволюцию: современное определение ЗУ больше не включает упоминание о «почвенном слое» как определяющей характеристике. Это примечательно, учитывая, что каче-

ство почвы часто является ключевым фактором при выборе земли для приобретения. Правовая система постепенно адаптируется к необходимости учитывать этот «объемный характер» земельной собственности, признавая, что земля — это комплексный трехмерный объект, а не просто плоская поверхность [1, 5].

Совершенствование определения ЗУ должно учитывать споры, выявляемые в правоприменительной практике, и ориентироваться не только на возможность строительства или ведения сельскохозяйственной деятельности, но и на иные существенные факторы. Проблематика «надземного» пространства, частично отраженная в лесном кодексе РФ, чаще всего возникает при выполнении различных строительных работ как собственниками, так и иными лицами. Примечательно, что элементы над поч-

венным слоем могут становиться объектами отдельных договорных отношений, что фактически приводит к формированию механизма «двойной аренды». Согласно последним поправкам в Гражданский кодекс Российской Федерации, не только собственники ЗУ, но и их арендаторы могут получить право собственности на самовольно возведенные объекты, что значительно расширяет круг участников подобных правовых отношений [2].

Таким образом, ЗУ — это часть поверхности земли, характеризующаяся наличием площади, границ, кадастрового номера и целевого назначения, параметры и виды разрешенного использования которой, включая все то, что находится над и под ее поверхностью, определяющиеся правилами землепользования и застройки и/или иными нормативно-правовыми актами.

Литература:

1. Бевзенко, Р.С. «Горизонтальное разделение» земельного участка. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 16.01.2018 № 305-ЭС17-14514 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2018. — № 4. — С. 6
2. Гизатуллин, Л. Р. Идентифицирующие признаки термина «земельный участок» как объекта гражданского права / Л. Р. Гизатуллин // Тенденции развития науки и образования. — 2019. — № 52-2. — С. 52-54. — DOI 10.18411/lj-07-2019-36
3. Кем, К. В. Проблемы принятия части земельного участка как самостоятельного объекта в земельном праве / К. В. Кем, Е. Т. Чахмахчева // Актуальные проблемы правовой охраны окружающей среды и природопользования: Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященная памяти основателя эколого-правового образования в Удмуртской Республике, д.ю.н., профессора В. Н. Яковлева, Ижевск, 14 апреля 2022 года. — Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2022. — С. 311-317.
4. Чаплин, Н. Ю. Понятие и особенности земельного участка как объекта гражданских прав / Н. Ю. Чаплин // Журнал российского права. — 2018. — № 8(260). — С. 155-161. — DOI 10.12737/art_2018_8_15
5. Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 50. — Ст. 5278.
6. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ О государственной регистрации недвижимости // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 29 (часть I). — Ст. 4344.

Совершенствование административно-правового статуса государственных служащих

Негрий Андрей Юрьевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена проблемам и путям совершенствования административно-правового статуса государственных служащих, на примере военнослужащих Российской Федерации. Анализируются ограничения применения административной ответственности, конфликты между дисциплинарной и административной ответственностью, а также неопределённость критериев малозначительности административных правонарушений. Рассматриваются правовые пробелы и коллизии, которые снижают эффективность воздействия административного права на лиц с особым правовым статусом. Предлагаются меры по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, включая внесение изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Общевоинские уставы, разработку методических рекомендаций и формирование единых алгоритмов правоприменения. Реализация предложенных мер направлена на устранение правовой неопределённости, повышение превентивного воздействия административного права и укрепление дисциплины среди военнослужащих.

Ключевые слова: государственные служащие, военнослужащие, административно-правовой статус, административная ответственность, дисциплинарная ответственность, малозначительное правонарушение, правоприменение, законодательство.

В современных реалиях науки административного права всё более остро становятся проблемы, связанные с административно-правовым статусом военнослужащих. Одной из ключевых проблем является ограниченность применения административной ответственности к лицам с особым правовым статусом. Административная ответственность военнослужащих имеет значительные ограничения, что связано с их спецификой службы и закреплено в законодательстве. Для некоторых категорий военнослужащих не применяются меры, такие как административный штраф или административный арест. Эти ограничения создают правовой вакуум, в рамках которого определённые противоправные действия остаются безнаказанными, даже если формально подпадают под состав административного правонарушения. Такая ситуация ослабляет механизм воздействия административного права и снижает его профилактическую эффективность.

Ограничения применения административных санкций создают существенные трудности для правоприменителей. Некоторые военнослужащие, совершая действия, подпадающие под статьи Кодекса об административных правонарушениях, формально не могут быть привлечены к ответственности, поскольку действующие нормы исключают применение наказания к определённым званиям и категориям [2, с. 60]. В результате нарушается принцип равенства перед законом, поскольку граждане, не обладающие военным статусом, несут административное наказание за аналогичные действия, тогда как военнослужащие остаются юридически безответственными.

Такая правовая ситуация повышает риск злоупотреблений. Военнослужащие могут сознательно использовать свой статус, чтобы избежать наступления юридических последствий, что снижает регулируемую функцию дисциплинарной и административной ответственности. Кроме того, ограничения затрудняют формирование единообразной правоприменительной практики. Различные категории военнослужащих подлежат разным режимам ответственности, что вынуждает должностные лица индивидуально оценивать возможность применения санкций [1, с. 82]. Такая дифференциация усложняет работу органов административного производства и создаёт риск произвольного или неравного применения норм.

Для решения проблемы ограниченного применения административной ответственности целесообразно внести изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Рекомендуется расширить перечень правонарушений, за которые военнослужащие могут нести ответственность на общих основаниях, с исключением строго ограниченного перечня случаев, связанных с исполнением воинских обязанно-

стей. Предлагается конкретизировать статью о привлечении военнослужащих к административной ответственности, а также предлагается пересмотреть перечень грубых дисциплинарных проступков (абзац 19 п. 1 приложения 7 к Дисциплинарному уставу Вооружённых Сил Российской Федерации) и изложить его в следующей редакции: «Административное правонарушение, за которое военнослужащий в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях и законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях несет дисциплинарную ответственность». Такой подход устранил дисбаланс между правовым статусом военнослужащих и принципом равенства перед законом, обеспечивая полное выполнение превентивной функции административного права.

Конфликт между дисциплинарной и административной ответственностью является ещё одной проблемой. Военнослужащие подлежат дисциплинарной ответственности, закреплённой в Общевоинских уставах, что создаёт приоритет дисциплинарных мер над административными. Одно и то же деяние может одновременно содержать признаки административного правонарушения и дисциплинарного проступка. Разделение ответственности по видам приводит к тому, что административные меры практически не применяются, даже при наличии формальных оснований. В результате дисциплинарная ответственность становится основной, а административная — второстепенной, что снижает профилактическое воздействие административного права. Конфликт создаёт сложности для правоприменителей, повышает вероятность субъективной интерпретации норм и ошибок при квалификации проступков. Отсутствие единой методологии учёта дисциплинарной и административной ответственности снижает предсказуемость правоприменения и усложняет работу органов и судов.

Для решения конфликта дисциплинарной и административной ответственности рекомендуется разработка межведомственных методических рекомендаций, определяющих критерии выбора вида ответственности в зависимости от характера и степени общественной вредности деяния. Внедрение единых алгоритмов правоприменения, обязательных для командиров и должностных лиц, позволит обеспечить единообразие практики и исключить произвольное подменявание административной ответственности дисциплинарной. Пересмотр перечня грубых дисциплинарных проступков обеспечит согласованность правоприменения и предотвратит злоупотребления статусом военнослужащих. Дополнительно целесообразно внедрение единых алгоритмов правоприменения, обязательных для командиров воинских частей и должностных лиц, уполномоченных на возбуждение дел об админи-

стративных правонарушений. Это позволит обеспечить единообразие практики и исключить произвольное под-

менение административной ответственности дисциплинарной.

Литература:

1. Панькина, И. Ю. Административно-правовой статус государственных служащих / И. Ю. Панькина, Д. В. Кравцова // Синергия Наук. — 2022. — № 78. — С. 81–87.
2. Салтанович, О. В. Юридическая ответственность государственных служащих / О. В. Салтанович // Научный Лидер. — 2023. — № 40(138). — С. 58–62.

Гарантии для государственных служащих

Негрий Андрей Юрьевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена анализу системы государственных гарантий для гражданских служащих Российской Федерации. Рассматриваются основные виды гарантий, закреплённые федеральным законодательством, включая правовую защиту, материальное стимулирование, нормированное рабочее время, социальную защиту, пенсионное обеспечение и организационные условия для исполнения служебных обязанностей. Особое внимание уделено проблемам практической реализации этих гарантий, среди которых недостаточное финансирование, правовая неопределённость и коррупционные риски. Приведены примеры из судебной практики, демонстрирующие защиту прав государственных служащих. В заключении предложены меры по повышению эффективности функционирования системы гарантий, включая стабилизацию бюджетного финансирования, совершенствование законодательства, внедрение прозрачных механизмов учета льгот, а также информирование и профессиональную подготовку сотрудников. Реализация комплексного подхода обеспечивает соблюдение прав, мотивацию и профессиональное развитие государственных служащих, снижает коррупционные риски и способствует социальной справедливости в системе государственной службы.

Ключевые слова: государственные служащие, государственные гарантии, социальная защита, судебная практика, правовая защита, материальное стимулирование, коррупция, эффективность государственной службы.

Система государственных гарантий для гражданских служащих Российской Федерации регулируется федеральными законами и обязательна для исполнения всеми государственными органами. Эти гарантии обеспечивают правовую защиту и соблюдение законных интересов сотрудников, включая защиту от неправомерного давления и незаконных действий, а также предоставление возможности обжаловать решения, затрагивающие права работников.

Государство закрепляет минимальный уровень денежного содержания для различных категорий служащих, учитывая квалификацию, должность и результаты профессиональной деятельности. Денежное содержание является основным инструментом материального обеспечения и мотивации персонала.

Рабочее время и предоставление отпусков также регулируются законом. Сотрудники имеют право на выходные, праздничные дни, основной и дополнительные оплачиваемые отпуска, что способствует поддержанию психологического и физического здоровья, а также профилактике профессионального выгорания.

Социальная защита и медицинское страхование включают доступ к бесплатной или льготной медицинской помощи, страхование жизни и здоровья, а также предостав-

ление социальных льгот в случаях повышенных рисков выполнения служебных обязанностей. Государственное пенсионное обеспечение обеспечивает материальную стабильность после ухода с государственной службы с учётом стажа и специфики работы.

Дополнительные гарантии предоставляются на усмотрение конкретных государственных органов, исходя из их финансовых возможностей и организационной структуры. К ним относятся [2, с. 66]:

— предоставление служебного или арендованного жилья;

— дополнительные премии и поощрения сверх базовой системы оплаты труда;

— финансирование профессионального обучения, стажировок и повышения квалификации за счёт ведомственных бюджетов;

— дополнительные социальные льготы, включая льготы для семей служащих, улучшенные условия медицинского обслуживания, компенсацию расходов на транспорт или питание;

— специальные программы морального и материального стимулирования для служащих в сложных условиях, включая военную службу, работу в отдалённых регионах или на ответственных должностях.

Мифтяхов Р. Х. предлагает систематизацию гарантий, предусмотренных российским законодательством для государственных служащих, с акцентом на различные этапы их профессиональной деятельности. Согласно автору, такие гарантии можно разделить на три группы [1, с. 105]:

1. Гарантии, обеспечивающие правовую защиту в период службы. Сюда относятся юридическая поддержка в случае конфликтных ситуаций, защита от неправомерных действий со стороны руководства или третьих лиц, а также возможность оспаривать незаконные решения через дисциплинарные или судебные процедуры.

2. К ним относятся своевременная и полная выплата денежного содержания, предоставление надбавок и премий за квалификацию и результативность работы, страхование жизни и здоровья, а также обеспечение дополнительных выплат и льгот в соответствии с федеральными законами и региональными нормативными актами.

3. Гарантии, направленные на обеспечение социально-бытовых условий после завершения службы. Сюда входят государственное пенсионное обеспечение, возможность получения медицинской и социальной поддержки, компенсации при ограничениях, связанных с профессиональной деятельностью, а также другие меры, направленные на сохранение уровня жизни бывших государственных служащих и их семей.

На практике функционирование системы гарантий сталкивается с рядом проблем. Недостаточное финансирование может проявляться в задержках выплат, неполном предоставлении социальных льгот и ограни-

ченном доступе к профессиональному обучению. Это снижает мотивацию сотрудников, увеличивает уровень стресса и создаёт региональные диспропорции. Судебная практика демонстрирует, что государственные органы привлекаются к ответственности за несвоевременное предоставление денежных выплат, компенсаций и социальных льгот.

Правовая неопределённость и противоречивость законодательства создают трудности в реализации гарантий. Расплывчатые формулировки законов могут приводить к конфликтным ситуациям между служащими и руководством, снижать доверие к государству и затруднять использование гарантий на практике. Судебные споры по вопросам социального жилья и компенсаций подтверждают необходимость уточнения нормативных актов.

Коррупция и злоупотребления представляют ещё одну проблему. Нередко льготы и выплаты предоставляются не всем сотрудникам, что нарушает принципы равенства и справедливости, снижает доверие к государственным органам и демотивирует персонал.

Для повышения эффективности системы предлагается стабилизировать бюджетное финансирование, совершенствовать законодательство и разрабатывать методические рекомендации для органов власти, внедрять прозрачные электронные системы учёта льгот и выплат, систематически информировать сотрудников о правах и гарантиях, создавать независимые комиссии по защите прав работников.

Литература:

1. Мифтяхов, Р. Х. Правовой статус государственных служащих / Р. Х. Мифтяхов // Инновационные научные исследования. — 2021. — № 1–2(3). — С. 93–105.
2. Трофимова, И. А. Понятие и система государственных гарантий на государственной гражданской службе / И. А. Трофимова // Закон и право. — 2022. — № 7. — С. 62–66.

Сущность и проблемы взаимодействия государства и гражданского общества

Неспанов Кирилл Олегович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный экономический университет

В статье исследуются вопросы взаимодействия государства и гражданского общества в рамках современного мира, сущность которого заключается в обеспечении качественного функционирования каждого института в отдельности, взаимном контроле и некоторых других факторах. В статье также рассмотрены имеющиеся проблемы такого взаимодействия и приведены возможные пути их решения. Методы: исследование вопросов взаимодействия государства и гражданского общества осуществлялось посредством формально-логического и диалектического методов познания социально-правовых явлений.

Выводы: в процессе исследования были выявлены некоторые проблемные аспекты, среди которых желание государства контролировать жизнь общества и граждан, а также неравномерное распределение материальных ресурсов. В рамках исследования предложен вариант решения данных проблемных аспектов путем осуществления диалога между представителями государственной власти и гражданским обществом, а также поиск компромиссных решений, удовлетворяющих потребности обоих субъектов.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, взаимодействие, свобода граждан

Essence and problems of interaction between the state and civil society

The article examines the issues of interaction between the state and civil society in the modern world, the essence of which is to ensure the high-quality functioning of each institution separately, mutual control and some other factors. The article also examines the existing problems of such interaction and provides possible ways to solve them. Methods: the study of issues of interaction between the state and civil society was carried out through formal logical and dialectical methods of cognition of socio-legal phenomena.

Conclusions: in the course of the study, some problematic aspects were identified, including the desire of the state to control the life of society and citizens, as well as the uneven distribution of material resources. Within the framework of the study, a solution to these problematic aspects is proposed through dialogue between representatives of government and civil society, as well as the search for compromise solutions that meet the needs of both subjects.

Keywords: civil society, state, interaction, freedom of citizens

Введение

В рамках современного мира невозможно представить жизнь гражданского общества без взаимодействия с государством. Само такое взаимодействие сформировалось еще на стадии создания первых государств и являлось важным механизмом защиты прав и свобод граждан. Можно с уверенностью сказать, что функционирование государства и власти просто невозможно без учета мнения гражданского общества. И хотя, к сожалению, интересы общества и государства не всегда совпадают, важно заметить, что именно от совместной деятельности обоих субъектов зависит позитивное и постоянное развитие системы в целом.

Сущность взаимодействия гражданского общества и государства заключается, в первую очередь, как раз в обеспечении полноценного функционирования каждого субъекта в отдельности. Так, основным приоритетом государства является полноценная защита прав и свобод граждан и общества в целом. В свою очередь, гражданское общество обеспечивает развитие инициативности отдельных лиц, развивает правовую образованность и заинтересованность в решении государственных и общественных проблем.

Также, конечно, нельзя не отметить взаимный контроль государства и гражданского общества друг над другом. Общественный контроль направлен на обеспечение прозрачности государственной отчетности, отслеживание коррупции и организацию защиты прав граждан. Государство, в свою очередь, контролирует деятельность общественных объединений, регулируя их права и свободы, а также обеспечивая финансирование [2].

И, наконец, важно заметить, что сущность взаимодействия заключается и в совместном решении имеющихся государственных и общественных проблем. Так, например, государство предоставляет ресурсы на реализацию гражданским обществом проектов и инициатив, играющих важнейшую роль в обеспечении безопасного и полноценного функционирования различных сфер жизни жителей страны.

Проблематика взаимодействия государства и гражданского общества

Однако, как и любая сложная система, взаимодействие государства и гражданского общества не может осуществляться без проблемных аспектов, которыми и являются ранее упомянутые противоречия в интересах и мнениях субъектом правовых отношений.

Противоречия в целях и интересах гражданского общества и государства заключаются, во-первых, в стремлении государства контролировать общество и его жизнь. В свою очередь, разумеется, гражданское общество отстаивает свою независимость и свободу личности каждого из граждан. Ярким примером подобного противоречия выступает возможность государства ограничить право свободы граждан на собрания, закрепленное статьей 31 Конституции Российской Федерации [1]. Данный факт, по мнению правозащитников, является нарушением права на свободу выражения мнений и самоорганизацию, что является предметом многочисленных споров.

Помимо этого, распределение ресурсов также является существенным противоречием во взаимодействии гражданского общества и государства. Ввиду того, что государство контролирует и распределяет ресурсы, учитывая государственные приоритеты, мнение гражданского общества не является важным аспектом. Так, например, в данный момент существует распространенное мнение граждан о том, что большая часть средств вкладывается в обеспечение армии и военной инфраструктуры, что сказывается на развитии других сфер жизни общества, таких как здравоохранение и образование. Однако, стоит заметить, что опираясь на данные Федерального закона № 540-ФЗ «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» распределение средств осуществляется между многими сферами, такими как национальная оборона, социальная политика, включающая в себя различные социальные выплаты, пособия и многое другое, реализация национальных проектов в различных сферах, таких как экология, строительство, цифровое развитие и так далее, и некоторые другие [3].

В качестве следующего противоречия можно выделить деятельность государства, направленную на пропагандирование определенных ценностей и моральных норм среди граждан. Однако, гражданское общество стремится к поддержке различных взглядов на жизнь и плюрализму мнений и ценностей, что, разумеется, вызывает многочисленные споры. Каждый человек, неоспоримо, имеет право на личные взгляды на свою деятельность и ценности, которые являются основой для комфортной жизни. Но, к сожалению, не все общественные ценности поддерживаются государственной властью, которая ограничивает пропаганду идей, отличающихся от общепринятых. Так, например, 12 ноября 2024 года Государственная Дума приняла законопроект о запрете распространения идеологии «чайлдфри» в СМИ и сети Интернет, то есть о запрете пропагандирования отказа от рождения детей [4]. Данный факт еще на начальных этапах воспринимался гражданами, как ограничение их свободы, однако, говорить о последствиях возможно будет лишь после внесения поправок в Кодекс об административных правонарушениях РФ, который будет закреплять штрафные санкции для нарушителей.

В дополнение к предыдущему противоречию в интересах государства и гражданского общества, конечно, важно отметить и стремление государственной власти к ограничению информации, которая может влиять на формирование иных ценностей и мнений. В то же время, гражданское общество требует открытости и доступности информации в полной мере. Данный факт касается и информации о непосредственной деятельности государства, к которой у гражданского общества есть четкое требование — прозрачность.

Выводы

Таким образом, стоит сказать, что взаимодействие государства и гражданского общества представляет собой сложную систему, которая не лишена проблемных аспектов.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 // Дата обращения: 12.11.2024
2. Федеральный закон от 19.05.1995 N 82-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об общественных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации от 22 мая 1995 г., N 21, ст. 1930
3. Федеральный закон № 540-ФЗ «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 27.11.2023 // Дата обращения: 12.11.2024
4. Официальный сайт новостного издания РИА Новости // Госдума приняла закон о запрете пропаганды чайлдфри // Электронный источник. Режим доступа: <https://ria.ru/20241112/chayldfri-1983290216.html> (дата обращения: 12.11.2024)

Важно сказать, что уже в 7 статье Конституции РФ закрепляется, что «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [1]. Именно поэтому отсутствие взаимодействия государства и гражданского общества попросту невозможно.

В рамках имеющейся проблематики можно выделить и возможные пути ее решения.

Так, например, увеличение уровня независимости гражданского общества и небольшое снижение степени контроля государства над жизнью граждан поможет уменьшить многочисленное недовольство со стороны общественности. Методами решения многочисленных проблем могут выступать переговоры и поиск компромиссов, которые будут удовлетворять потребности обоих субъектов.

Помимо этого, важно развивать механизма участия граждан в принятии государственных решений, который можно реализовать с помощью общественных слушаний и голосований.

И, наконец, важно учитывать потребность гражданского общества в доступной и полноценной информации, включая данные в деятельности государства, а также в обеспечении защиты прав и свобод людей, которые включают в себя право на формирование личного мнения и ценностей.

В качестве заключения важно сказать, что противоречия, возникающие в процессе взаимодействия гражданского общества и государства, являются неотъемлемой частью функционирования демократической системы. И прогрессивные изменения такой системы возможны лишь при решении имеющейся проблематики. Причем, механизмами минимизации противоречий могут являться компромиссные решения, уважающие как права граждан в отдельности, так и общества и государства в целом.

Субъекты реализации национального проекта «Демография»

Панин Лев Кириллович, студент магистратуры

Научный руководитель: Газаева Анна Ахматовна, кандидат юридических наук, зав. кафедрой
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

В статье рассматривается структура и компетенции органов власти России в рамках разработки и достижения целей национального проекта «Демография».

Ключевые слова: государственное планирование, государственные программы, национальные проекты, нормативно-правовое обеспечение.

Subjects of implementation of the «Demography» national project

Panin Lev Kirillovich, master's student

Scientific advisor: Gazeaeva Anna Akhmatovna, ph.d. in law, head of department
Ivanovo Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article examines the structure and competencies of Russian government agencies in the context of developing and achieving the goals of the «Demography» national project.

Keywords: state planning, state programs, national projects, regulatory and legal support.

Национальные проекты Российской Федерации последнее десятилетие выступают одним из основных инструментов государственного планирования. В связи с данным обстоятельством реализация национального проекта «Демография» затрагивает все уровни власти, начиная от федерального центра и заканчивая муниципалитетами. По указанной причине крайне важно проанализировать функции каждого из органа власти, их взаимодействие и нормативно правовые акты, которые регулируют данные отношения. Важно отметить, что реализация национальных проектов имеет общенациональный характер. Это означает, что разработка и достижение целей, поставленных в национальных проектах, распространяются на все субъекты права и на всю территорию Российской Федерации. Данная особенность устанавливается Постановлением Правительства РФ «Об организации проектной деятельности в правительстве Российской Федерации», так как инициирование, разработка и контроль за реализацией целей национальных проектов возложена на федеральный центр в лице Президента России или Президиумом совета, Правительством Российской Федерации соответственно согласно главе 2 вышеназванного Постановления Правительства. Сама система реализации предусматривает «каскадирование» реализации от федеральных органов власти до региональных органов и муниципалитетов.

С теоретической точки зрения, необходимость анализа системы реализации национального проекта «Демография» вызвана крайне малым количеством научных трудов на данную тему при высокой важности института рассматриваемого вида федеральных программ. Именно функционирование государственных органов является основной достижения целей и задач, поставленных в национальных проектах, в том числе и проекте

«Демография», а именно повышение благосостояния и качества жизни населения и, как следствие, повышение рождаемости.

В данной работе проанализированы различные источники, в первую очередь, нормативно-правовые акты Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 26.05.2021 N 786 (ред. от 30.05.2024) «О системе управления государственными программами Российской Федерации»; Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. с изменениями от 01.07.2020 г.; Указ Президента Российской Федерации от 19.07.2018 г. N 444 «Об упорядочении деятельности совещательных и консультативных органов при Президенте Российской Федерации» и другие. Также были исследованы некоторые научные работы, например, труды Гончарова В. В. и Тюхова Д. С.

Общий подход к реализации национальных проектов и других программ указан в Постановлении Правительства Российской Федерации от 26 мая 2021 г. N 786 «О системе управления государственными программами Российской Федерации». Так, согласно пункту 6, «Разработка и реализация государственной программы (комплексной программы) осуществляются федеральным органом исполнительной власти либо иным главным распорядителем средств федерального бюджета, определенным Правительством Российской Федерации в качестве ответственного исполнителя государственной программы, совместно с соисполнителями и участниками государственной программы. Соисполнителями государственной программы являются федеральные органы исполнительной власти, иные государственные органы и организации, представители которых определены руководителями федеральных проектов, ведомственных проектов, а также федеральные органы исполнительной власти и организации, являющиеся главными распорядите-

лями средств федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации, ответственные за разработку и реализацию комплексов процессных мероприятий государственной программы. Участниками государственной программы являются федеральные органы исполнительной власти, иные государственные органы и организации, участвующие в реализации федеральных проектов, ведомственных проектов и комплексов процессных мероприятий [2].

Первоочередной фигурой и должностным лицом при реализации национальных проектов выступает Президент России. Очевидно, что именно он является связующим звеном во взаимодействии гражданского общества и государства выступает Президент Российской Федерации. Это вытекает из положений Конституции России и распространяется на многие виды общественных отношений. Так, в соответствии со пунктом 2 статьи 80 Конституции Президент является ее гарантом, а также прав и свобод человека и гражданина [1]. Более того, в пункте 3 вышеупомянутой статьи устанавливаются полномочия Президента по определению внутренней и внешней политики государства. Все указанные правовые нормы формируют юридическую основу для функционирования Президента в отношении национальных проектов. Важно отметить, что Президент играет особо важную роль при их разработке и реализации, так как он выступает координационным органом в отношении исполнительного органа власти, а именно Правительства Российской Федерации. Более того, как уже было отмечено ранее, чаще всего именно Президент выступает инициатором разработок национальных программ и других государственных программ, таким образом выполняя функцию гаранта Конституции и защищая интересы общества и права гражданина. Так, он вправе издать Указ о направлении развития какой-либо социальной сферы и, соответственно, поручить Правительству Российской Федерации разработку национального проекта, связанной с этой сферой. В каждом из Указов Президента определяются основные национальные проекты по следующим направлениям: демография, здравоохранение, образование, жилье и городская среда, экология, цифровая экономика и другие. Также в Указах закрепляются цели для Правительства Российской Федерации, например, снижение показателя смертности населения, улучшение работы медицинских учреждений, создание новых рабочих мест и другие. Если цели, устанавливаемые в данных Указах, представляют собой общие направления работы государственных органов, то задачи выступают в качестве совокупности конкретных мероприятий, за счет которых выполняются поставленные цели. К примеру, в части снижения смертности по направлению «демография» включены задачи по модернизации медицинских учреждений: обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами; внедрение инновационных медицинских технологий, включая систему ранней диагностики и дистанционный мониторинг состояния здо-

ровья пациентов, и другие. Для каждого направления соответственно предусмотрены свои цели и задачи в форме планируемых мероприятий. Именно Президент осуществляет общее руководство Правительством РФ, также он вправе на основании статьи 85 Конституции использовать различные методы и инструменты для разрешения разногласий между органами государственной власти, в том числе согласительные процедуры. Данные правовые инструменты применимы и при реализации национальных проектов. Важно отметить, что помимо реализации Президент выступает «катализатором» разработки национальных проектов и программ, в том числе и проекта «Демография», так как именно Указы Президента № 204 и 309, уже рассмотренные в рамках данной работы, устанавливают цели и задачи национальных проектов на определенный период времени. В преамбулах вышеуказанных нормативно-правовых актов, регламентирующих работу Правительства Российской Федерации и других субъектов по реализации, используются ссылки на данные Указы Президента, что подтверждает его особую роль при определении направлений работы национальных проектов. Немаловажным аспектом участия президента в работе национального проекта «Демография», других национальных проектов и государственных программ является его функционирование в качестве председателя Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам. Данный орган является совещательным [3] и оказывает особое влияние на развитие национальных проектов, так как согласно вышеупомянутому Постановлению Правительства РФ № 1288 стратегию инициирования, подготовки и завершения реализации разрабатывает именно Совет при Президенте Российской Федерации. Это отражено в его задачах, указанных в пункте 4 Положения о Совете при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (данное Положение является неотделимой частью Указа Президента Российской Федерации № 444 исходя из структуры документа [4]). Например, к задачам Совета относятся: подготовка предложений Президенту Российской Федерации по определению и актуализации национальных целей, соответствующих целевых показателей и задач, определению базовых подходов к способам, этапам и формам достижения национальных целей, включая цели и целевые показатели национальных проектов и программ по основным направлениям стратегического развития Российской Федерации; определение стратегических ориентиров для институтов развития, а также ключевых параметров для формирования национальных проектов и программ; координация деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов развития, экспертного и предпринимательского сообществ при рассмотрении вопросов, связанных с достижением национальных целей и реализацией национальных проектов

и программ. Важно отметить, что Положение о Совете при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам утверждается непосредственно Президентом согласно пункту 3 Положения. Из этого можно сделать вывод, что Совет представляет непосредственно Президента и воплощает его инициативу по достижению целей и задач национальных проектов в жизнь. Более того, состав президиума Совета также определяется Президентом. Интересно, что он отражает общую для большинства национальных проектов систему реализации. Так, представителем президиума Совета является Председатель Правительства Российской Федерации, который совместно с другими представителями Правительства предлагает вопросы для обсуждения на заседаниях Совета, утверждает паспорта (на уровне Президиума) национальных проектов и государственных программ. Президент также принимает ключевые решения в отношении контрольных процедур относительно работы Совета. Например, согласно пункту 9 Положения, «для обеспечения подготовки решений Совета и координации работы по направлениям его деятельности, а также для обеспечения регулярного рассмотрения хода выполнения Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. N 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» и иных решений Президента Российской Федерации по вопросам стратегического развития Российской Федерации создается рабочая группа Совета». Состав указанной рабочей группы и ее председателя утверждает также Президент Российской Федерации. Также при Совете существует другая специализированная группа по «взаимоувязке» целей и задач деятельности институтов для достижения целей, и задач национальных проектов (пункт 9 (1) Положения). В отношении нее Президент Российской Федерации выполняет аналогичные функции. Из данного анализа вытекает тот факт, что Президент Российской Федерации напрямую или опосредованно (через представителей различных ветвей власти, в первую очередь Правительства): обозначает необходимость разработки национальных проектов и национального проекта «Демография» в частности, принимает участие в их официальном утверждении и в разработке их регулятивных нормативно-правовых актах, а также контролирует и координирует органы власти при реализации национальных проектов.

Как уже было рассмотрено, именно Правительство непосредственно организует работу национальных проектов в соответствии с Методическими указаниями [5] и Постановлением РФ Правительства № 1288 [6]. Организация проявляется в двух направлениях — разработке и реализации. Интересно, что согласно паспорту национального проекта «Демография», равно как и паспортам других нацпроектов, за его реализацию ответственны куратор, руководитель и администратор, которые являются представителями Правительства РФ. Куратор является главной фигурой и несет ответственность непо-

средственно перед Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации. Он осуществляет политическое руководство проектом (определение общих приоритетов и стратегия достижения целей), имеет наивысший контроль выполнения, в его функционал входит координация министерств и решение межведомственных конфликтов. Куратором национального проекта «Демография» является Татьяна Голикова (Председатель Правительства Российской Федерации). Также важной фигурой является руководитель — ключевое лицо, обеспечивающее стратегическое управление и достижение целей национального проекта. Его задачи связаны с принятием решений, координацией, созданием условий и контролем результатов. Он отвечает за стратегическое планирование, принятие различных управленческих решений, а также за координацию органов на более низком уровне. Руководителем национального проекта «Демография» является Министр труда и социальной защиты М. А. Топилин. Также у каждого национального проекта есть администратор. Администратор является основным актором операционно-организационной и технической поддержки проектной деятельности. Он обеспечивает работу инфраструктуры управления национальным проектом, ведёт документацию. В его обязанности входит: подготовка и организация совещаний, встреч, сессий проектной команды, осуществление документационного сопровождения. Администратором национального проекта «Демография» является Первый заместитель Министра труда и социальной защиты Российской Федерации А. В. Вовченко [7].

Важным звеном реализации национального проекта «Демография» и других федеральных программ являются субъекты Российской Федерации. Согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 31 октября 2018 г. N 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации», в целях достижения показателей и мероприятий федерального проекта, входящего в состав национального проекта, между руководителем федерального проекта, входящего в состав национального проекта, и руководителем регионального проекта, уполномоченным высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации, заключается соглашение о реализации на территории субъекта Российской Федерации регионального проекта, обеспечивающего достижение показателей и результатов соответствующего федерального проекта, входящего в состав национального проекта, дополнительное соглашение о внесении изменений в указанное соглашение [6]. Данное соглашение является основой для работы федерального центра и субъекта России. Ключевыми формами участия органов исполнительной власти субъектов РФ в реализации приоритетных национальных проектов выступают действия, направленные на создание необходимых правовых условий для их выполнения. Важнейшую роль при этом играет региональное правотворчество, обеспечивающее нормативное сопровождение разработки и реали-

зации конкретных мероприятий, входящих в структуру национальных проектов. Многие исследователи подчёркивают, что такое нормативное регулирование является важнейшим условием эффективности национальных проектов, поскольку позволяет учитывать особенности региона, обеспечивать практическую реализуемость мер и формировать целостную правовую основу для деятельности всех участников. Также Участие органов исполнительной власти субъектов РФ в реализации приоритетных национальных проектов проявляется, в частности, в их софинансировании за счёт средств региональных бюджетов. Это включает и разработку собственных региональных мероприятий, которые дополняют федеральные инициативы и способствуют достижению целей проекта на территории конкретного субъекта. Кроме того, важным направлением деятельности является подготовка предложений по совершенствованию федерального законодательства, регулирующего формирование и реализацию приоритетных национальных проектов. Руководители регионов обладают возможностью влиять на федеральное нормотворчество как через своих представителей в Совете Федерации Федерального Собрания РФ, так и посредством участия в работе Государственного совета Российской Федерации [11].

Резюмируя, реализация национального проекта «Демография» на уровне субъекта происходит через систему регионального проектного управления и включает несколько последовательных этапов. Сначала в регионе создаётся проектный комитет, который возглавляет глава субъекта или его заместитель. Этот орган утверждает региональные проекты, распределяет ресурсы, контролирует выполнение и решает проблемные вопросы. По каждому направлению национального проекта назначаются руководители региональных проектов, администраторы и исполнители, которые отвечают за стратегическое и операционное сопровождение реализации.

Затем регион формирует собственные региональные проекты по каждому федеральному направлению нацпроекта «Демография». Обычно это финансовая поддержка семей при рождении детей, содействие занятости, развитие системы долговременного ухода и поддержка старшего поколения, развитие массового спорта и укрепление общественного здоровья. По каждому направлению утверждаются показатели (KPI), мероприятия, календарные планы, сметы и состав проектных команд. Эти документы проходят утверждение на уровне регионального проектного комитета. Финансирование реализации нацпроекта обеспечивается за счёт сочетания федеральных трансфертов и регионального софинансирования. Федеральные министерства выделяют субъектам субсидии и определяют условия их использования, а регион закладывает встречные средства в собственный бюджет. После этого правительство субъекта распределяет ресурсы между профильными ведомствами — как правило, министерствами труда и социальной защиты, здравоохранения, спорта, образования и экономического развития.

Далее ведомства приступают к реализации мероприятий. В сфере поддержки семей это включает выплату пособий и региональных мер соцподдержки. В направлении занятости — модернизацию центров занятости, обучение граждан 50+ и женщин с детьми, развитие гибких форм трудоустройства. Для старшего поколения организуются услуги долговременного ухода, сопровождение на дому, профилактические медосмотры. В спортивной блоке реализуются проекты по строительству и ремонту объектов, внедрению ГТО и развитию массового спорта. В сфере общественного здоровья проводятся профилактические кампании и мероприятия по популяризации здорового образа жизни. Параллельно с реализацией мероприятий ведётся постоянный мониторинг. Региональный проектный офис собирает данные от ведомств, отслеживает выполнение календарных планов, анализирует показатели, контролирует риски и расходование средств. Информация загружается в федеральные и региональные информационные системы, такие как ГИС «Управление». Федеральные министерства осуществляют контроль, проводят проверки, совещания и могут требовать корректировки планов. Если регион не достигает целевых показателей или сталкивается с проблемами, проектный офис и проектный комитет вносят изменения в планы, перераспределяют ресурсы, уточняют мероприятия или принимают управленческие решения по участникам проекта.

Важную роль играет также общественный контроль — эксперты, общественные организации и граждане могут оценивать результаты нацпроекта, поскольку информация о ходе его реализации публикуется в открытых источниках. Таким образом, реализация национального проекта «Демография» в субъекте представляет собой непрерывный управленческий цикл: от формирования региональных проектов и распределения ресурсов до исполнения мероприятий, мониторинга, корректировок и общественного контроля.

В связи с вышеуказанным, работу рассматриваемого института невозможно представить без совместной работы государства непосредственно и гражданам, так как именно они формируют вышеуказанные запросы. Согласно статье 32 Конституции Российской Федерации граждане имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей [1]. Одним из наиболее доступных способов данной деятельности является членство в общественных организациях, свободная деятельность которых предусмотрена статьей 30 Конституции. Вышеперечисленные статьи дополняются положениями статьи 3 Федерального закона «Об основах общественного контроля Российской Федерации», который вносит определенную императивность в сотрудничество между государством и гражданским обществом [12]. Так, граждане Российской Федерации вправе участвовать в осуществлении общественного контроля как лично, так и в составе общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций (далее — НКО). Те в свою очередь могут являться

организаторами различных мероприятий, в том числе митингов, общественных обсуждений и так далее. Участие общественных организаций и НКО в разработке национальных проектов, в том числе и национального проекта «Демография», и осуществления контроля над их реализацией особенно важно, учитывая уже названную высокую степень их социальной направленности.

Из всех видов общественных организаций именно некоммерческие организации выступают фундаментом гражданского контроля в отношении национальных проектов России. Их деятельность и сущность определена соответствующим Федеральным законом. Согласно пунктам 1 и статьи 2 ФЗ «О некоммерческих организациях», некоммерческая организация — это объединение, основной целью которого является не извлечение прибыли, а достижение социальных целей, охраны здоровья граждан, удовлетворение духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты их прав и законных интересов [8]. Государство, со своей стороны, активно поддерживает указанную деятельность. Так, системе государственной поддержки некоммерческих организаций посвящена Глава 6 Федерального закона. Для НКО, деятельность которых направлена на обеспечение реализации национальных проектов, предусмотрены различные преференции по статье 31.3 рассматриваемого Федерального закона. Органы государственной власти оказывают содействие социально ориентированным НКО в следующих формах: финансирование в форме субсидий, пропаганда и популяризация данных НКО, полное формирование инфраструктуры поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций. При этом помощь оказывается не только со стороны федерального центра, но и на уровне субъектов Российской Федерации, например, за счет разработки и реализации региональных и межмуниципальных программ поддержки; содействия развитию межрегионального сотрудничества; анализа финансовых, экономических, социальных и иных показателей деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций, оценка эффективности мер и другое. Также социально ориентированная некоммерческая организация может получить дополнительное финансирование и поддержку после получения статуса «исполнителя общественно полезных услуг», действие которого ограничено 2 годами, однако указанный срок может быть продлен. Говоря о системе субсидирования непосредственно национального проекта «Демография», то ее регулирование в отношении части его функционирования устанавливается Постановлением Правительства Российской Федерации от 13.03.2021 N 369 «О предоставлении грантов в форме субсидий из федерального бюджета некоммерческим организациям на реализацию мероприятий по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования отдельных категорий граждан в рамках федерального проекта «Содействие занятости» национального проекта «Демография». В данном постановлении указываются конкретные критерии субсидиро-

вания, размер гранта, а также формат взаимодействия (в форме соглашения) федеральных и региональных органов власти с Федеральной службой по труду и занятости в процессе предоставления гранта [9]. При этом, получатель гранта берет на себя определенные обязательства, а также может быть лишен части выданного гранта при отсутствии достижения ожидаемых результатов, так как сумма субсидии рассчитывается по иной формуле.

К наиболее активным в отношении национальных проектов и проекта «Демография» некоммерческим организациям, относятся Автономная некоммерческая организация «Национальные приоритеты»; Автономная некоммерческая организация «Центр реализации национальных проектов», а также различные фонды: фонд «Старость в радость»; фонд «ОРБИ» и некоторые другие. Центральным и наиболее значимой некоммерческой организацией выступает НКО «Национальные приоритеты», так как именно она выступает консолидатором работы в части национальных проектов всех остальных НКО. Например, оно выступает основным PR-агентом национальных проектов России, выступая организатором национального «рэнкинга» компаний и организаций, которые участвуют и помогают в достижении государственных и общественных целей. Чтобы попасть в него, некоммерческой организации необходимо предложить проект, который помогает и соответствует целям национальных проектов. В процессе участия в данном мероприятии некоммерческие организации получают преференции в форме статуса «Партнер национальных проектов», получения различных контактов PR и GR, государственной поддержки и рекламы. Так, В 2020 году Фонд «ОРБИ» решил присоединиться к нацпроекту «Демография» и подал заявку на участие в отборе лучших практик активного долголетия. Организация предложила свою горячую линию помощи после инсульта: больше половины звонков на нее поступает от людей старшего возраста. Проект прошел отбор и получил поддержку «Национальных приоритетов». Сама по себе АНО «Национальные приоритеты» имеет нестандартную юридическую сущность: являясь независимой (автономной) некоммерческой организацией, она была фактически учреждена государством. Примечательно, что ей посвящен отдельный раздел Постановления Правительства «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации». Так, статья 66 постановления устанавливает следующие функции АНО «Национальные приоритеты»: осуществление методологического обеспечения информационного сопровождения реализации национальных проектов и брендинга результатов; обеспечение координации и консультационную поддержку региональных проектных офисов в системе взаимодействия проектных офисов по вопросам проведения необходимых мероприятий в рамках брендинга результатов; определение совместно с региональным и федеральными органами власти целей информационного освещения национальных проектов для каждого субъекта

Российской Федерации; осуществляет сбор и анализ полученных результатов по информационному освещению национальных проектов и брендингу результатов и другое [6]. Исходя из функционала, можно сказать, что рассматриваемого АНО выполняет нестандартные обязательства рекламного агентства, когда остальные перечисленные выше некоммерческие организации имеют скорее социальную направленность. К более классическим направлениям участия некоммерческих организаций в работе национальных проектов выделяют: оказание общественно полезных услуг; обеспечение контроля гражданского общества над деятельностью государственных органов; привлечение добровольческих и волонтерских сил для выполнения отдельных задач для целей реализации национальных проектов и другое [10]. Резюмируя, общественные организации, в частности НКО, играют

большую роль в процессе реализации национального проекта «Демография». Они выполняют широкий спектр задач, начиная от распространения информации о национальных среди граждан, непосредственная помощь наименее защищенным слоям населения, участие в различных мероприятиях, косвенно или напрямую помогающих государству в достижении целей и задач, поставленных в национальном проекте «Демография» и других федеральных программах.

Подводя итоги данного исследования, можно сделать вывод, что система реализации национальных проектов и непосредственно национального проекта «Демография» является крайне развитой и одновременно сложной. Она предусматривает вовлечение органов власти федерального и регионального уровней, а также гражданского общества посредством участия в общественных организациях.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. с изменениями от 01.07.2020 г.
2. Постановление Правительства РФ от 26.05.2021 N 786 (ред. от 30.05.2024) «О системе управления государственными программами Российской Федерации»
3. Указ Президента Российской Федерации от 19.07.2018 г. N 444 «Об упорядочении деятельности совещательных и консультативных органов при Президенте Российской Федерации»
4. Положение о совете при президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (Утверждено Указом Президента Российской Федерации от 19 июля 2018 г. N 444)
5. Методические указания по разработке национальных проектов (программ) (утв. Правительством РФ 04.06.2018 N 4072п-П6)
6. Постановление Правительства РФ от 31.10.2018 N 1288 (ред. От 21.12.2023) «Об организации проектной деятельности в правительстве Российской Федерации»
7. «Паспорт национального проекта «Демография» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 N 16)
8. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 N-7 ФЗ
9. Постановление Правительства Российской Федерации «О предоставлении грантов в форме субсидий из федерального бюджета некоммерческим организациям на реализацию мероприятий по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования отдельных категорий граждан в рамках федерального проекта «Содействие занятости» национального проекта «Демография» от 13.03.2021 N 369
10. Участие некоммерческих организаций в реализации национальных проектов: региональный аспект / Д. С. Тюхов // сборник докладов XVI Международной конференции. Том 2. 2022
11. Место и роль региональной исполнительной власти в реализации приоритетных национальных проектов / Гончаров В. В. // Закон и право № 4, 2010. С. 5–9.
12. Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» от 21.07.2014 N 212-ФЗ.

Правовое регулирование договора об оказании услуг

Петрухина Татьяна Олеговна, студент

Научный руководитель: Альбиков Илдар Ростямович, кандидат юридических наук, доцент

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

В статье исследуется правовое регулирование договора возмездного оказания услуг в Российской Федерации. Рассматриваются его структурные элементы, требования к участникам и особенностям заключения сделок, особенно в медицинской сфере. Отмечается недостаток законодательного определения понятия «услуга», предлагается вариант решения путем внесения соответствующих дополнений в Гражданский кодекс РФ.

Ключевые слова: договор, договор об оказании услуг, услуга.

Legal regulation of the agreement for the provision of services

Petrukhina Tatyana Olegovna, student

Scientific advisor: Albikov Ildar Rostyamovich, phd in law, associate professor

Ulyanovsk State Pedagogical University named after IN Ulyanov

This article examines the legal regulation of contracts for the provision of paid services in the Russian Federation. It examines their structural elements, requirements for parties, and the specifics of concluding transactions, particularly in the medical field. It notes the inadequacy of the legislative definition of the term «service» and proposes a solution by amending the Civil Code of the Russian Federation accordingly.

Keywords: contract, service agreement, service.

Договор возмездного оказания услуг является важнейшим в рыночной экономической системе. Договор об оказании услуг является юридической формой договора, регламентирующий отношения в сфере гражданского права по оказанию различных услуг, по которому исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги, то есть совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность, а заказчик обязуется оплатить эти услуги, если договор является возмездным. Договор возмездного оказания услуг регламентируется Гражданским кодексом Российской Федерации в главе 39 [1].

Практика рассматриваемых правоотношений указывает на то, что договор возмездного оказания услуг имеет различные наименования и содержит разнообразные условия. Договор возмездного оказания услуг является консенсуальным, возмездным и многосторонним, сторонами договора являются исполнитель и заказчик. Исполнителями выступают юридические и физические лица, заказчиком являются физические и юридические лица, индивидуальные предприниматели, публично-правовые образования. Форма договора письменная, так как данная форма предоставляет возможность предупреждения правонарушений сторон, также в рамках данного договора возможно привлечение третьих лиц для выполнения части работы, услуги, либо полное выполнение работы в рамках ответственности исполнителя. Договор об оказании услуг состоит из обязательных элементов: существенные и иные условия, права и обязанности сторон, ответственность за неисполнение условий договора [3].

Особенностью некоторых видов договоров возмездного оказания услуг является ограниченность в выборе сторон, так как, к примеру, договор оказания медицинских услуг предполагает наличие у исполнителя предполагается наличие лицензии на оказание медицинских услуг,

профессиональной компетенции, лицензиями медицинских препаратов и иное. При этом, договор оказания медицинских услуг должен содержать конкретную информацию в рамках Постановления Правительства: сведения об исполнителе, сведения о потребителе, сведения о законном представителе потребителя, сведения о заказчике, перечень платных медицинских услуг, их стоимость, условия и сроки, сведения о лице, заключающем договор, подписи сторон, их ответственность, порядок изменения и расторжения договора, а также иные условия, определяемые соглашением сторон [2].

На практике, как указывает Климова А. Н., договор оказания услуг наиболее чаще носит характер возмездного договора, в виду широкой вариативности его применения, учитывает специфику юридических услуг, а также обеспечивается защита прав клиента, которая считается более слабой стороной обязательств, создающий дополнительные гарантии и механизмы защиты прав получателя услуги [4].

На данный момент существенным недостатком правового регулирования договора об оказании услуг является отсутствие закрепления в законодательстве Российской Федерации правового понятия «услуга». В своей работе Бисалиева А. А. указывает, что понятие «услуга» в законодательстве не указывается, в свою очередь в юридической литературе вышеуказанное понятие несет разнообразный характер. В доктрине существует расхождение мнений по поводу определения данного понятия [5].

Автор считает, что Гражданский кодекс Российской Федерации необходимо дополнить понятием «услуга» — возмездное или безвозмездное действие физического или юридического лица, иного лица в законной правовой форме, направленное на выполнение технического задания заказчика данной услуги.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Постановление Правительства РФ от 11.05.2023 № 736 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 4 октября 2012 г. № 1006» // СЗ РФ. 2023. № 20. Ст. 3565.

3. Самсонов Д. Д. Характерные черты договора возмездного оказания услуг // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 5 (81). С. 647–651.
4. Климова А. Н. Понятие и правовая сущность договора об оказании юридических услуг: теоретико-правовые, законодательные и правоприменительные аспекты // Актуальные проблемы государства и права. 2018. № 8. С. 38–48.
5. Бисалиева А. А. Доктринальные подходы к понятию услуги в договоре возмездного оказания услуг: проблемы определения понятия и выявления сущности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 1–1 (76). С. 85–87.

Язык уголовного судопроизводства: перформативный подход (практическая часть)¹

Почекунин Константин Николаевич, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

Данная статья анализирует перформативы, уделяя особое внимание перформативам в праве. Цель статьи — обозначить пределы перформативных высказываний, столь распространенных в юридической практике. Рассмотреть возможность различения перформативов в языке уголовного правосудия, используя концепты «перформатива» Дж. Остина и «иллокутивного акта» Дж. Сёрля. В этом исследовании предпринята попытка показать актуальность этих двух подходов к понятию перформативности в праве, уделяя особое внимание его практическому содержанию.

Ключевые слова: перформативы в праве, перформативные высказывания, иллокутивный акт, язык уголовного судопроизводства, юридический дискурс, язык права.

The language of criminal procedure: a performative approach (practical section)

Pochekunin Konstantin Nikolayevich, master's student
Baikal State University (Irkutsk)

This paper contains an analysis of performatives with special attention to performatives in the law. The aim of this paper is to circumscribe performatives utterances, so widespread in legal practice. It deals with the possibility to recognise performatives in the language of criminal justice by means of Austin's and Searle's concepts the performative and the illocutionary act. This article attempts to show the actuality of the two major approaches to the notion performativity in the law.

Keywords: performatives in the law, performatives utterances, the illocutionary act, language of criminal justice, legal discourse, language of law.

Говори с убеждением — слова и влияние на слушателей придут сами собой.

Иоганн Вольфганг Гёте

По мнению Фердинанда де Соссюра, «*надо с самого начала встать на почву языка и считать его основанием (norme) для всех прочих проявлений речевой деятельности*» [2, с. 47]. Безусловно, не всегда легко разбить язык на заранее определенные речевые акты. Подчас мы не знаем своего душевного состояния настолько хорошо, чтобы определить, какой речевой акт мы совершаем. Более того, мы часто можем охарактеризовать нашу речь с точки зрения ряда пересекающихся, а иногда и противоречащих друг другу целей и эффектов, которые могут действовать в одно и то же время. Наши мотивы сложны, и наши речевые акты не менее сложны. Философы ука-

зывали на эти и другие проблемы теории речевых актов [3, 4]. И мы вслед за ними готовы согласиться с неопределенностью категорий речевых актов. В самом деле, участники правовой системы часто спорят о том, как охарактеризовать тот или иной речевой акт, причем обе стороны приводят разумные доводы. Как вопрошал еще Монтень: «почему наш язык, которым мы говорим в обыденной жизни, столь удобный во всех остальных случаях, становится темным и малопонятным в договорах и завещаниях, и почему человек, умеющий ясно выражаться, что бы он ни говорил и ни писал, не находит в юридических документах такого способа изложить свои мысли, ко-

¹ Это исследование является практической частью нашей статьи (теоретической части), опубликованной в журнале «Молодой ученый» № 51 (602) декабрь 2025 г. [1].

торый не приводил бы к сомнениям и противоречиям». И тут же отвечал: «Единственно потому, что великие мастера этого искусства, особенно прилежно стараясь отбирать торжественно звучащие слова и изысканно формулировать оговорки, так тщательно взвесили каждый слог, так основательно обработали все виды литературного стиля, что завязли и запутались в бесчисленных риторических фигурах и в таких мелких подразделениях юридических казусов, которые уже не подпадают никаким нормам и правилам и разобраться в которых нет возможности» [5]. Мы же, следуя традиции, прислушаемся к Цицерону, как одному из первых теоретиков права: «Intrandum est in rerum naturam et penitus quid ea postulet pervidendum / Нужно проникнуть в самую природу вещей и глубоко понять ее требования»². С одной стороны, язык, к сожалению, служит лишь установлению дистанции и увеличению пропасти непонимания, продолжая оставаться закрытой для «непосвященных» областью [7]. С другой стороны, к счастью, терминологическая изощренность законодательства является свидетельством высокого уровня законотворческой культуры. «Чем богаче терминологический фонд, подробнее обработана и шире используется специальная законодательная терминология, тем в большей мере достигаются устойчивость, определенность и лаконичность закона» [8]. Тем не менее, мы надеемся показать, что эта эвристика будет полезна для описания широкого круга правовых проблем, связанных с умозаключениями, которые делаются на основе высказываний.

Теперь приступим к рассмотрению перформативного сценария уголовного судопроизводства, предварительно коснувшись некоторых концептуальных сторон понятия перформативности, а после перейдем непосредственно к описанию перформативных формул в уголовном судопроизводстве.

Теория Дж. Остина основывается на противоположности константивов, сопоставимых с ассерторическими суждениями³, и перформативов, произнесение которых равносильно совершению поступка. Если в перформативах главную роль играет иллокутивный акт речепроизводства, формируемый коммуникативным намерением или интенцией говорящего (communicative intention), то в константивах — локутивный акт (locutionary act), включающий референцию и предикацию, т. е. речепроизводство как таковое [9]. В связи с выделением локутивного аспекта («акт произнесения» и «пропозиционный акт») константивы можно рассматривать как соответствие действительности: «В случае константивного употребления мы абстрагируемся от иллокутивного аспекта речи <...> и сконцентрируемся на локутивном; более того, мы используем упрощенное понятие соответствия фактам — упрощенное потому, что, по су-

ществу, оно подключает иллокутивный аспект. <...> В случае перформативного употребления мы уделяем столько внимания, сколько можем, иллокутивной силе высказывания в противоположность измерению соответствия фактам» [10, с. 121]. Если константивы репрезентируют, закрепляют, очерчивают некоторое положение дел, то перформативы осуществляют фактообразующую функцию. Высказывание последних нацелено на достижение конкретного правового результата (напр., возбуждение уголовного дела, вынесение приговора, принесение присяги и т. п.). Произнося слова, субъект речи целенаправленно способствует возникновению, созданию, изменению или прекращению правовых отношений. Он и другие субъекты начинают действовать в правовых рамках, определяющих их права и обязанности, актуализируя коммуникативную ситуацию, которая позволяет или запрещает достичь цели взаимодействия. Проще говоря, в языке права используются перформативы взаимных обязательств.

Можно выделить, опираясь на исследование В. В. Богданова, такие характерные черты перформативов, как: эквиакциональность, или равнозначность описываемому действию; неверифицируемость, т. е. неприложимость к ним критерия «истинности/ложности»; автореферентность, т. е. способность отсылать к своему собственному речевому акту, или указывать на ими самими выполняемое действие; автономинативность, т. е. способность именовать (описывать) самих себя; эквитемпоральность, т. е. совпадение времени совершения речевого акта с моментом его произнесения; *уникальность* (неповторяемость); компетентность, т. е. наличие определенных полномочий у говорящего; *синсеративность*, т. е. наличие условия искренности у говорящего; *препараторность*, или наличие так называемых предварительных, соответствующих ситуации, условий; *субстанциональность*, т. е. соблюдение существенных условий; определенная *грамматическая выраженность*, т. е. дейктический элемент, проявляющийся в форме настоящего времени для перформативного глагола, личного местоимения 1-го лица для первого актанта, личного местоимения 2-го лица для второго актанта, включенной предикатной структуре в качестве третьего актанта (хотя возможны и обезличенные перформативные формулы («Здесь не курят»)) [11, с. 166–167]. Перформативные высказывания, обладающие данными свойствами, являются идеальной, *эксплицитной*, формой выполнения конкретной иллокутивной функции, выражающей коммуникативную интенцию субъекта речи.

Итак, речевые акты непременно соотносены с лицом говорящего. Последовательность речевых актов создает дискурс⁴. Перформативные высказывания в дискурсе осуществляются с помощью речевых актов. Повторим, еще раз

² Цицерон. О высшем благе и высшем зле, V, 16, 44 [6].

³ От латин. assergo — утверждаю. Суждение, утверждающее или отрицающее связь двух понятий. Напр.: «Этот дом плох».

⁴ О дискурсе см. работы Макарова М. Л. и Арутюновой Н. Д. [12, 13]. Приведем для справки типы текста в юридическом дискурсе: 1) правотворче-

сославшись на цитату Дж. Остина, что «предложения такого рода встречаются довольно часто: таковы, например, все так называемые “резольютивные предложения” юридических документов. <...> Это предложения, в которых, так сказать, на деле реализуются юридические акты» [16]⁵. И об этом же, но в другой работе, он пишет: «много “актов”, с которыми имеют дело юристы, либо включают в себя употребление перформативов, либо, по крайней мере, осуществление некоторых конвенциональных процедур» [10, с. 29]. Таким образом, перформатив в праве — это «речевой акт, произведенный в рамках общепринятой ритуальной процедуры»⁶ для осуществления социально значимых действий и, как правило, приводящий к определенному результату, изменяющему статус говорящего и систему социальных отношений, в которые он включен» [21, с. 66].

Все разновидности юридического дискурса имеют свой ряд перформативных высказываний. Примером могут послужить перформативы в праве в контексте современного российского уголовного судопроизводства. Назовем и приведем образцы перформативов, типичных для этого типа коммуникации, выраженные речевым актом (speech act):

1) обвинения («Вы обвиняетесь в совершении А»), осуждения («признать виновным», «приговорить к какому-нибудь наказанию», «вынести обвинительный приговор кому-нибудь») и оправдания (эти перформативы соотносятся с актами извинения, а недоказанность образует перформатив «оставление под подозрением»);

2) раскаяния («В содеянном раскаиваюсь»), признания («Признаю себя виновным») и отрицания вины («Не признаю себя виновным» или «Признаю виновным частично»);

3) отказа от дачи показаний («Я отказываюсь подтверждать данные мною ранее показания...»);

4) неотступного требования («Я настоятельно требую, чтобы...», «Настаиваю на прекращении уголовного дела, за недоказанностью...»);

5) недоверия, или дискредитивы («Я крайне возмущен...», «Выражаю свое глубокое возмущение...»);

6) принятия на себя обязательств («Ручаюсь», «Я гарантирую», «Присягаю», «Обязуюсь»)⁷;

7) соглашения («[Настоящим] X заключает настоящее соглашение о сотрудничестве с Y, согласно которому Y обязуется сделать А. В случае выполнения X своих обязательств Y может применить в отношении X С»);

8) засвидетельствования подтверждения («Перед началом допроса мне разъяснены права, предусмотренные ч. 4 ст. 46 УПК: знать в чем я подозреваюсь...; С моих слов записано верно и мною прочитано; Протокол записан лично, замечаний к протоколу не имею»);

9) предупреждения («Вы предупреждаетесь об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний; Свидетель Е., вы предупреждаетесь об уголовной ответственности, предусмотренной ст. ст. 307–308 УК РФ»)⁸.

Перформативность, являясь аспектом коммуникации, нацелена «на создание фактов в соответствии с признаками фактов, очерченными нормами права, а также на установление фактов и связей между ними (если действиями определенного участника юридического дискурса создан факт Y, то для данного участника должен последовать факт Y 1), которые могут носить условный, конвенциональный характер» [23, с. 150]. Очевидно, что перформативные формулы дискурса уголовного судопроизводства не укладываются в «прокрустово ложе» отдельных речевых актов, оказываясь напрямую связанными с ситуацией коммуникации. Можно сказать, что судебный дискурс создает ситуации, происходящие во-

ство / законодательство (кодексы, уставы, положения, статьи Основного Закона (Grundgesetz)) — die Legislative; 2) осуществление правосудия (иски, показания, экспертизы, заключения, судебные решения) — die Judikative; 3) административные тексты (ведомственный язык и язык ведомственной корреспонденции) — die Exekutive. Юридический дискурс как тип институционального дискурса включает в себя следующие подтипы: законодательный, судебный и административный [14, с. 53; 15].

⁵ Приведем в качестве справки, что под юридическим актом понимаются: 1) составленный в соответствии с законом официальный письменный документ, содержащий общенормативные или индивидуальные предписания; 2) такое правомерное действие, которое специально совершается субъектом права с целью создания, изменения или прекращения определенных правоотношений.

⁶ О ритуальной стороне судебного процесса см. работу немецкого антрополога Кристофа Вульфа [17]. Как отмечает М. Фуко: «Юридическая система, по крайней мере в некоторых из своих аспектов, есть не что иное, как ритуализация речи; определение и фиксация ролей для говорящих субъектов; конституирование доктринальной группы, по крайней мере диффузной; распределение и присвоение дискурса с его силами и его знанием. Система подчинения, главные линии расчленения которой аналогичны» [18, с. 75]. Ритуальные речевые акты переносят акцент со своего содержания на сам факт их произнесения. Судья вступает в должность с момента принесения им присяги. Условно говоря, он идентифицируется: наделяется определенным статусом, правом, дающим произносить специальные слова, носить мантию одежды (парик, если это английский суд), которая является символом принадлежности к институциональной общности. В этом смысле можно отметить, что посредством перформативов язык выполняет «функцию, близкую к магической (ритуальной)» [19]. Ритуальность судебного процесса выражается не только в языке, но и в пространстве, напр., в символическом делении процессуальной зоны и уровнях пола: в наших судах уровень пола для судьи и заседателей (подзона для суда) выше на 45 см уровня зала, а для других участников судебного процесса выше на 15 см. О традиции щепетильного выбора парика (их «цветовой гамме», «родовитости», «безродности» и парике а-ля Шанель) у английских барристеров, которая, более того, зиждется на суеверии, см. ироничный очерк российского журналиста Евгения Ксензенко [20].

⁷ Глаголы «ручаться», «гарантировать», «присягать», «обязываться», согласно теории речевых актов, входят в группу комиссивов: «в системе речевых актов традиционно выделяется класс комиссивов — речевых действий, базовая интенция которых состоит в убеждении адресата в намерении говорящего совершить либо не совершать некоторое действие. <...> Комиссив устанавливает определенное положение дел и соотносится с другими типами речевых действий, классы которых варьируются в работах исследователей. Дж. Остин выделяет вердиктивы (приговор, оценка), экзерситивы (назначение на должность, приказ, совет), комиссивы (обещание, клятвы), бегахитивы (извинения, поздравления), экспозитивы (констатации, признания), Дж. Сёрль противопоставляет репрезентативы (утверждения, уверения), директивы (приказы, просьбы), комиссивы (обещания, гарантии), экспрессивы (выражение эмоций) и декларативы (изменения говорящим статуса адресата — назначения, церемониальные акты)...» [22, с. 165].

⁸ Развернутая трактовка перформативных формул уголовного судопроизводства дана в добротной монографии Палашевской И. В. [23, с. 122–148].

круг перформативных формул, вписанных в сценарий судебного процесса и включенных в речедейтельность его участников, которой соответствуют жанры юридического дискурса⁹.

Подведем итоги и сделаем выводы. Специфика перформативных речевых актов состоит, во-первых, не в описании существующей реальности, а в ее создании, т. е. они производят фактом речи как таковой действие. В этом случае язык выполняет не репрезентативную, а перформативную функцию: язык, таким образом, совершает поступок. Во-вторых, в отличие от констативных, перформативные высказывания не оцениваются как истинные или ложные, а лишь могут удаваться или не удаваться, быть успешными или неуспешными, эффективными или неэффективными («Сим нарекаю этот корабль именем Посейдон»). То есть, перформатив должен удовлетворять «условиям успешности» (*felicity conditions*) [19, с. 372f]. Эти разграничения речевых актов были предприняты Дж. Остином, а после Дж. Сёрл, обнаружив их недостаточность, провел в дальнейшем различение между речевыми действиями. Он выделил в речевом акте: акт произнесения; пропозициональный акт, производящий референцию и предикацию; иллюкутивный акт, осуществляющий целеустановку субъекта речи.

В рамках этих теорий речевых актов для нашего исследования является важным то, что произнесение слов и их сочетаний влечет за собой определенные последствия для субъекта речи. Например, скрепляет его обязательства *de facto* данных им обещаний, извинений, административных и военных присяг, клятв, завещаний и т. п. Кроме того, немаловажным для нас представляется то, что перформативы включены как декларации в текст конституции государства, законов, приказов, постановлений. Поступок, совершенный после произнесения перформатива, исполняется в речевом акте. Выполнение многих действий юридического дискурса просто невозможно представить, если не будут соблюдаться определенные правила и установленные нормы. Например, будучи не выражены текстуально в присутствии сообщества, приговор или судебное решение не будут приведены в исполнение. Путем произнесения текста, к примеру, военной присяги, учреждаются особые правовые условия, обязывающие субъекта речи, если он ее нарушит, нести *de jure* определенную ответственность. Таким образом, «перформатив опирается на социальные конвенции или установления, т. е. систему норм (так, приказ возможен в обществе, в котором существует институт субординации), поэтому перформатив имеет нормативные для данного социума последствия» [19].

В юридической практике целый ряд процедур осуществляется с помощью перформативных высказываний. Используя перформативы, подсудимый может, например, раскаяться в ходе судебного процесса в совершенном преступлении, тем самым с плюсом повлияв на представителя прокуратуры, свидетелей, экспертов, членов суда и даже судью. Перформативы имеют широкое применение не только в судебном заседании, но и в ходе досудебного и судебного расследований, при производстве дознания, при доказывании, в практике толкования и объяснения, при привлечении к юридической ответственности, в случае юридического консультирования, при вступлении в законные отношения, например, во время церемонии бракосочетания.

Речевые акты, содержащие такую перформативную формулу, как «*hereby*»¹⁰ («настоящим подтверждаю», «настоящим удостоверяю»), учреждают правовые в письменной форме документы, требующие подписания. К этим юридически значимым речевым актам относятся перформативные формулы, выражающие приказ, предупреждение, разрешение, обязательство. Нормопровозглашающая¹¹ часть юридического дискурса имеет эксплицитный характер, стоит в повелительном наклонении и выражается инфинитивом, как «обязан», «считать», «постановить», «утвердить», «объявить», «наложить штраф», «отклонить по существу» и т. п. За перформативной частью, имеющей имплицитный или эксплицитный характер, следует пропозициональная часть, которая выражает обязательное либо желаемое положение дел.

Субъектом действия в перформативных конструкциях может выступать не только лицо, но равным образом коллегиальный орган: выборные представительства всех уровней (государственной власти России, субъектов России, а также представительные органы местного самоуправления). Таким образом, к перформативным высказываниям в праве относятся речевые акты, произнесенные в определенных обстоятельствах субъектом, имеющим властные полномочия, и знаменующие действия субъекта, наделенного властью.

Одна из целей настоящей статьи — объяснить некоторые основы языка и лингвистики лицам, связанным с правовой системой, особенно с теми ее аспектами, которые взаимодействуют с уголовным судопроизводством. Этой задаче мы и посвятили наше исследование. Традиционно правовая система не тратит много времени и сил на то, чтобы задать или попытаться ответить на вопросы, поднимаемые философией языка. Отчасти это объясняется тем, что юристы и судьи, многие из которых прекрасно владеют языком, могут не обладать особыми знаниями о механизмах, лежащих в основе наших

⁹ Жанры юридического дискурса: адвокатская (защитительная) речь, обвинительная речь прокурора и речь судьи.

¹⁰ См. более подробно о слове «*hereby*» в нашем вышеуказанном исследовании [1, с. 697].

¹¹ Термин введен Л. Оквистом, который выделил юридические перформативы (*legal performatives*), обладающие самоверифицирующим (*self-verifying*) характером и нормопровозглашающим эффектом (*norm-promulgating*). Под самоверификацией понимается способность перформативов делать себя истинными, будучи произнесенными в соответствующих обстоятельствах. Нормопровозглашающий эффект происходит, когда, е.г., судья провозглашает приговор или решение, обязательные к исполнению [24, р. 110-113].

лингвистических способностей. Своей работой мы пытались показать, что лингвистика достигла огромного прогресса, особенно за последние полвека, но многие остаются крайне неосведомленными о природе человеческого языка.

Более того, мы надеялись показать, как лучшее понимание природы языка и познания может улучшить функционирование уголовного судопроизводства. Отсюда и наша этическая подоплека, которая рельефно в тексте не проявлялась, но всегда держалась нами в уме — изучить и понять, как лингвистические знания и опыт могут помочь обеспечить справедливое наказание виновных и, что еще более важно, предотвратить наказание невиновных. Другими словами, мы уделим внимание тем областям,

где лучшее понимание лингвистики и смежных областей может улучшить качество правосудия.

И, наконец, исходя из этих целей, мы постарались обсудить, как работает язык и насколько восприимчива правовая система к лингвистическим исследованиям на сегодняшний день. Хотелось бы думать, что аспекты лингвистической науки, рассмотренные в данном исследовании, послужат полезными инструментами для того, чтобы разобраться в сути языковых событий, которые анализировались нами на протяжении всей статьи.

Напоследок прислушаемся к гению Гегеля, как автору философии права, из-под пера которого вышло такое наизидание: «Речь — удивительно сильное средство, но нужно иметь много ума, чтобы пользоваться им».

Литература:

1. Почекунин К. Н. Язык уголовного судопроизводства: перформативный подход (теоретическая часть) // Молодой ученый. — 2025. — № 51 (602). — С. 604–609.
2. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1977. — 695 с.
3. John Searle and his critics. — Oxford: Basil Blackwell, 1991. — 405 p.
4. Lukes S. Searle and his critics [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/28294588/Searle_and_his_critics (Дата обращения 11.05.2024).
5. Монтень М. Опыты: [В 3 кн.]. Кн. 3. — Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. — 495 с.
6. Цицерон М. Т. О пределах блага и зла; Парадоксы стоиков. — М.: РГГУ, 2000. — 472 с.
7. Казьмин И. Ф., Локшина М. Д., Боголюбов С. А. Язык закона: монография. — М.: Юрид. лит., 1990. — 189 с.
8. Керимов Д. А. Проблемы общей теории права и государства. В 3 т. Т. 1. Социология права. — М.: Соврем. гуманитар. ун-т, 2001. — 264 с.
9. Макаров М. Л. Речевые акты в анализе языкового общения / Макаров М. Л. Основы теории дискурса. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. — С. 162–174.
10. Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов? / Остин Дж. Избранное. — М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999. — С. 13–135.
11. Богданов В. В. Перформативное предложение и его парадигмы // Предложение и текст в содержательном аспекте. — СПб.: Филолог. фак-т С.-Петербургского гос. ун-та, 2007. — С. 166–173.
12. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. — 280 с.
13. Арутюнова Н. Д. Дискурс / Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Сов. энцикл., 1990. — С. 136–137.
14. Otto, W. Die Paradoxie einer Fachsprache // Der öffentliche Sprachgebrauch. — 1981. — Band II: Stuttgart, Klett-Colta, 1981. — S. 48–57.
15. Коновалова М. В. Эвокационная категория когерентности на примере юридического дискурса. — Челябинск: Энциклопедия, 2014. — С. 48–49.
16. Остин Дж. Перформативы — константивы / Философия языка. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — С. 23–24.
17. Вульф К. Перформативный характер ритуального действия / Вульф К. К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал. — СПб.: Интерсоцис, 2009. — С. 141–144.
18. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. — М.: Касталь, 1996. — 447 с.
19. Арутюнова Н. Д. Перформатив / Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Сов. энцикл., 1990. — С. 372–373.
20. Ксензенко Е. Грязный, престижный и кучерявый. — [Электронный ресурс]. URL: <https://www.euromag.ru/euroblogs/139/grjaznyj-prestizhnyj-i-kucherjavyj/> (Дата обращения 26.05.2024).
21. Купченко Ю. А. Перформативные формулы как генераторы более крупных контентов (на материале юридического дискурса) // Критика и семиотика. — 2013/1(18). — С. 65–72.
22. Карасик В. И. Языковая пластика общения: монография. — М.: Гнозис, 2021. — 533 с.
23. Палашевская И. В. Судебный дискурс: монография. — М.: Гнозис, 2023. — 412 с.
24. Åqvist L. Some remarks on performatives in the law // Artificial Intelligence and Law. — 2003. — № 11 (2–3). — P. 119–122. [Электронный ресурс]. URL: <https://egov.ufsc.br/portal/en/node/28694> (Дата обращения 29.04.2024).

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 4 (607) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 04.02.2026. Дата выхода в свет: 11.02.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.